

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 54

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19*

МОСКВА, САМИЗДАТ, 15 НОЯБРЯ 1979

ПЕРЕИЗДАНО:
НЬЮ-ЙОРК, ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА", 1980

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Выпуск 54

15 ноября 1979 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Первое ноября: арест Татьяны Великановой и Глеба Якунина — Аресты, обыски, допросы — Судебные процессы: Г. Михайлов, Ермолаев и Поляков, Никитин, Российский — В тюрьмах и лагерях — В ссылке — В психиатрических больницах — После освобождения — Преследования крымских татар — События в Литве — Преследования верующих — Право на выезд — Еще об альманахе "Метрополь" — Разные сообщения — Письма и заявления — Новости Самиздата — Поправки и дополнения

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Этот журнал издается в Москве в Самиздате с 1968 г. За эти годы журнал заслужил репутацию наиболее серьезного и достоверного источника информации о политических репрессиях в СССР.

По поручению московской редакции "Хроника текущих событий" переиздается в Нью-Йорке издательством "Хроника".

По-английски "Хроника текущих событий" издается "Международной Амнистией" в Лондоне (адрес для заказов: Routledge Journals, Broadway House, Newtown Road, Henley on Thames, Oxon, RG9 1EN, England).

Необычайно важно, чтобы этот журнал распространялся как можно шире. Редакция издательства "Хроника" просит всех, кто в состоянии это делать, содействовать переправке выпусков "Хроники текущих событий" в СССР.

Издательство "Хроника" вновь подтверждает, что любой орган прессы вправе *бесплатно без запроса издательства* публиковать любое количество отрывков любого объема из "Хроники текущих событий" и использовать информацию из этого журнала. Ссылка на издательство "Хроника" не обязательна.

Издательство "Хроника" вновь подтверждает, что любые радиостанции вправе *бесплатно без запроса издательства* передавать любое количество отрывков любого объема из "Хроники текущих событий" и использовать информацию из этого журнала. Ссылка на издательство "Хроника" не обязательна.

Издательство "Хроника" обращается ко всем, кто в состоянии это делать, с просьбой содействовать организации иноязычных изданий "Хроники текущих событий". Авторские права на полное иноязычное издание "Хроники текущих событий" по договоренности с издательством предоставляются *бесплатно*.

Главный редактор издательства "Хроника"
Валерий Чалидзе

* * *

Издательство "Хроника" имеет статус некоммерческой организации. Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

* * *

Выпуск 54 получен редакцией в июне 1980 г.

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 54

October 15, 1979

Copyright

©

1980 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y., 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Первое ноября	5
Арест Татьяны Великановой	5
Арест Глеба Якунина	8
Первые отклики	12
Аресты, обыски, допросы	23
Дело № 46012	23
Дело о журнале "Поиски"	27
Дело о журнале "Община". Арест Пореша	28
Дело Губермана	30
Дело Зубахина	31
Допрос Тарто	32
Преследования членов СПСМОТ	32
Обыск Волошановича и Ковнера	33
События на Украине	34
Дело Гончарова	34
Дело Монакова	35
Арест Литвина	36
Дело Сичко	37
Обыск у Суровцевой	38
Арест Розумного	38
Арест Горбалья	39
Преследования Кириченко	41
Мафиозные действия	41
Арест Стрельцова	42
Судебные процессы	42
Суд над Г. Михайловым	42
Суд над Ермолаевым и Поляковым	46
Суд над Никитиным	49
Суд над Российским	52
В тюрьмах и лагерях	55
Чистопольская тюрьма	55
Мордовские лагеря	56
Пермские лагеря	59
В других тюрьмах и лагерях	65
В защиту политзаключенных	73
Освобождения	74
В ссылке	75
Освобождения	78
В психиатрических больницах	80
В специальных психиатрических больницах	80

В больницах общего типа	82
Освобождения	84
После освобождения	85
Преследования крымских татар	86
Выселения из Крыма	86
Дело Решата Джемилева	87
События в Литве	89
Суд над Рагайшисом	89
Дело Раманаускайте	91
История болезни Кяльмелене	92
После заявления ксендзов	92
Предупреждения Тамкявичусу и Сваринскасу	94
Аресты, обыски, допросы	94
Арест Терляцкаса	96
Преследования верующих	98
Православные	98
Адвентисты	102
Пятидесятники	103
Иеговисты	104
Баптисты	104
Право на выезд	110
Евреи	113
Немцы	119
Суды над Ноем и Реппом	119
Пятидесятники	121
Смерть Бориса Евдокимова	125
Уехали	125
Еще об альманахе "Метрополь"	126
Разные сообщения	127
Суд над Цурковой	127
Беседа с Бахминым	130
Беседа с Мейманом	130
Беседа с Островской	131
Письма и заявления	135
Документы Католического комитета защиты	
прав верующих	143
Документы Московской группы "Хельсинки"	143
Новости Самиздата	144
Литовский Самиздат	147
Эстонский Самиздат	148
Поправки и дополнения	149
Дело Лубмана	149
Указатель имен	152

ПЕРВОЕ НОЯБРЯ

В этот день в Москве арестовали многолетнюю участницу правозащитного движения Татьяну Михайловну Великанову и члена-учредителя Христианского комитета защиты прав верующих в СССР православного священника Глеба Павловича Якунина.

Т. Великанова и Г. Якунин помещены в следственный изолятор КГБ (Лефортово). Следствие ведет следственный отдел Московского УКГБ: дело № 515 (Якунина) – майор Яковлев, дело № 516 (Великановой) – капитан Каталиков.

(Майор Яковлев, тогда – капитан, и капитан Каталиков, тогда – ст. лейтенант, участвовали в следствии по делу Ю. Орлова – Хр. 44-49).

Утром 1 ноября, в одно время с произведенными арестами, по делу № 515 было сделано семь обысков, по делу № 516 – два обыска.

Арест Великановой и Якунина вызвал многочисленные заявления протеста, обзор которых помещен в конце настоящего раздела.

Арест Татьяны Великановой

Арест и последующий обыск произвел ст. следователь Московского УКГБ капитан Капаев (он, тогда – ст. лейтенант, также участвовал в следствии по делу Ю. Орлова, в частности, допрашивал Т. Великанову – Хр. 47). Явившись с группой из четырех человек на квартиру Великановой в восьмом часу утра и подняв всех с постели (в доме кроме Татьяны Михайловны были ее зять и дочь и их маленькие дети), Капаев объявил Великановой, что она должна поехать “на беседу”, и предложил ей “одеться потеплее”. На ее требование дать официальное объяснение и, если это арест или иное законное действие, предъявить соответствующее постановление Капаев ответил: “Можете считать это нашим произволом”. Он добавил, что, если она не поедет сама, ее увезут насильно. Сопровождать Великанову ушел сотрудник КГБ Л.Б. Каратаев (он участвовал в обыске у нее 11 октября – см. “Дело № 46012” в разделе “Аресты, обыски, допросы”; не путать с Б.Б. Каратаевым – см. “Беседа с Бахминым” в разделе “Разные сообщения”).

Только после этого Капаев предъявил Владимиру и Юлии Кейдан постановление об обыске “по делу № 516”, подписанное Каталиковым, и, вместе с вернувшимся Каратаевым, приступил к обыску. В обыске, как и 11 октября, участвовал (без занесения в протокол) дружинник Шипилов. Понятая Крымская давала следователю советы, где еще поискать, переводила иностранные тексты; она же внимательно осмотрела паспорт пришедшего в квартиру во время обыска Ю. Гримма (высказав при этом сомнение в подлинности какого-то штампа). Второй

понятой, Соколов, охранял входную дверь, а также дежурил в квартире соседки Т. Великановой по площадке, не давая ей подходить к телефону или выйти из квартиры.

Изъятые на обыске предметы записывались в протокол (74 пункта) несколько более подробно, чем на обыске 11 октября, но и здесь были пункты вроде "19 отдельных листов бумаги с различными записями от руки". Среди изъятых:

- документы Московской группы "Хельсинки", "Информационный бюллетень" Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, издания адвентистов (машинописные и типографские), машинописные брошюры на литовском языке (в том числе "Хроника ЛКЦ" № 40);

- документы и информационные тексты о судебных процессах и положении заключенных, заявления в их защиту (например, о М. Кукобаке, А. Российском, М. Плахотнюке, Ю. Литвине);

- зарубежные русские газеты и журналы, издания "Хроники-пресс" (в том числе выпуски "Хроники текущих событий"), книги и другие издания на иностранных языках; среди последних — "Верный Руслан" Г. Владимирова (перевод на французский), издания "Международной Амнистии";

- письма (в том числе адресованные за границу), записки (например: "Тат. Мих., если у Вас появятся точные сведения о случае с Горбале, позвоните... Юра Ярым-Агаев"), записные книжки;

- копия и бумага;

- акт судебно-психиатрической экспертизы Горбаневской Н.Е. от 6 апреля 1970 г.;

- сборник повестей М. Булгакова ("Дьяволиада" и др.).

Владимир и Юлия Кейдан выразили свое возмущение формой проведения обыска (поведение понятых, вторжение в квартиру соседки) и тем, что он проводится без самой Татьяны Михайловны; подписать протокол они отказались. В ответ на их вопросы об ее положении Капаев им дал телефон Каталикова. Позвонив ему после обыска, они добились только подтверждения факта ареста, сообщить что-либо о характере обвинения Каталиков отказался. ("Мне неудобно говорить, у меня гости", — сказал он. Потом оказалось, что в этот момент у него "в гостях" — на допросе по делу № 515 — была Л. Полуэктова; см. ниже.) Не отвечал он родственникам на вопросы о содержании обвинения или хотя бы о статьях УК и в последующие дни ("Это не телефонный разговор").

* * *

Одновременно с арестом Т. Великановой по делу № 516 были начаты еще два обыска — у В.В. Сокирко и Н.П. Лисовской.

* * *

К Виктору Сокирко (Хр. 7, 29, 46, 47, 49, 51-53) пришли с обыском, когда двух его младших детей отправляли в детский сад. Эту обязан-

ность взял на себя один из кагебистов. Двух старших детей в школу не пустили.

Проводивший обыск ст. лейтенант Зотов на вопрос Сокирко ответил, что не знает, в чем суть дела № 516 (для справок он адресовал его к зам. начальника следственного отдела Московского УКГБ майору Трофимову), однако предложил добровольно выдать предметы, "имеющие значение для дела", а именно – литературу, содержащую клеветнические измышления, порочащие строй, а также крупные суммы денег (свыше 1000 руб.). Сокирко заявил, что подобной литературы и подобных сумм не имеет.

В результате обыска изъяты пишущая машинка (третья за этот год), пять записных книжек (адреса и телефоны), реферативные сборники ИНИОН "для служебного пользования", некоторые письма и рукописи, стихи А. Ахматовой и Н. Коржавина, книги В. Буковского и А. Авторханова, фотонегативы с текстом, машинописные копии – всего 22 пункта. В. Сокирко заявил, что изъятые вещи не могут иметь отношения к нарушению закона, и записал свой протест в протокол. Его жена Л.Ткаченко также записала протест – против того, что она и дети были задержаны в квартире.

* * *

Обыск у Н.П. Лисовской проводил ст. лейтенант Никитин. Он показал постановление об обыске "в связи с подозрением на хранение клеветнической литературы и других предметов, относящихся к этому делу" (№ 516). Вместо ответа на вопрос Лисовской о содержании дела № 516 Никитин спросил, отдаст ли она сама "литературу и предметы". Лисовская ничего не ответила, но потом прочла в протоколе: "Заявила, что ничего этого у нее нет". Протокол она не подписала.

На обыске изъяты книги (в том числе "Русская идея" Бердяева, "Жизнь и житие Войно-Ясенецкого" М. Поповского), "Хроника" № 52, много рукописных текстов, список политзаключенных и ссылных и записи о посланной им помощи. Изъяты также пишущая машинка и фотоаппарат.

Нина Петровна рассказывает:

Обыскиватели работали деловито, вели себя корректно. Под конец пункт за пунктом (всего их было 76) я читала протокол, а они укладывали соответствующие вещи в мешок.

Если бы они занимались любым другим делом – можно было бы любоваться их работой, их эрудицией (знают английский, с первого взгляда отличают стихи Ахматовой, Мандельштама и др., когда нет указания автора) и ими самими – молодые, высокие, красивые, хорошо одетые люди... Если бы они занимались чем-нибудь другим...

Н.П. Лисовская (1917 г.р.) – кандидат биологических наук, ст. научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского витаминного

института. Она давно участвует в правозащитной деятельности (Хр. 25, 32, 39), в оказании помощи политзаключенным. В 1970 г. ее уволили из Института биохимии АН СССР.

Арест Глеба Якунина

Как и Т. Великанову, священника Глеба Якунина увезли из дома рано утром, не сказав, что это — арест, и не предъявив постановления на обыск. Следователь даже упрекнул его, когда о. Глеб начал прощаться с женой и детьми: "Что вы, Глеб Павлович, спектакль разыгрываете! Мы вызываем вас как свидетеля — скоро вернетесь".

* * *

После того, как о. Глеб был увезен, в его квартире начался обыск. Постановление на обыск было подписано Яковлевым, проводили его ст. лейтенант Новиков и сотрудники Московского УКГБ Андреев и Ежопков. Протокол обыска содержит 35 пунктов. Были изъяты:

- документы Христианского комитета (в том числе в виде изданной за рубежом книги) и бланки Комитета; многочисленные материалы о положении верующих; письма Патриарху Московскому и иерархам Православной Церкви, а также Папе Иоанну Павлу II;

- религиозные и философские книги, в том числе "Православная мысль", "Русские мыслители в Европе", "Литературное богословие", "Прозрачность" Вяч. Иванова, книга С.М. Соловьева о Владимире Соловьеве, "Отверзи ми двери" Ф. Светова, брошюра "Наши подзащитные" (по делу В.К. Зайцева — см. "В психиатрических больницах");

- письма, телеграммы, адреса, записные книжки;

- магнитофон и кассеты;

- две медицинские справки Г. Якунина (одна — о сделанной ему операции);

- фотокопия протокола обыска от 28 сентября (см. "Аресты, обыски, допросы").

Обыскивающие вели себя грубо. Жена о. Глеба Ираида Якунина отказалась подписать протокол, т.к. обыск проводился в его отсутствие. Только вечером И. Якунина узнала по телефону от майора Яковлева, что ее муж арестован. В чем он обвиняется, Яковлев не сказал.

* * *

13 ноября в квартире Якунина был сделан новый обыск. В этот день И. Якунина обнаружила в почтовом ящике среди прочей корреспонденции письмо без конверта на иностранном языке (каком, она определить не смогла). Вскоре пришли делать обыск. На этот раз его проводил Каталиков. Поведение его и остальных сотрудников КГБ было вызывающе грубым (обыск начался окриком: "Стоять на месте!") и бесцеремонным (разбудили двухлетнюю дочь Якуниных). И. Якуни-

ной предложили выдать документы, литературу, иконы, валюту и другие предметы, "имеющие значение для уголовного дела". Она ответила, что иконы висят на виду, валюты у нее нет, а документы и книги ее мужа она не знает.

Обыскивающие забрали 19 икон (почти все бывшие в доме) и деревянное распятие. (Иконы предварительно сфотографировали со вспышкой, чем и разбудили ребенка.) Изъяли также книги (в том числе снов "О нашем уповании" Д. Дудко), письма, пленки с любительскими фотографиями (сделанными старшей дочерью Якуниных). На замечание И. Якуниной, что все эти вещи были в доме и во время двух предыдущих обысков, уж лучше бы брали сразу все, иначе все время можно приходить, следователи ответили: "И придем". Из "новых" предметов были изъяты письма, пришедшие уже после ареста о. Глеба, в том числе то письмо на иностранном языке, которое только что было вынута из ящика.

Двое понятых активно участвовали в обыске. Кроме того, следователь вызвал соседку Якуниных по дому В.Г. Ширяеву и распорядился, чтобы она произвела личный обыск Ираиды Якуниной и двух девочек: 16-летней Маши Якуниной и ее подруги, приехавшей из другого города в гости. На время личного обыска Ираиде велели быть в маленькой комнате, а девочкам на кухне, так что следователи действовали фактически одни (обыск шел главным образом в большой комнате). Соседка (раньше она постоянно старалась "подружиться" с Ираидой и о. Глебом) очень профессионально провела обыск с раздеванием и прощупыванием швов одежды, доложила следователю, что ничего не обнаружено, но обратила его внимание на то, что у И. Якуниной нательный крестик — золотой. После этого следователь сразу же отпустил ее. И только по настоячивому протесту И. Якуниной Ширяеву записали в протокол (как еще одну понятую) и указали в протоколе факт проведения личного обыска.

* * *

1 ноября по делу № 515 были проведены еще семь обысков: у членов Христианского комитета В. Капитанчука и В. Щеглова, у Л. Ивановой, Л. Полуэктовой, Л. Здановской и В. Степанова. Фамилия женщины, у которой был сделан седьмой обыск, "Хронике" неизвестна; по профессии она машинистка, сейчас на пенсии.

* * *

На обыске у Виктора Капитанчука изъяты 23 папки с материалами Комитета, документы и издания баптистов и адвентистов, пишущая машинка и копирка. Изъяты кроме того книги — "Реквием" Ахматовой, "Права человека" Кренстона, "Один день Ивана Денисовича" Солженицына — следователь определил как "идеологически вредную литерату-

ру". На вопрос Капитанчука, является ли Библия "идеологически полезной литературой", следователь ответил: "Библию мы не берем".

* * *

У Вадима Шеглова обыск начался, когда сам он уже ушел на работу. Его жене сказали, что то, что его нет дома, даже лучше. Изъяты пишущая машинка, фотоаппарат, пленки с фотографиями детей, магнитофонные кассеты (церковная музыка и песни "бардов"), "Хроника" и "Посев" (старые номера, за 60-е годы), папки с бумагами, личные справки и документы (нотариальные копии). Обыск велся тщательно — заглядывали в кастрюли, под ванну и т.п. Жена Шеглова подписать протокол отказалась.

* * *

Обыск у Людмилы Ивановой (жены Л. Регельсона) проводил следователь Бунаков. Иванова не сразу открыла на звонок, и дверь взломали (после обыска починили). Изъяты около 20 документов и книг (среди последних — первый том собрания сочинений В. Максимова, "Архипелаг ГУЛаг", "Метрополь"), чистая бумага, копирка, две машинки. По настоянию Ивановой протокол был составлен очень подробно (его писали три часа).

В последующие дни Л. Иванова звонила майору Яковлеву и настойчиво требовала вернуть ей машинки, так как она — профессиональная машинистка и этой работой кормит пятерых детей. Яковлев отвечал, что решит этот вопрос только при личной встрече, и в конце концов назначил ей прийти 12 ноября. Когда она явилась, ей был устроен допрос, продолжавшийся три часа. Яковлев спрашивал Иванову, чем занималась как члены Комитета Г. Якунин, В. Капитанчук, В. Шеглов (ответ: "Не знаю"), печатала ли Иванова что-либо для них или для Л. Регельсона, просили ли они ее печатать (ответы: "Нет").

Машинки Л. Ивановой вернули.

* * *

Обыск у Ларисы Полуэктовой проводил следователь Попов. Особенно тщательно прочитывались письма. Среди изъятого (в протоколе 23 пункта) — письма, фотографии, четыре документа Христианского комитета и письмо Якунина и Регельсона португальским христианам. После обыска Полуэктову отвезли на М. Лубянку (там находится следственный отдел Московского УКГБ), где ее допросил Каталиков. Вопросы касались взаимоотношений Полуэктовой с членами Христианского комитета и содержания изъятых у нее документов. Кроме "протокольной" части во время допроса велась разъяснительная "беседа", в которой принял участие и пришедший позднее Яковлев. Полуэктовой говорили: "Чего ваши друзья добиваются? Вот ваш Алик (А. Гинзбург — Хр.) нажил болезнь желудка. Отец Глеб получит теперь свои семь лет,

не будет видеть детей, разрушит здоровье". Ее убеждали также, что деятельность Якунина имела политический характер, выделяя особенно изъятые на обыске обращения к португальским католикам. (В этом обращении Г. Якунин и Л. Регельсон предупреждали, что приход к власти коммунистов создал бы смертельную угрозу для Церкви и верующих в Португалии.) Яковлев и Каталиков, разговаривая как бы между собой, рассуждали о том, как работает Комитет. "Получает Комитет письма, а дальше что? Ну, что-то пишут сами, отдали печатать. Кто печатает? Ну, кто-то напечатал, а дальше? Рассылают. Кому?" Полуэктова, заявив, что она ничего не знает о работе Комитета, в их диалог не включилась. Она сказала также, что не знает содержания изъятых у нее документов Комитета. Каталиков обещал дать ей возможность ознакомиться с ними, а в протокол допроса (от ее имени) записал: "Оценку документов Комитета дам на последующих допросах".

5 ноября Полуэктовой прислали повестку на следующий допрос, назначенный на 6 ноября. Однако в этот день она уехала с 12-летним сыном в Венгрию в гости по частному приглашению. 6 ноября на пограничной станции Чоп Полуэктовой объявили, что ее паспорт имеет "устаревшую серию" и поэтому за границу ее не пропустят. Полуэктова объяснила, что паспорт ей только что выдал Московский ОВИР, а когда это не помогло, попросила составить акт о недействительности паспорта. Капитан Скрипка, проводивший операцию, ответил ей, что никакого акта не будет и вопрос о паспорте она может выяснить только в Москве, куда она должна вернуться немедленно. На следующий день, уже вернувшись домой, Полуэктова узнала от старшей дочери, что 6-го весь день к ней приходили какие-то очень обеспокоенные люди, то — "из милиции", то — "из ОВИРа", спрашивали, где мать, когда она вернется.

* * *

Обыск у Лидии Иосифовны Здановской (тетки Г. Якунина) продолжался недолго. Проводил его капитан Заболотный. Все изъятые (в протоколе четыре пункта) принадлежат ее мужу А. Краснову-Левитину, эмигрировавшему в 1974 г. (Хр. 34). Это — почтовое извещение о переводе ему 240 долларов, таможенная декларация о содержимом посылки на его имя из-за границы и несколько разрозненных бумаг из его архива (письма, стихи, черновые рукописи и одно заявление Инициативной группы защиты прав человека, членом которой он был, датированное 1973 г.).

* * *

Владимир Степанов, живущий в г. Пушкино под Москвой, также является родственником о. Глеба (брат его жены). Обыскивающие вошли в его дом в 7 часов утра с помощью соседки — она постучала к ним и сказала, что к Степанову приехали гости. Обыск был очень тщательный: перевернули весь дом, лазили на чердак, некоторые предметы (шка-

тулку, рамку картины) взламывали. Забрали книги, письма, самиздат, а также незарегистрированное охотничье ружье и стартовый пистолет.

Первые отклики

Заявление Московской группы "Хельсинки":

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений
в СССР

3 ноября 1979 г.

Документ № 111

РЕЗКОЕ УСИЛЕНИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ПРАВООЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР

30 октября, в День политзаключенного, в Вильнюсе арестован Антанас Терляцкас (50 лет).

1 ноября в Москве арестованы Татьяна Великанова (47 лет) и священник Глеб Якунин (45 лет).

В Москве в день ареста Великановой и Якунина произведены обыски в квартирах Виктора Сокирко, Нины Лисовской, Виктора Капитанчука, Людмилы Регельсон (Ивановой), Вадима Щеглова, Ларисы Полуэктовой, а также у родственницы Якунина — Лидии Здановской.

Значение этих арестов и обысков далеко выходит за рамки преследования отдельных правозащитников и явно имеет цель полного подавления правозащитного, национального и религиозного движения в нашей стране.

Татьяна Великанова еще в 1969 г. была одним из организаторов Инициативной группы по защите прав человека, сыгравшей огромную роль в формировании правозащитного движения в СССР.

В 1974 г. совместно с Сергеем Ковалевым и и Татьяной Ходорович Великанова гласно взяла на себя обязательство всемерно содействовать распространению "Хроники текущих событий" как легального неподцензурного источника правдивой информации о нарушениях прав человека в СССР.

Татьяну Великанову знают в нашей стране как мужественного самоотверженного человека, отзывающегося на всякую несправедливость, на всякое зло. Ее единственным оружием было всегда только слово. Ее подписи стоят под сотнями документов, выражающих протесты против нарушений прав человека. Она защищала преследуемых крымских татар и немцев Поволжья, евреев-отказников, баптистов и пятидесятников, представителей других религиозных групп. Она поднимала свой голос протеста против незаконных арестов и осуждений людей по политическим мотивам.

Ее имя знают тысячи узников совести и члены их семей. К ней шли, ехали и писали люди со всех концов страны, и для каждого у Татьяны Великановой находилось теплое слово участия, утешения и ободрения.

На протяжении всех лет правозащитной деятельности Великанова подвергалась угрозам и запугиванию со стороны работников КГБ. Слежка, обыски, вызовы на допросы — ничто не могло остановить эту женщину, посвятившую свою жизнь защите прав человека, защите преследуемых и обиженных.

И вот она арестована и брошена в Лефортовскую тюрьму. Это — арест за сбор и широкое распространение информации, за инакомыслие, за свободное высказывание своих убеждений, за помощь людям.

О. Глеб Якунин начал свою деятельность в защиту прав верующих еще в 1965 г. открытым письмом Патриарху Московскому и всея Руси о бесправном положении церкви в СССР, о нарушениях прав верующих. За распространение этого письма, составленного совместно с Николаем Эшлиманом, они оба были отстранены от службы в церкви.

В декабре 1976 г. о. Глеб стал одним из организаторов и активным членом Христианского комитета защиты прав верующих в СССР.

Его деятельность в составе Комитета, а также большое количество лично им написанных статей и обращений по вопросам защиты не только христианской Православной Церкви, но и верующих всех исповеданий сделали имя о. Глеба широко известным во всем мире.

В 1977 г. доклад о. Глеба о положении верующих в СССР читывался и обсуждался на II Сахаровских чтениях в Риме.

Открыто выступая с позиций защиты прав человека, о. Глеб подвергался постоянным преследованиям властей, включая угрозы и клевету в печати.

Неутомимая открытая деятельность о. Глеба в Комитете способствовала преданию широкой гласности многочисленных случаев нарушения прав верующих в нашей стране. Именно это и вызвало арест о. Глеба Якунина.

...

Деятельность всех трех арестованных, видных инакомыслящих, проходила открыто и в рамках легальности. Их арест является вызывающим нарушением Пакта о гражданских и политических правах и Заключительного Акта Хельсинкского совещания.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев

(Об аресте А. Терляцкаса см. раздел "События в Литве".)

* * *

ОБРАЩЕНИЕ К МИРОВОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Русская Православная Церковь в XX веке украсилась многими именами мучеников и исповедников, пострадавших за Церковь Христову, за свободу и чистоту церковной жизни.

Среди православных христиан нашего времени, призывавших обратиться к памяти русских мучеников и исповедников, прославить их подвиг, духовно приобщиться к нему, был священник отец Глеб Якунин. Сам он, начиная со своего "Открытого письма" патриарху Алексию в 1965 году, ревностно выступал за свободу Церкви, за свободу религии в нашей стране.

И вот теперь, после его ареста, он сам претерпевает узы за свое исповедническое служение Церкви Христовой.

Его, как десятилетия назад других исповедников, обвиняют в государственном преступлении. Ему не могут простить того, что перед лицом атеистических антицерковных сил, считающих себя в нашей стране всемогущими, он не побоялся говорить правду.

Отец Глеб — глубоко верующий человек. Вся его деятельность и вся его жизнь посвящены одной цели — служению Богу и Церкви Христовой. Именно это и побуждает его выступать за свободу религии, оказывать помощь всем верующим в Бога, страдающим от нарушения их права на свободу совести.

Мы уверены, что и в заключении отец Глеб остается все тем же ревностным верным Христовым служителем и свое служение исполнит с честью, где бы он ни находился.

Наш христианский долг помнить о братьях, страдающих за веру, за свое служение Богу.

Мы обращаемся к христианам всего мира с призывом молиться об отце Глебе, чтобы Господь укрепил его в его служении, сохранил и спас бы его среди выпавших на его долю испытаний.

Мы обращаемся к христианским пастырям — главам Церквей и религиозных объединений: защитите защищавшего паству Христову!

Мы обращаемся к церковным приходам и всем общинам верующих, Всемирному Конгрессу Христианских Профсоюзов и другим христианским объединениям, ко всем ассоциациям верующих и к каждому верующему лично, ко всем, кому дороги свобода верить в Бога, свобода и достоинство человеческой личности: выступите в защиту Глеба Якунина, сделайте все возможное для его освобождения!

Арест о. Глеба и обыски у других членов ХКЗПВ в СССР показывают, что власти намерены насильственно прекратить деятель-

ность Христианского комитета, пресечь появление правдивой информации о положении религии в СССР. Многие христиане, как православные, так и других исповеданий, выражают готовность участвовать в деятельности Христианского комитета, продолжая работу тех его членов, деятельность которых насильственно прервана. Однако то, насколько Комитет сможет продолжить свою работу, зависит во многом от поддержки мирового общественного мнения.

Если страдает один член — страдает все тело. Свобода религии в Советском Союзе — общее дело всех верующих. Обращаясь ко всем людям доброй воли и в первую очередь к нашим верующим братьям, мы надеемся, что наш призыв будет услышан, что каждая христианская община, каждый приход воспримут это обращение как адресованное непосредственно к ним и не останутся безучастными.

Москва,

10 ноября 1979 г.

*Члены Христианского комитета защиты
прав верующих в СССР — священники:
Николай Гайнов, Василий Фонченков;
миряне: Виктор Капитанчук, Вадим Щеглов*

* * *

Священник Н. Гайнов, вступивший в Комитет сразу после ареста о. Глеба, обратился с письмом к Патриарху Пимену:

... Я знаю его с 1967 г. только с хорошей стороны.

Отец Глеб — глубоковерующий христианин, искренний, ревностный священник, честный человек, неспособный на клевету — преступление, в котором его обвиняют.

...

Ваше Святейшество! Я обращаюсь к Вам, как к Главе Русской Православной Церкви. Сделайте все возможное для освобождения священника Глеба Якунина из-под ареста.

Защитите защищавшего всех!

* * *

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

...

Татьяна Великанова — человек, моральная чистота которого является мерилom для многих, человек, мужеством и самоотверженностью которого мы восхищаемся.

В основе всей деятельности Великановой лежало стремление к гласности и объективности в освещении фактов нарушения прав человека, терпимость и стремление помочь тем, чьи права нарушаются.

Арест Татьяны Великановой нельзя рассматривать как преследование отдельного, пусть одного из лучших представителей правозащитного движения. История предыдущих процессов над известными правозащитниками показывает, что власти фактически возлагают на них ответственность не за их конкретные действия, а за правозащитное движение в целом. Более того, в преследовании таких людей, как Татьяна Великанова, концентрируется попытка властей подавить существующие в нашей стране, хоть и в слабой форме, свободы мысли, слова и совести ...

Мы открыто заявляем, что каждый из нас, так же как и Татьяна Великанова, в меру своих сил и способностей отстаивает и будет отстаивать впредь права человека в СССР с помощью свободного распространения информации обо всех известных нам фактах нарушения этих прав. Будучи уверенными, что именно за это арестована Татьяна Великанова, мы полностью разделяем ответственность за всю ее деятельность и готовы отстаивать правоту своих убеждений и методов в любой открытой форме, вплоть до открытого судебного разбирательства.

5 ноября 1979 г.

*К. Бабицкий, В. Бахмин, Ю. Гастев,
И. Ковалев, А. Лавут, Н. Мейман, Т. Осипова,
Л. Терновский, Ю. Ярым-Агаев*

С аналогичным заявлением выступила С. Каллистратова. В "Заявлении для печати" (посланном в "Известия" и переданном западным корреспондентам) она пишет, что давно и хорошо знает Т. Великанову и ее правозащитную деятельность.

...

Я не только знаю об этой деятельности, но в меру своих сил и способностей делаю то же самое. Убедена, что вся правозащитная деятельность Великановой, как и моя, является легальной, открытой, не содержащей в себе никакого криминала ... Я заявляю, что готова вместе с Татьяной Великановой и наряду с ней отвечать перед любым г л а с н ы м и о т к р ы т ы м судом.

* * *

Е. Боннэр и А. Сахаров 5 ноября опубликовали "Открытое обращение". Они пишут об аресте Т. Великановой:

...

Всего за два дня до этого она была председателем и выступала на традиционной пресс-конференции Дня политзаключенного

и со свойственной ей точностью и скрытой страстью говорила о жизни и борьбе политзаключенных, о новых репрессиях и беззакониях в стране. Последние дни на свободе она провела так же, как многие годы до этого — в самоотверженной работе ради прав человека, ради гласности.

...

Таня Великанова — наш друг, и первое впечатление от ее ареста — как от внезапного стихийного бедствия, ощущения горя и пустоты. Но это не стихийное бедствие — это рассчитанный удар репрессивных органов, не способных к честному и открытому диалогу, боящихся гласности и правды.

...

В. Некипелов в заявлении "К аресту Татьяны Великановой" (10 ноября) говорит:

Они знали, куда ударить ... Татьяна Великанова для всех нас — это пример мужества, бескомпромиссности и нравственной чистоты. Я бы сказал, что она представляет собой квинтэссенцию этой нравственности, живое и наиболее полное выражение того, что можно назвать русским э т и ч е с к и м диссидентством 60-х — 70-х гг.

Она стояла у истоков этого движения и безукоризненно воплощала его духовную суть. Главная особенность: Таня Великанова была очень далека от того, что называется политикой, и никогда не занималась ею.

...

Да, власти знали, куда ударить. Но как бы ни был жесток этот удар, репрессия, которой подвергнута Татьяна Великанова, б е с с м ы с л е н н а . Я говорю это потому, что знаю: тюремщикам не сломить, не изменить Таню, не перечеркнуть ее внутреннюю суть. Где бы она ни была — в камере тюрьмы, в Мордовском лагере, она будет так же, как на той фотографии, что висит сейчас передо мной, светить людям своей прекрасной улыбкой, будет выслушивать их, помогать. Там ведь тоже Россия, все та же Россия, в которую, как в свою судьбу, включена Татьяна Великанова.

Эта репрессия, при всей ее рассчитанности, есть жест слепого и отчаянного бессилия.

Когда в России бросают ж е н щ и н у в тюрьму за Слово и Милосердие — значит, очень плохи дела у правителей России!

...

Л. Терновский заявляет:

...

Ее схватили потому, что власти, держащейся на повальном страхе и оголтелой лжи, нестерпим человек, не дающий себя запугать и говорящий правду.

...

Свое письмо, датированное 1-3 ноября, он заканчивает так:

Арестована Татьяна Великанова. Мой друг и моя единомышленница. Почему она, а не я?

Потому что она лучше и честнее меня. Потому что она стойче и бесстрашнее в своем неравном поединке со злом. Есть времена и обстоятельства, переворачивающие понятия и оценки. Когда позорно сидеть в судейских креслах и почетно — на скамье подсудимых.

МНЕ СТЫДНО СЕГОДНЯ, ЧТО Я НА СВОБОДЕ !

Из заявления В. Сокирко, В. Сорокина, В. Абрамкина (все трое — сотрудники журнала "Поиски"), озаглавленного "Пришла наша очередь...":

Мы знаем Таню много лет. Она была всегда примером, нет, почти недостижимым идеалом бесстрашия и стойкости, работоспособности и скромности ...

И вот ее арестовали — не для суда (Таня не может быть виновна в нарушении законов), для расправы. И потому пришла пора нам, ее подзащитным, заступиться за свои души и заявить прямо:

— Мы не можем отказаться от защиты других людей и себя, от сотрудничества с "Хроникой текущих событий" и преемницей Инициативной группы — Хельсинкской группой;

— Мы не можем отказаться от Самиздата, от свободы мысли и слова, завоеванных Таней и ее соратниками;

— Мы не можем отказаться от защиты прав человека, от помощи политзаключенным, от ответственности за страну и ее будущее.

...

* * *

Два заявления требуют освобождения Т. Великановой до суда и гласного судебного разбирательства выдвигаемых против нее обвинений.

Л. Богораз в "Открытом заявлении" Генеральному Прокурору СССР от 4 ноября пишет, что хотя формально никто не знает обвинения, предъявленного Татьяне Великановой, но и она, близкая ее подруга и родственница, и многие другие, знающие Т. Великанову, понимают, что причина ареста — ее участие в

ненасильственной гуманистической деятельности, которую вот уже полтора десятилетия преследуют органы власти и за которую отбыли и отбывают сроки заключения многие граждане нашей страны.

Она напоминает, что до ареста у Т. Великановой произвели обыски по делу № 46012 — делу "о неофициальных бесцензурных самиздатских периодических изданиях, т.е. об информации".

Л. Богораз считает незаконной практику ареста до суда людей, "обвиняемых в ненасильственной общественной деятельности", в частности — по ст. 70 и ст. 190-1 УК РСФСР, и требует освобождения Т. Великановой из предварительного заключения.

В заявлении С. Ходоровича, А. Кистяковского, А. Морозова говорится:

...

Только суд — по-настоящему открытый и гласный, на который будут допущены *все* свидетели и выбранный ею защитник, — способен решить, виновна ли Татьяна Великанова перед нашим обществом. Мы уверены — на беспристрастном суде, несомненно, выявится, что советские люди должны быть благодарны Татьяне Михайловне за безаветное, всегда открытое служение поправленной правде и справедливости.

А сейчас, пока не было такого суда, мы требуем выпустить ее из тюрьмы — тем более что скрыться или как-нибудь иначе помешать государственному следствию она не сможет, а главное, не захочет.

...

* * *

Л. Копелев в своей статье "Об аресте Татьяны Великановой" пишет о ней, как о "подвижнице", стоящей в ряду героических женщин русской истории и продолжающей столь характерную для русских женщин традицию "готовности к самопожертвованию". При этом ей "чужда героическая поза", она "правдива безоговорочно, безоглядно".

... о чем думали те, кто приказал арестовать Татьяну Великанову, священника Глеба Якунина, Антанаса Терляцкаса ...

... Каковы реальные последствия всех обысков, арестов, судов? Они очевидны: растет заслуженно добрая слава узников советских. С каждым днем больше тех, кто им сочувствует, сострадает, готов помогать и подражать. И растет заслуженное беславие гонителей ...

Л. Копелев думает, что хоть "трудно рассчитывать на великодушные и милосердные" власти,

но ведь есть же — должны быть — и там просто здравомыслящие люди, способные понять, что все эти преследования вредят прежде всего самому государству. Чрезвычайно вредят его международному престижу. Но еще вредоносней для нашего народа, ибо разрушают правосознание, вызывают неуважение к любым законам, удобряют ту почву, на которой вырастают циничное равнодушие к общественным интересам и настоящая преступность.

Поэтому он призывает добиваться освобождения арестованных.

Главное — не прекращать усилий, не успокаиваться, пока все они не будут на свободе.

Человечество живо одною
Круговою порукой добра.

— заканчивает Копелев стихами неизвестной монахини, найденными Мариной Цветаевой.

* * *

Группа граждан Эстонии — М. Никлус, Э. Удам, Э. Тарто, Э. Ратас, П. Силла, В. Рейнарт, В. Нийтсоо, Л. Парэк — обратились с заявлением в ПВС СССР:

Ввиду недавних арестов в Москве и в Вильнюсе число узников совести в Советском Союзе увеличилось на три человека.

В связи с арестами активистов по правам человека Татьяны Великановой, о. Глеба Якунина и Антанаса Терляцкаса со стороны органов КГБ выражаем свое глубокое возмущение.

Протестуем против непрекращающегося преследования правозащитников в СССР. Просим их немедленно освободить.

(Адрес для ответа, указанный в заявлении, — Марта Никлуса.)

Литовская группа "Хельсинки" 10 ноября направила "Протест правительству СССР" (документ № 19), подписанный О. Лукаускайте-Полшкене, Б. Лауринавичюсом, М. Юрявичюсом, А. Статкявичюсом. Группа заявляет, что арест Великановой, посвятившей "много усилий для защиты основных прав человека в Советском Союзе", противоречит Хельсинкскому Заключительному Акту, а именно — п. 7 первого раздела, содержащему обязательство "уважать права человека и основные свободы", "действовать в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека".

* * *

В заявлении, сделанном от имени Рабочей комиссии СМОТ В. Кувакиным, Е. Николаевым, В. Новодворской, говорится:

...

Великанова и Якунин являются настоящими Гражданами своей Родины, видящими свой долг в том, чтобы не на словах, а на деле ежедневно и ежеминутно претворять в жизнь совет первого руководителя нашего государства В.И. Ленина профессору Адоратскому — "научить [людей] воевать за свое право по всем правилам законной в РСФСР войны за права". В чем могли увидеть власти преступление? В том, что Великанова и Якунин доводили до сотен и тысяч людей правду об истинном положении соблюдения прав человека в СССР?

...

Заявление заканчивается призывом к трудящимся "подать свой голос" в их защиту.

* * *

Ф. Светов и З. Крахмальникова написали обращение "Татьяна Великанова и о. Глеб Якунин — арестованы!" (его подписали также священник Д. Дудко с семьей и еще 15 человек).

...

История России двух последних десятилетий явила поразительные примеры человеческого мужества, чистоты, жертвенности и бескорыстия. В историю России записаны имена Татьяны Великановой и отца Глеба Якунина. Это особая жизнь и особое служение. Это невиданное, изо дня в день в течение десятилетия забвение себя для других ..., защита прав человека в самом высоком христианском смысле ... "Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня;... был болен, и вы посетили Меня, в темнице был, и вы пришли ко Мне" (Мф. 25.35,36).

...

Мы просим молиться о них, просим помощи в любой возможной форме, мы просим помнить об их детях и внуках.

Арест Татьяны Михайловны Великановой и отца Глеба Якунина — не частное дело и беда их родных и близких, это — удар в самое сердце живой страдающей России.

* * *

Кроме приведенных выше заявлений, писем, обращений отдельных людей и небольших групп были распространены два заявления, открытые для подписи в течение длительного времени. К 15 ноября (дата наст. вып.) каждое из них подписали более 100 человек. (Окончательное число подписавшихся будет сообщено в следующем выпуске.)

К АРЕСТУ ТАТЬЯНЫ ВЕЛИКАНОВОЙ

Мы потрясены арестом Татьяны Михайловны Великановой. Все десять с лишним лет ее участия в борьбе за права человека этого можно было ждать в любую минуту, не она — первая, но к такому нельзя привыкнуть. Как нельзя привыкнуть и к тому, что правители этой страны глухи к любому протесту и даже к доводам благоразумия: не подрывайте свой престиж, ведите свою "идеологическую борьбу" словом (если есть, что сказать), а не кулаком. И вот снова протестуем и объясняем, чтобы призвать к протесту других, сегодня — без нее, о ней.

То, чем жила Татьяна Великанова эти десять лет, не хочется называть распылчатым словом "деятельность". Это — работа, тяж-

кий труд, с ежедневным, ежечасным "надо", приказанным совестью.

...

Сейчас в кабинетах Лубянки сыщики и эксперты копаются в "папках с различными машинописными и рукописными текстами" и записных книжках, унесенных — почти без описи, второпях — на двух последних ее обысках. Чей почерк? Чья машинка? Кто передал? Сыщут, наверное. Но мы знаем, что не смогут отыскать ни слова клеветы, и знаем, что все равно запишут ее в приговор, как записали Сергею Ковалеву и Юрию Орлову, и добавят — "с целью подрыва или ослабления". Может быть, не погнушаются (такое тоже уже видали) и совсем черной клеветы: за плату старалась, по заданию "центров", для славы.

В заявлении говорится далее об абсолютной несовместимости характера Т. Великановой со стремлением к славе или корысти, как и с идеями "подрыва власти".

Наконец, мы заявляем, что ни Т. Великанова, ни движение за права человека в СССР в целом не знают никаких "заданий", никаких "зарубежных центров". Есть друзья и единомышленники — среди них П. Григоренко, Л. Алексеева, А. Гинзбург, В. Чалидзе, К. Любарский, Е. Янкелевич, эффективно помогающие тем, кто здесь, все тем же оружием — гласностью, той же самоотверженной работой.

Цели и мотивы Татьяны Великановой идут из самой сути ее личности. Она — из тех, кто умеет услышать чужую боль и унижение и не умеет оставаться при этом в бездействии, из тех, у кого циничное беззаконие вызывает не паралич страха, а волю к противодействию. Она убеждена, что сегодня и здесь надо отвоевывать права — для человека, а не для политики. Она стала делать это так, как умеет, беря на себя самое трудное и самое опасное. В этот труд она внесла и свой талант исследователя ("Математикой займусь в камере", — не раз шутила она), и житейскую мудрость, и безукоризненную честность.

Не стоит гадать, что готовят Татьяне Великановой тюремщины, — устрашающий приговор, чтобы другим неповадно было, или "гуманное" изгнание, которое для нее было бы худшим наказанием. Она в полной мере заслужила, чтобы тысячи людей в этой стране и за ее пределами потребовали:

Свободу Татьяне Великановой!

Вместе с этим заявлением было распространено письмо С. Каллистратовой, А. Лавута, И. Хохлушкина, в котором они просят сообщать им и о других выступлениях в связи с арестом Т. Великановой.

К АРЕСТУ о. ГЛЕБА ЯКУНИНА

1 ноября арестован православный священник Глеб Якунин, один из основателей Христианского комитета защиты прав верующих. В обществе, где атеизм является государственной идеологией, этот Комитет явился первым объединением христиан в защиту религиозной свободы.

...

Как велика оказалась потребность в деятельности Комитета, показывают многочисленные заявления и жалобы верующих, постоянно поступающие в его адрес.

...

Защита прав верующих необходима и для нормальной жизни государства, десятки миллионов граждан которого являются верующими.

Мы рассматриваем арест о. Глеба как препятствие нормализации религиозной жизни со стороны властей. Это еще одно проявление трагического ослепления, характеризующего уже многие десятилетия отношение государства к верующим в нашей стране.

* * *

“Хроника” считает, что арест Татьяны Великановой, одна из самых тревожных акций в кампании по ликвидации правозащитного движения, несомненно имеет и свою особую цель — ликвидировать гласность, для становления которой Т.М. Великановой сделано очень много.

Одной из реализаций принципа гласности в нашей стране является выходящая уже одиннадцать с лишним лет “Хроника текущих событий”.

“Хроника” полагает, что этот принцип гласности искоренить не так легко. Поток информации о борьбе за права человека в СССР не прекращается.

“Хроника текущих событий” продолжает выходить.

АРЕСТЫ, ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ

Дело № 46012 (Хр. 52, 53)

26 августа в г. Камешково Владимирской обл. был проведен обыск у члена Московской группы “Хельсинки” В. Некипелова. В обыске принимали участие помощник прокурора г. Владимира Г.П. Юров, майор КГБ Н.А. Обрубков и инспектор угрозыска В.Н. Хохорин. В протоколе обыска значится 117 пунктов. Изъяты помимо прочего номер

"Хроники текущих событий", документы Московской группы "Хельсинки" и Инициативной группы защиты прав инвалидов, неподцензурная литература, напечатанная как в Самиздате, так и за рубежом. Забрали также статьи Некипелова и его письма. (О Некипелове см. также "Разные сообщения").

* * *

13 сентября в Москве был проведен обыск у Сергея Белановского (Хр. 45).

За несколько часов до обыска его знакомому Б. Юровскому позвонил по телефону человек, представившийся "знакомым Сергея", и попросил "подготовить чемодан". В 7 часов вечера этот чемодан, заклеенный пластырем с подписью "Белановский", был изъят. В нем находился самиздат, в том числе старые "Хроники".

Обыск у Белановского также начался в 7 часов. Обыск проводил Ю.А. Бурцев (Хр. 52, 53). В нем участвовало помимо понятых еще три человека. Двое предъявили удостоверения сотрудников угрозыска, однако при поддержке Бурцева не дали записать свои фамилии. Третий пришел позднее. Бурцев предложил добровольно выдать "заведомо ложные измышления". Белановский заявил, что отдаст весь "самиздат", однако не считает, будто в отдаваемых текстах содержатся "заведомо ложные измышления". Он сказал также, что будет настаивать на том, чтобы все изъятые были ему возвращены.

Несмотря на то, что Белановский выполнил свое обещание, обыск состоялся. В результате изъяты номера "Хроники текущих событий" (последний — 45-й), книга Комарова "Уничтожение природы" (изд-во "Посев"), восемь машинописных экземпляров этой книги, "К суду истории" Р. Медведева, переводы изданных в Польше статей С. Лема, две пишущие машинки. Забрали также 10 папок с сочинениями М. Лятова (Яковлева — Хр. 53); эти папки не входят в число "добровольно выданных" документов.

Через несколько дней Белановскому по телефону назначили встречу на улице, чтобы отдать некоторые изъятые вещи. Белановскому вернули пустой чемодан и предложили побеседовать. Ему сказали, что Бурцев не надеется на получение от него, Белановского, показаний по существу, поэтому в ближайшее время он на допросы вызываться не будет. Белановскому заявили: "Некоторые думают, что если дело идет долго и никого не привлекают, то так будет и дальше. Это не верно. В скором времени то или иное решение будет принято."

От Белановского пытались добиться обещания ничем активно не заниматься и на прощание предложили еще раз встретиться. Он ответил, чтобы его вызывали повесткой.

12 октября Белановского с работы отвезли в Черемушкинский районный отдел Московского УКГБ. В очень грубой форме, резко контрастирующей с предыдущей "беседой", ему заявили, что он не является на до-

просы по повесткам, и предъявили предостережение "по Указу". Подписать его Белановский отказался. (Через день он обнаружил в почтовом ящике повестку с вызовом на давно прошедшее число.) В конце октября предостережение "по Указу" было сделано также Юровскому. Он подписал его.

Белановскому 26 лет, по образованию он химик, работает в лаборатории социологических исследований во ВНИИУголь.

* * *

11 октября по постановлению, подписанному Бурцевым, в Москве были проведены обыски у Татьяны Великановой и у члена Московской группы "Хельсинки" Татьяны Осиповой.

Обыск у Великановой проводил ст. следователь Московской городской прокуратуры Пономарев (Хр. 44). Согласно протоколу, в обыске участвовали два сотрудника милиции из ГУВД, участковый милиционер и дружинник С.Е. Шипилов. В обыске также участвовал не внесенный в протокол сотрудник КГБ Л.Б. Каратаев. Обыск начался в отсутствие Т.М. Великановой; она пришла часа через три, когда обыск уже подходил к концу; у членов ее семьи, присутствовавших при обыске, создалось впечатление, что обыскивающие торопятся закончить обыск до ее прихода. В протоколе, содержащем 99 пунктов, большая часть изъятых фактически не описана. Например: "43. Папка с м/п текстами со слов "Суд с собаками" до слов "Ида Нудель 20 июня 1978 г." на 136 листах." Среди изъятых:

- документы, касающиеся арестов, судов, положения заключенных, верующих и желающих эмигрировать;
- документы различных правозащитных ассоциаций;
- выпуски "Хроники текущих событий" (самиздатские и перепечатанные издательством "Хроника-Пресс"), "Информационный бюллетень", издаваемый К. Любарским в Мюнхене;
- книги и журналы, изданные за рубежом;
- самиздат, в том числе по три экземпляра выпусков 3-7 сборника "В защиту экономических свобод" (составитель — Буржуадемов).

После обыска слежка за Т. Великановой стала практически непрерывной вплоть до ее ареста 1 ноября (см. выше).

* * *

Обыск у Осиповой проводил ст. следователь Московской городской прокуратуры Воробьев. На обыске были изъятые:

- документы Московской группы "Хельсинки", Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР;
- письма и заявления, адресованные Московской группе "Хельсинки" и лично Т. Осиповой;

- письма и заявления в официальные советские учреждения и ответы на некоторые из них;
- копии протоколов обысков, обвинительных заключений, приговоров, кассационных жалоб;
- документы о преследовании правозащитников, верующих, крымских татар и о положении заключенных;
- список политзаключенных (около 300 листов);
- сравнительная таблица УК разных республик (копия с официального издания);
- предложения к проекту Конституции СССР;
- несколько выпусков "Хроники текущих событий";
- книги и журналы, изданные за рубежом, в том числе "В круге первом" Солженицына, "Технология власти" Авторханова, "Светлое будущее" Зиновьева;
- две пишущие машинки, два магнитофона, два фотоаппарата;
- три куртки, джемпер, перчатки, комплект нижнего белья, консервы, шоколад, кофе, сигареты, жевательная резинка;
- 1074 рубля.

Т. Осипова и ее муж И. Ковалев отказались подписать протокол обыска, но сделали к нему замечания. Ковалев, в частности, написал:

Протокол составлен таким образом, что нельзя идентифицировать изъятые материалы. Например, неизвестно, что значит "различные документы".

...

Заявляю решительный протест против незаконного изъятия и неправильного оформления протокола.

20 октября в заявлении прокурору РСФСР Т. Осипова потребовала возбудить против следователя Воробьева уголовное дело по статьям 171 ("Превышение власти или служебных полномочий") и 172 ("Халатность") УК РСФСР:

...

Воробьев изъясил множество предметов, *заведомо* не могущих быть клеветническими, а именно:

- а) деньги — 1074 рубля;
- б) вещи — куртки, перчатки, комплект нижнего белья и др.
- в) продукты питания — консервы, шоколад, кофе и т.д. — чем превысил свои служебные полномочия, причинив моей семье существенный ущерб, т.е. совершил действия, подпадающие под ст. 171 УК РСФСР.

Кроме того, следователь Воробьев, в нарушение ст. 171 УПК РСФСР, не только не предъявил мне изымаемые вещи и документы, но и отказался это сделать даже в ответ на мое прямое требование. Таким образом, я была лишена возможности убедиться,

что все изъятное внесено в протокол и записано правильно.

Я была также лишена возможности проверить, правильно ли зачитывается протокол, т.к. копию протокола для сверки читаемого и написанного мне также отказались дать.

Был совершен и ряд других нарушений, которые, как и предыдущие, отмечены мною и моим мужем в замечаниях к протоколу.

В связи с тем, что обыск и изъятие материалов связаны с уголовным делом, следовательно, допустив халатность, причинил существенный вред интересам (охраняемым законом) как моим, так, возможно, и других граждан, т.е. совершил действия, подпадающие под ст. 172 УК РСФСР.

...

Дело о журнале "Поиски" (Хр. 52, 53)

Утром 15 августа в квартиру Т.Н. Бабухиной (матери В. Сорокина), проживающей в г. Пушкино Московской обл., ворвались, выломав дверь, несколько милиционеров. Они силой доставили 70-летнюю Бабухину в отделение милиции, якобы для допроса, который должен был вести следователь Н.М. Цыганок. Он, вместе с другими сотрудниками милиции, оскорблял Бабухину, грозил ей арестом на 15 суток. Только к вечеру ей было заявлено, что допрос состоится завтра.

Когда на следующий день Бабухина в назначенное время (к 10 утра) пришла в милицию, оказалось, что следователя нет на месте. Она ждала его весь день, а вечером ей сказали, что следователю она не нужна.

Виктор Сорокин и его жена Сеитхан направили в редакции нескольких советских газет и журналов заявление, в котором рассказывают об инциденте, протестуют против произвола работников милиции, требуют прекращения преследований и наказания виновных. Копии этого заявления направлены в милицию и прокуратуру.

* * *

В тот же день, 15 августа, в Москве был произведен обыск на квартире члена редколлегии журнала "Поиски" В. Гершуни. Обыском, продолжавшимся более 8 часов, руководили ст. следователь Московской городской прокуратуры Сазонов и капитан угрозыска В.С. Васильев.

Изъятые личные записи, 31 фотография (например, Маяковский и Пастернак), "Поиски" № 5, чистая бумага.

* * *

18 сентября в г. Жуковском (Московская обл.) был задержан М. Яковлев (Хр. 53). Его доставили в отделение милиции, где провели

личный обыск. Ни своих удостоверений, ни санкции на обыск ему не предъявили. Изъяты записная книжка и две общие тетради с рукописями его произведений. Копию описи изъятого Яковлеву не вручили. Был составлен протокол о нарушении паспортного режима.

* * *

В тот же день в Москве на платформе Казанского вокзала был задержан и обыскан член редколлегии журнала "Поиски" В. Абрамкин. Обыск проводил человек, предъявивший удостоверение сотрудника московского угрозыска, выписанное на имя А.А. Рыжова. В качестве причины задержания и обыска, проходившего без санкции прокурора, был назван поиск взрывчатки, по словам Рыжова — "все по тому же делу о взрывах в метро два года назад". У Абрамкина ничего изъято не было.

* * *

3 октября секретарь парторганизации ИВЦ "Главмосплодоовощпрод" А.П. Чус сказал Леониду Блехеру, что с ним и Татьяной Замяткиной будут "беседовать из органов".

Замяткину и Блехера поочередно вызвали в комнату секретаря, где находился человек, представившийся "сотрудником ГУВД". Этот сотрудник сказал, что в настоящее время ведется дело об издании Валерием Абрамкиным журнала "Поиски", что они помогают ему в этом и, если так будет продолжаться, их ожидают печальные последствия.

На этом беседа была закончена.

* * *

29 октября и 1 ноября Бурцев вызывал в прокуратуру В. Абрамкина и вновь (Хр. 53) угрожал ему арестом в случае выхода 6-го номера "Поисков".

Дело о журнале "Община". Арест Пореша

1 августа в Ленинграде арестовали филолога Владимира Пореша (1949 г.р.), одного из редакторов журнала "Община" (Хр. 49, 51, 52), издаваемого Христианским семинаром по проблемам религиозного возрождения (Хр. 41, 43, 46), которым руководил А. Огородников (Хр. 51, 52). В тот же день были проведены обыски на квартирах Пореша и его жены. Изъяты философские и религиозные книги.

Одновременно в Ленинграде были проведены обыски у О. Охупкина, Н. Епишева и В. Лазуткина.

На обыске у Лазуткина изъяли машинописные копии "Общины", самиздат. Незадолго до обыска в квартиру Лазуткина подбросили материалы и книги, которых он, по его словам, никогда не имел и не видел. Из 92 пунктов протокола подброшенная литература составляет

около 50%. Протокол был составлен заранее, и некоторых книг просто не удалось найти. Доктор физ.-мат. наук В. Лазуткин работает в ЛГУ. Он не является членом Христианского семинара, но близко знаком с Порешем.

Тогда же, 1 августа, прошли обыски в Москве.

У Т. Лебедевой, в квартире которой в последнее время собирался Христианский семинар, изъята философская и религиозная литература, несколько речей Солженицына, книга Сахарова "О стране и мире", мемуары Н. Мандельштам, письма и заявления Христианского комитета защиты прав верующих в СССР.

В квартире В. Бурцева, в которой никто не живет, не нашли ничего кроме открытки в почтовом ящике и старой записной книжки. Постановление на обыск было подписано ст. следователем прокуратуры Ленинграда Р.Г. Тополяном.

6 августа в Ленинграде допрашивали Лазуткина. Потом его вызывали еще раз. Он отказался от участия в деле в качестве свидетеля.

10 августа в Ленинграде был проведен обыск у П. Кулагина, посещавшего собрания семинара. 13 августа его вызывали на допрос.

* * *

Члены Христианского семинара по проблемам религиозного возрождения В. Бурцев, В. Попков, Т. Щипкова, Л. Регельсон, В. Соколов обратились с призывом о защите основателей семинара Александра Огородникова и Владимира Пореша к организации молодых итальянских католиков "Соборность и освобождение". Заявление в защиту Пореша сделали также 11 участников Ленинградского религиозно-философского семинара. Т. Щипкова (см. "Преследования верующих"), зная В. Пореша еще как своего студента (далекого тогда, как и она сама, от религии), написала очерк о том, как он пришел к вере, к Церкви, к русской религиозной философии.

* * *

Дело о журнале "Община", ведшееся сначала Ленинградской прокуратурой по ст. 190-1 УК РСФСР, было вскоре передано в КГБ; его ведут следователи В. Черкесов, В. Егоров, Цыганков, Кармацкий (Хр. 53), Лепетунов.

В октябре в Ленинград привезли из лагеря А. Огородникова (см. "В тюрьмах и лагерях").

* * *

28 сентября был проведен обыск у члена Христианского комитета защиты прав верующих в СССР священника Глеба Якунина. Постановление на обыск вынесено ст. следователем Ленинградского УКГБ майором Лепетуновым, проводил его майор Яковлев из Московского УКГБ (теперь он ведет "дело Якунина" — см. выше). Обыск продолжался почти 12 часов. Изъято:

- документы Комитета, а также бланки Комитета, статьи о. Глеба, письменные заявления и издания баптистов и адвентистов;
- записные книжки, телефоны западных корреспондентов в Москве, почтовые квитанции;
- журналы "Посев", "Вольное слово", "Континент", "Время и мы", книга Зиновьева "Записки ночного сторожа", некоторые религиозные книги, в том числе "О нашем уповании" Д. Дудко;
- книга Т. Гольдберг, Ф. Мишунова и др. "Русское золотое и серебряное дело XV-XX вв." (М. "Наука", 1967);
- около 40 чайных и столовых ложек и портсигар из белого металла, лежавшие в портфеле.

Дело Губермана

13 августа в г. Дмитров (Московская обл.) свидетелем по делу о краже икон был вызван Игорь Губерман. В Дмитрове его арестовали и отвезли домой в Москву на обыск, где изъяли три иконы. Губерману предъявлено обвинение по ст. 208 ч. 3 УК РСФСР ("Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем"). Ведет дело следователь Г.Ф. Никитина.

14 и 16 августа у Губермана произвели еще два обыска, на которых изъяли записные книжки, бумаги, а также всю коллекцию икон и предметов церковной утвари.

До этого в апреле Губермана вызывали на "беседу", в ходе которой ему было предложено написать "психологические портреты" сотрудников журнала "Евреи в СССР". Он отказался. Тогда ему пригрозили расправой по уголовной статье, сказав, что повод найти нетрудно, так как он коллекционирует иконы. Через некоторое время предложение было повторено — Губерман вновь отказался сотрудничать с КГБ.

За неделю до ареста Губерману сообщили по телефону, что ему дано разрешение на выезд из СССР. У него спросили, успеет ли он собраться за три недели. Губерман ответил, что успеет. "Теперь я за вас спокоен," — сказал его собеседник.

Игорь Миронович Губерман — писатель, автор книг "Третий триумvirат", "Чудеса и трагедии черного ящика", "Бехтерев".

По делу Губермана прошли обыски.

В сентябре на двух обысках у Ц. Райтбурд изъяли драгоценности, а также журнал "Тарбут" и другие материалы по еврейской культуре.

У редактора журнала "Евреи в СССР" В. Браиловского (Хр. 52) 25 сентября забрали документы и материалы, не имеющие отношения к делу о скупке краденых икон.

У Т. Баевой обыск производился 11 октября. Изъято 16 "икон и предметов антиквариата".

16 октября Никитина допросила Баеву. На допросе Баевой угрожали привлечением к делу в качестве "соучастницы".

На следующий день ей была устроена очная ставка с находящимся

под арестом вором Гридиным. Были предъявлены 5 икон, изъятых у Баевой. Гридин заявил, что именно их он украл год назад в пустующих домах в окрестностях Дмитрова и продал затем Губерману. Возмущенная Баева отказалась участвовать в следствии.

В своих заявлениях прокурору Дмитрова В.И. Дерябину и в прокуратуру РСФСР она написала, что у нее есть доказательства (фотографии и свидетельские показания) того, что все изъятое у нее находилось в доме много лет. Баева перечислила процессуальные нарушения, совершенные следователями на обыске, допросе и очной ставке, и потребовала оградить ее от ложных обвинений и вернуть изъятое. Баева высказала мнение, что дело против Губермана "фабрикуется при помощи ложных показаний уголовного Гридина Н.В."

5 ноября пришел ответ, в котором сказано, что "при расследовании дела № 16038 по обвинению Губермана и других нарушений уголовно-процессуального закона не имеется".

Дело Зубахина

5 октября в Куйбышеве арестован Борис Зубахин (1951 г.р.).

Зубахин с 1972 г. учился на заочном отделении факультета психологии Ленинградского университета.

В августе 1977 г., в ходе обсуждения проекта Конституции СССР, он послал в центральную газету письмо, содержащее замечания, предложения и вопросы по проекту. Например, он указал на противоречие ст. 2, утверждающей: "Вся власть в СССР принадлежит народу", ст. 6, объявляющей КПСС "руководящей и направляющей силой Советского общества, ядром его политической системы"; он указал на ограничения политических свобод оговорками в соответствующих статьях; расценил ст. 52 как ущемление прав верующих, а также дал ряд предложений, направленных на демократизацию советской общественной системы.

В 1978 г. Зубахину не утвердили тему дипломной работы, кафедра отказала ему в праве на проведение конкретно-социологического исследования по его теме, и он был отчислен из университета после 5-го курса.

С октября 1978 г. по январь 1979 г. Зубахин проживал и был прописан в Ленинграде, работал в ЖЭКе. Затем уволился и с тех пор не имел прописки. С 15 июня он проживал в Куйбышеве на квартирах жены и бабушки, с августа жил в палатке на речном острове.

В конце августа на остров приехала милиция, и Зубахина доставили в Красноглинский РОВД для "выяснения личности". 4 сентября его вновь доставили в РОВД и предупредили об уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР; его обязали трудоустроиться в месячный срок. Поскольку Зубахин прописки не имел, это обязательство он выполнить не мог. В середине сентября его оштрафовали за неуплату за проживание в течение длительного времени.

5 октября на квартире его бабушки был произведен обыск. Были изъяты его бумаги, книги, изданные в СССР и за рубежом, самиздат. Через несколько часов Зубахина арестовали. Ему предъявлено обвинение по ст. 209 УК РСФСР ("паразитический образ жизни").

По поводу бумаг, изъятых у Зубахина, 12-14 октября сотрудниками КГБ допрашивались учитель русского языка и литературы школы № 39 О.М. Мухина; ее отец, инженер; студент университета С. Ерышев; Г.Константинов (свидетель по делу Бебко – Хр. 53); выпускник университета А. Колотилин и его жена Т. Колотилина.

10 октября жена Б. Зубахина Ольга Зубахина подала в прокуратуру Куйбышевской области заявление об изменении меры пресечения в отношении ее мужа. Получив немотивированный отказ, она 30 октября подала еще одно заявление, в котором обращает внимание прокурора на то, что заключение под стражу Б. Зубахина произведено без учета тяжести предъявленного обвинения и семейного положения обвиняемого (у Зубахина трехлетний сын).

Допрос Тарто

12 сентября в прокуратуру г. Тарту был вызван Энн Тарто (Хр. 2, 47, 48, 50), которого пытались допросить по поводу коллективного письма, посвященного сорокалетию советско-германского договора (см. "Письма и заявления"). Тарто отказался давать какие-либо показания.

Преследования членов СП СМОТ

В ночь с 3 на 4 августа два милиционера и семь в "штатском", сломав дверь, ворвались в квартиру В. Кувакина (Хр. 48, 51) и задержали находившихся там членов СП СМОТ Николая Никитина, Владимира Борисова и Альбину Якореву. Их отвезли в 101 отделение милиции (о Никитине см. дальше "Суд над Никитиным").

Утром 4 августа жена Борисова Ирина Каплун была вызвана в это отделение. Когда Борисов и Каплун попытались подойти друг к другу, дежурный милиционер с силой оттолкнул Каплун (она была на восьмом месяце беременности). Борисов с момента ареста объявил голодовку, требуя вызвать прокурора, – ему отказали.

6 августа судья приговорила Борисова и Якореву к 15 суткам ареста за "неповиновение работникам милиции" (отказ открыть дверь). Во время суда милиционер снова сильно толкнул Каплун – у нее начались преждевременные роды, ее пришлось госпитализировать.

7 августа заболевшую Якореву на "Скорой помощи" увезли в больницу.

30 сентября В. Борисов, А. Якорев и Е. Николаев были задержаны в Москве на улице, поблизости от дома Николаева, куда они шли, чтобы принять участие в заседании СП СМОТ (Хр. 51). Трое в штатском и один милиционер, не предъявившие никаких документов, доставили их в 137-е отделение милиции. По дороге Николаев кричал прохожим, что милиция и КГБ задерживают ни в чем не повинных граждан, и просил известить его жену. Кто-то исполнил его просьбу, и вскоре в отделение явилась жена Николаева Т. Заочная с сыном, а затем В. Кувакин, В. Новодворская и Л. Агапова.

Борисова и Якореву, продержав в отделении три часа, отпустили, взяв подписку о выезде к месту прописки. Еще через полчаса прибыли вызванный милицией дежурный психиатр по городу, однако никаких оснований для госпитализации Николаева он не нашел.

Обыск Волошановича и Ковнера

4 октября в Горьком, вблизи вокзала, по подозрению "в валютных спекуляциях" были обысканы бывший профессор Горьковского университета М. Ковнер (он вынужден был уволиться в связи с подачей документов на выезд в Израиль) и консультант Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях А. Волошанович (Хр. 50, 51).

У Волошановича изъяты четыре книги (три на английском языке и сборник "Самосознание") и записи произведенного им обследования лиц, ранее подвергавшихся принудительному лечению. Копии протокола Волошановичу не дали.

8 октября Волошанович написал заявление в Комиссию по проверке злоупотреблений психиатрией при Всемирной психиатрической ассоциации:

...

Более всего меня тревожит, однако, тот факт, что у меня были изъяты мои предварительные записи врачебно-психиатрического обследования. Изъятие этих сугубо медицинских материалов вызывает у меня опасения, что они могут быть противозаконно использованы против обследованных мною лиц. Кроме того, органы власти могут попытаться дискредитировать меня в глазах лиц, обращавшихся ко мне за помощью, лишив меня возможности сохранения врачебной тайны.

Ковнер и Волошанович написали протесты в прокуратуру г. Горького.

31 октября Волошановичу был направлен ответ, в котором сообщалось, что изъятые у него книги и документы, "запрещенные к обраще-

нию", направлены "для окончательного решения в УКГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской обл., т.е. по месту Вашего постоянного места жительства". Там же сообщалось, что милиционеру, отказавшемуся выдать копию протокола, "указано на его неправильные действия".

События на Украине

ДЕЛО ГОНЧАРОВА

23 июля в г. Новоукраинке Кировоградской обл. был арестован Виктор Михайлович Гончаров (Хр. 52). Он обвиняется по ст. 187-1 УК УССР (=ст. 190-1 УК РСФСР).

* * *

25 сентября по делу Гончарова были проведены четыре обыска в Одессе.

У Валентины Барладяну (Хр. 45, 47) изъяли стихи ее мужа Василия (суд — Хр. 46), его письма из лагеря, номер "Хроники текущих событий", в котором рассказывается о его деле, выписки из материалов партсездов и конференций, магнитофон, тексты молитв, а также квитанции на заказные письма Гончарову (всего 144 наименования).

У Леонида Тымчука (Хр. 38,39, 42, 45) забрали запись номеров машин, с помощью которых КГБ осуществляет наблюдение, и переписанные от руки тексты Пактов о правах.

У Анны Михайленко (Хр. 42, 44, 45, 49, 51) изъяли записные книжки и личную переписку.

У Анны Голумбиевской (Хр. 34, 42, 44) изъяты фото- и ксерокопии "Мастера и Маргариты", журнал "Вестник истины" №№ 1-3, письма Василия Барладяну, статьи Г. Померанца, произведения М. Лиятова и коллективные письма протеста (всего 39 наименований).

В тот же день к В. Игрунову (Хр. 53) приходил следователь, чтобы побеседовать "о его взглядах".

* * *

В сентябре корреспондент местной газеты С. Остроущенко беседовал с Голумбиевской, Тымчуком и Валентиной Барладяну. Выяснилось, что готовится статья о моральном облике одесских диссидентов.

* * *

На учительской конференции Ильичевского района Одессы, состоявшейся 23 августа, выступила третий секретарь райкома КПСС Трянова, которая сказала, что Голумбиевской не место в советской школе, т.к. она не голосует и не признает советской Конституции. Трянова

призвала создать Голумбиевской в школе такую атмосферу, чтобы у нее "земля под ногами горела", -- тогда Голумбиевская сама уйдет из школы.

Стало известно, что весной и летом 1979 г. в КГБ вызывали родственников, коллег и даже бывших учеников Голумбиевской. От них требовали свидетельских показаний против нее. Начальник следственного отдела Одесского УКГБ заявил, что Голумбиевскую непременно посадят.

ДЕЛО МОНАКОВА

21 августа в Ленинграде по делу Монакова (Хр. 53) допросили В. Исакову (Хр. 53), на следующий день подполковник Кондратьев допросил Евдокимова. Допросы касались также супругов Серых. По тому же делу допросили в конце августа Г. Алтуняна (Харьков) и Валерия Гнатенко (Львов), 3 сентября -- О. Мешко (Киев).

* * *

3 сентября в Одессе майор Хохлов и капитан Граждан (Хр. 48) вызвали Л. Серого на очную ставку с Монаковым. Монаков утверждал, что давал Серому свои рукописи антисоветского содержания. Серый отрицал показания Монакова. Затем Монаков заявил, что он с помощью Серого собирался организовать рабочую партию, однако Серый не принял его предложений.

6 сентября, под угрозой привода, на очную ставку с Монаковым явилась В. Серая. Проводил очную ставку следователь Лемешко. Монаков повторил свои показания, добавив, что при его разговоре с Л. Серым В. Серая не присутствовала и что ему неизвестно, читала ли она его бумаги. Монаков объяснил также, что пришел к мысли создать рабочую партию под влиянием передач западных радиостанций. Серая сказала, что Монаков, в классе у которого училась одна из ее дочерей, обещал ходатайствовать о бесплатном питании для девочки, чем и ограничиваются все контакты ее семьи с Монаковым.

20 сентября Л. Серого снова вызвали в КГБ и предложили написать какой-то текст для сверки почерка. Он отказался.

На беседах с Л. Серым и В. Серой сотрудники КГБ требуют отказаться от намерения уехать, угрожают, что посадят их в тюрьму или психбольницу, а детей поместят в детдома. В поликлинических карточках двух старших детей, Эдика и Вики, как выяснилось, записано, что они -- дебилы. На самом деле дети посещают обычную школу и учатся вполне нормально.

31 августа работник райисполкома Негров и его жена избили Вику (ей 15 лет) за то, что она зашла в их подъезд. В. Серая отвела Вику к врачу, который поставил диагноз "сотрясение мозга". 10 сентября, при повторном визите в поликлинику, оказалось, что история болезни Вики потеряна. (В. Серая считает, что история болезни "пропала" по той

причине, что на одном из допросов в КГБ она рассказала следователю об инциденте и потребовала наказания виновных.)

* * *

18 сентября в Киеве к Л. Мурженко (Хр. 53) явился участковый милиционер и потребовал, чтобы она немедленно отправилась на допрос. Он заявил, что имеется постановление о приводе, однако не предъявил его.

Мурженко ехать на допрос отказалась, так как у нее четырехмесячный ребенок. Дождавшись, когда Мурженко кончила кормить грудью, участковый позвал двух неизвестных, ожидавших под дверью; втроем они отволокли Мурженко в машину, не дав ей даже одеться. Ребенка, кое-как запеленав, он сунул в руки Мурженко и доставил ее на допрос.

Следователь Киевского УКГБ Береза задал Мурженко вопросы по делу не известного ей Монакова.

АРЕСТ ЛИТВИНА

6 августа в г. Василькове Киевской обл. был арестован Юрий Литвин (Хр. 53). Его вызвали повесткой в милицию, и домой он не вернулся. Его матери, начавшей розыски сына, вручили уведомление Васильковской прокуратуры от 9 августа, где сообщалось, что Литвин арестован за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 188-1 УК УССР ("Сопротивление работнику милиции или народному дружиннику"). Только через несколько дней матери удалось узнать, что ее сын содержится в Лукьяновской тюрьме г. Киева.

Следователь Степаненко сообщил ей, что Литвин отказывается с ним разговаривать.

С момента ареста Литвин держал голодовку протеста. На четвертый день его стали принудительно кормить. При этом у него началось обострение язвенной болезни. Его направили на психиатрическую экспертизу в больницу им. Павлова. Здесь он прекратил голодовку. (22 августа приняли первую передачу.) Через месяц его перевели обратно в тюрьму с заключением: "психически нормален". В сентябре следствие было окончено. 3 октября Васильковский районный народный суд отправил дело на доследование.

13 ноября Степаненко известил адвоката В.В. Медведчука, что к 20 ноября дело будет закончено.

* * *

Аресту предшествовал следующий инцидент. 19 июля, после того как Литвин, купив бутылку шампанского, зашел поздравить сына с днем рождения, он был задержан милицией на пляже в г. Василькове и доставлен в вытрезвитель. Там его силой раздели и, привязав к койке, избили. В тот же день его удалось освободить. Помог начальник

отдела кадров завода, на котором Литвин работал, ценивший его как работника и знавший, что Литвин никогда не пьет. Он и бывший инспектор РОНО, хорошо знающий семью Литвина, отправились в вытрезвитель, привлекли к этому делу знакомого сотрудника МВД. Литвина не только освободили — с него тут же сняли административный надзор. Однако на следующий день к Литвину явился милиционер и оформил квитанцию об оплате услуг вытрезвителя.

* * *

Юрий Литвин (1934 г.р.) в 1951 г. был осужден на 10 лет по обвинению в краже колхозной коровы. Через два года его дело было пересмотрено и прекращено — его освободили. В 1955 г. Литвин был арестован и осужден на 10 лет по обвинению в организации антисоветской группы во время пребывания в лагере. Весь срок он отбыл в Мордовских лагерях. В третий раз он был осужден в 1974 г. (Хр. 37, 39) по ст. 187-1 УК УССР (=ст. 190-1 УК РСФСР). Срок три года он отбыл в Коми АССР, освободился 14 ноября 1977 г. (Хр. 47).

У Литвина тяжелый тромбоз, язвенная болезнь желудка и 12-перстной кишки, он перенес две операции, одну — в лагере.

ДЕЛО СИЧКО

7 августа в г. Долина Ивано-Франковской обл. был проведен обыск в квартире арестованных 5 июля Петра и Василия Сичко (Хр. 53). Во время обыска там находились М. Луцик (Хр. 51) и О. Мешко. Сразу после обыска Луцика куда-то увезли, а Мешко предложили отправиться на допрос. Она категорически отказалась. В ту же ночь Мешко уехала во Львов. На квартиру, в которой она остановилась, явился представитель власти и приказал ей немедленно уехать в Киев, грозя в противном случае наказать за нарушение паспортных правил хозяйку квартиры. Мешко была вынуждена подчиниться.

23 августа в районной газете "Червона Долина" была напечатана статья А. Павлюка "Грязные дела провокаторов" — о семье Сичко.

5 сентября Стефания Петраш, жена Петра Сичко и мать Василия, послала в ПВС СССР протест, в котором она перечисляет и опровергает клеветнические вымыслы, содержащиеся в статье.

26 сентября предварительное следствие по делу обоих Сичко было закончено. Василий, пробывший сорок дней на психиатрической экспертизе, признан вменяемым.

У Стефании Петраш взяли передачу сыну и не взяли — мужу; сказали, что он отказался.

ОБЫСК У СУРОВЦЕВОЙ

30 августа в г. Умани Черкасской обл. сделали обыск в доме 83-летней писательницы и историка Н.В. Суровцевой (по паспорту — Олицкой; она — жена брата Е.Л. Олицкой /Хр. 34/, см. также Хр. 47).

Обыск проводился с целью розыска краденых вещей, похищенных якобы ее квартирантом поэтом Д. Калюжным.

Во время обыска, проводившегося ст. лейтенантом Д. Мищенко, в доме кроме хозяйки находились Калюжный, львовянка С. Гулык (Хр. 48), москвич Е. Габович (Хр. 53) и двое киевлян. У всех приезжих изъяли записные книжки и предложили немедленно уехать в свой город, причем Габовичу настоятельно рекомендовали не ехать во Львов, куда он собирался вместе с Гулык.

На обыске были изъяты воспоминания Суровцевой об украинском писателе Ю. Смоличе, стихи и личные записи Калюжного. Изъяты, кроме того, брюки и ботинки Калюжного, а также принадлежащий ему пластмассовый приклад от пневматической винтовки.

* * *

Габович все-таки поехал во Львов. 1 сентября, во время прогулки Габовича с друзьями по городу, к ним подошел незнакомый человек и, попросив закурить, ударил спутника Габовича — Валерия Гнатенко. Сзади раздался голос: "Да не того!" Подбежали еще несколько человек, и Габовича захлестнули в машину. Его отвезли в милицию, посадили в камеру, сказали, что он обвиняется в мелком хулиганстве. Несмотря на все требования Габовича дать ему бумагу, чтобы он мог написать "объяснение", ему бумаги не дали. Габович объявил голодовку. Через некоторое время Габовичу сказали, что возбуждено уголовное дело о хулиганстве — об избивании того "незнакомца", который ударил В. Гнатенко.

Через сутки Габовича отпустили, взяв с него подписку о невыезде из Москвы. Он уехал в Москву. На этом "уголовное дело о хулиганстве" практически кончилось.

АРЕСТ РОЗУМНОГО

8 октября арестовали Петра Павловича Розумного (1926 г.р.).

Розумный был арестован, когда он возвращался от Евгения Сверстюка, отбывающего ссылку в Багдарине (см. "В ссылке").

Розумный находится в следственном изоляторе УВД Днепропетровской обл. Старший следователь капитан милиции Ткаченко заявил брату Розумного: "Мы его постарается любой ценой посадить. Не работает, разъезжает по всему Союзу".

20 октября Сверстюка допросили, не видел ли он у Розумного охот-

ничьего ножа. В заявлении Генеральному Прокурору СССР от 20 октября Сверстюк пишет:

. . . Да, я видел. Не только я видел. На всех пересадках видели все компетентные информированные и инструктированные органы вашей власти ...

Но если власти такое "оружие" возвращают человеку с тем, чтобы при случае воспользоваться как предлогом для возбуждения уголовного дела против него, то это уже власти провоцирующие и, в сущности, враждебные гражданину.

. . .

Адресую это заявление вам, потому что в вашей власти прекратить позорное надругательство над законом и человеческим достоинством, эту затеянную для устрашения демонстрацию произвола по известной пословице советских юристов: "Был бы человек, а дело найдется". Как опасно ныне заявить себя порядочным человеком и другом инакомыслящего.

* * *

Розумный — учитель английского языка. В 1967 г. его отстранили от преподавательской деятельности, а в 1978 г. уволили по сокращению штатов из строительной организации.

АРЕСТ ГОРБАЛЯ

23 октября, вскоре после возвращения из поездки в Москву и Пермь, в Киеве был арестован Николай Горбаль (Хр. 47). В 10 часов вечера на улице на него напали пять человек, среди которых была женщина. Горбаль избили и доставили в Октябрьский райотдел милиции. Через три дня стало известно, что он обвиняется по ст. 117 УК УССР ("Изнасилование"), а потерпевшей и свидетелями являются те, кто на него напал. Следователь утверждает, что имеется свидетельница (имя ее не называется), то ли познакомившая Горбаль с потерпевшей, то ли видевшая их вместе в этот день.

* * *

Горбаль родился в 1941 г. на территории, принадлежащей Польше. Во время или вскоре после войны семья Горбаль была насильно увезена в Хабаровскую область, откуда затем переехала в Тернопольскую область.

Горбаль окончил музыкальное училище и работал преподавателем в средней школе, одновременно он учился в педагогическом институте.

В октябре 1970 г. Н. Горбаль был осужден за написание поэмы "Дума" на 5 лет лагерей и 2 года ссылки. С 1977 г., после отбытия заключения он проживал в Киеве, работал лифтером.

* * *

В связи с арестом Н. Горбалья группа украинских правозащитников обратилась с письмом к правозащитным организациям СССР, США, Польши и Чехословакии, "Международной Амнистии" и Дж. Картеру (14 подписей):

Грязное обвинение Горбалья, наглый арест его — это новое свидетельство того, что время политических процессов на Украине проходит, наступает время, когда политзаключенных упекают в уголовные лагеря, искусственно притягивают их к уголовным делам. Делается это, безусловно, для того, чтобы сбить волну протестов против политических процессов в СССР, уменьшить количество политзаключенных в лагерях особого режима и тем самым ослабить их единство, поставить правозащитников в особо тяжелые условия, возвести клевету на движение за права человека. Вспомним, что такие правозащитники, как Смогитель, Монбланов, Мельничук обвинены в хулиганстве, а бывшие политзаключенные Юрий Литвин (член Украинской наблюдательной группы "Хельсинки") и Василий Овсienko — в сопротивлении милиции. А обвинение в изнасиловании удобно еще и тем, что, согласно ст. 70 УПК УССР, процесс об изнасиловании может проводиться при закрытых дверях, а потому ни родные, ни друзья подсудимого не будут иметь даже формальной возможности присутствовать на суде. Кроме того, это большой козырь для пропаганды — дискредитировать таким способом украинских правозащитников.

В. Стус, С. Кириченко и П. Стокотельный направили Брежневу телеграммы с требованием предотвратить готовящуюся расправу над Н. Горбалем.

Политссыльный Валерий Марченко (Хр. 53) пишет Киевскому митрополиту Филарету: "... Я хорошо знаю Николая. Он — глубоко верующий человек, априори неспособный на что-нибудь подобное ...".

* * *

Весной 1979 г. Горбаль получил вызов от сестры из США и пытался получить разрешение на выезд. Его жене Анне Марченко (тетке Валерья Марченко) около полугода не выдавали на работе справки, без которой ОВИР отказывался принимать документы.

24 октября, на следующий день после ареста мужа, ей выдали эту справку.

В тот же день в ОВИР вызвали П. Стокотельного, который подал документы на поездку в гости в США. Ему сказали, что в гости его не пустят, но он может переписать анкету и уехать на постоянное жительство. Стокотельный согласился.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КИРИЧЕНКО

Следователь, ведущий дело Юрия Бадзё (Хр. 52, 53), сказал его жене Светлане Кириченко (Хр. 53), что, поскольку рукопись "Право жить", инкриминируемая Бадзё, переписана ее рукой, она является соучастницей, а возможно, и инициатором преступления.

Кириченко уволена с работы.

В ноябре у нее отключили телефон. Корреспонденция, в том числе денежные переводы, до нее не доходит.

* * *

Тогда же отключены телефоны у П. Стокотельного и Л. Литовченко. У жены Ивана Светличного Л. Светличной телефон отключен еще в июне.

МАФИОЗНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

2 августа в Киеве был избит, а затем арестован на 15 суток Владимир Малинкович (Хр. 49, 52, 53). Около полуночи, когда он подходил к своему дому, на него напал неизвестный и начал его избивать. На крики Малинковича о помощи из кустов выскочили еще двое, свалили его на землю и скрутили. Затем появился милиционер. Малинковича доставили в Шевченковский райотдел милиции, где был составлен протокол, в котором Малинкович фигурировал в качестве напавшего на первого из неизвестных, а двое других — в качестве свидетелей. Шевченковский райсуд приговорил его к 15 суткам ареста. О его аресте родным не сообщили.

В институте, где работает Малинкович, вскоре после его освобождения из-под ареста состоялось собрание, которое потребовало его увольнения. Директор института предложил Малинковичу написать покаянное объяснение — он отказался. Через некоторое время Малинкович был уволен по сокращению штатов. Сейчас он без работы.

23 августа жене Малинковича Галине в КГБ было объявлено предупреждение о привлечении ее к суду за клевету.

4 ноября, на этот раз — днем, Малинкович вновь был избит. Галина Малинкович и Ольга Матусевич, в присутствии которых происходило избивание, кричали и звали на помощь; все подходы к месту происшествия были перекрыты сотрудниками КГБ.

Ранее Малинковичу дважды выносили предупреждение "по Указу". Сотрудники КГБ неоднократно вызывали его на допросы и "беседы". Угрозам и шантажу подвергались близкие и родственники. У него производились обыски. За ним ведется непрерывная демонстративная слежка.

* * *

25 октября в подъезде своего дома вновь (Хр. 53) был избит Марк Белорусец.

Время от времени ему звонит по телефону человек, утверждающий, что это он его бил, и советует "вести себя тихо". Избиения и запугивание, возможно, имеют целью принудить Белорусца к эмиграции. О желательности отъезда намекал Белорусцу "курирующий" его сотрудник КГБ.

* * *

В сентябре во Львове жена историка Ярослава Дашкевича (числящегося неблагонадежным из-за его знакомств) Людмила Дашкевич попросила "левого" шофера подвезти ее. Он завез ее в лес и попытался изнасиловать — она с трудом вырвалась от него и в одном белье убежала через лес. Перед этим он спросил ее: "Что такое — на "И" начинается, на дереве телепается? Не знаешь? А это Ивасюк!" (Хр. 53). Утром у дверей ее дома оказались вещи, оставленные ею в машине.

АРЕСТ СТРЕЛЬЦОВА

25 октября в г. Долина Ивано-Франковской обл. за "нарушение паспортных правил" арестовали Василия Стрельцова (Хр. 53). Два года назад он отказался от советского гражданства и сдал паспорт. Несмотря на уговоры сотрудников КГБ, взять его назад он отказывался.

* * *

30 октября опубликован документ под названием "Ламентация". Сообщив о многочисленных фактах "эскалации государственного террора и клеветы" против участников правозащитного движения на Украине, авторы заканчивают:

Украинская группа "Хельсинки" стоит перед угрозой ликвидации — перед угрозой оказаться в ближайшее время в полном составе за решеткой.

В отчаянии мы, женщины, члены Украинской группы "Хельсинки", обращаемся ко всей прогрессивной мировой общественности и, в частности, к женским международным организациям — может быть, в последний раз.

Оксана Мешко, Нина Строкатова, Ирина Сенюк

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Суд над Г. Михайловым

С 27 августа по 18 сентября в народном суде Красногвардейского района г. Ленинграда проходил суд по делу Георгия Николаевича Михайлова (1944 г.р.), обвинявшегося по ч. 2 ст. 153 УК РСФСР ("Част-

нопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество”) и по ч. 2 ст. 162 УК РСФСР (“Занятие запрещенным промыслом”). Судья — В.И. Коваленко, обвинитель — Л.И. Родионова, защитник — В.И. Вишневский.

* * *

Михайлов — учитель физики в спецшколе-интернате № 45 при ЛГУ, где он работал с 1968 г. В 1974 г. он закончил курсы английского и французского языков и стал внештатно работать в Доме дружбы.

В июле 1974 г. его вызвали на беседу в КГБ, где его сперва запугивали, а затем предложили сотрудничать. Он отказался и перестал посещать Дом дружбы.

В 1974 г. Михайлов начал коллекционировать картины. Он устроил у себя на квартире выставку художника Ю. Галецкого, а затем экспозиция в доме Михайлова стала постоянной. По подсчетам Михайлова, на этой выставке за 5 лет экспонировалось свыше 1500 картин ста художников, посетили ее приблизительно 9000 человек.

27 июля 1977 г. у Михайлова был произведен обыск, явившийся, по мнению Михайлова, следствием его обращения к Щелокову с жалобой на действия ОВИРа, милиции и КГБ, отказавших ему в разрешении на поездку к друзьям в ГДР. (До 1974 г. Михайлову не отказывали в таких поездках.) Михайлов в своем письме Щелокову утверждал также, что органы внутренних дел распространяют о нем клеветническую информацию и требуют от администрации школы его увольнения. На этом обыске, помимо переписки и книг на иностранных языках, были изъяты фотоаппаратура, каталоги художников, коллекция слайдов и фотографий.

3 августа 1977 г. Михайлова допрашивал следователь Григорович, а 14 августа 1977 г. в “Неделе” появилась статья “Кто вы, доктор Мамонтов?”, в которой говорилось, что Михайлов — туеядец, сообщающий иностранцам “небезобидные сведения” о “вечной мерзлоте и катерах на подводных крыльях” за какие-то подачки.

Михайлов написал письмо прокурору Новгорода (с санкции которого у него был произведен обыск), Генеральному Прокурору СССР и редактору “Недели”, протестуя против незаконных действий и клеветнических обвинений.

30 августа 1977 г. его арестовали, допросили, но сразу же выпустили.

2 сентября 1977 г. он был уволен с работы и подал в суд на администрацию школы.

9 сентября 1977 г. Михайлову было предложено забрать изъятые на обыске вещи. Он отказался ехать за ними, и на следующий день все вещи, в том числе слайды, фотоаппаратура и фотографии, были привезены ему домой.

26 сентября 1977 г. Михайлов получил ответ от прокурора Новгорода, в котором говорилось, что никто из работников Новгородской

прокуратуры обыска у Михайлова не санкционировал. Оказалось, что на бланке Новгородской прокуратуры расписался начальник Красногвардейского райотдела Ленинградского УКГБ. Несмотря на настойчивые просьбы никуда больше по этому делу не обращаться и считать инцидент исчерпанным, Михайлов почти до самого ареста в феврале 1979 г. продолжал переписку с прокуратурами Ленинграда, РСФСР, СССР. В результате ему были возвращены кое-какие предметы, "недоотданные" ранее, и выплачено 75 руб. в качестве компенсации за незаконно произведенный обыск. Михайлову в устных ответах неоднократно сообщалось, что несколько специально созданных комиссий занимаются его делом, что ответ прокурора Новгорода был дан по ошибке, что нарушители закона понесли наказание; что же касается самого Михайлова, то в его действиях нет состава преступления — он может продолжать заниматься картинами и фотографией.

4 ноября 1977 г. суд восстановил Михайлова на работе, и ему были выплачены деньги за вынужденный прогул. Он пытался привлечь за клевету автора статьи в "Неделе", однако суд не принял его иск под тем предлогом, что нет, дескать, оснований считать, будто речь в статье идет именно о нем, так как там не указано "отчество Михайлова Георгия". Тем временем ему окольными путями сообщили, что если он захочет выехать из страны, то препятствий не встретит.

21 февраля 1979 г. Михайлов был арестован. Обвинение было предъявлено ему лишь на 13-й день (все это время шли допросы свидетелей).

* * *

27 августа, в первый день суда, было зачитано обвинительное заключение. Михайлов обвинялся в получении около 12000 рублей за посредничество в купле-продаже картин ленинградских художников, выставившихся у него на квартире, и в получении 4000 рублей посредством занятия запрещенным промыслом — изготовлением и размножением фотопroduкции (слайдов и фотографий).

Михайлов виновным себя не признал и объяснил, что еще в 1977 г. получил от официальных лиц разъяснение о законности своих действий. Судья постоянно прерывал Михайлова, когда тот касался эпизода 1977 г., и предлагал ему говорить "по существу рассматриваемого дела". Михайлов заявил:

... У следствия не было никаких оснований для обвинения меня в коммерческом посредничестве, а потому обвинение в этой части является вымыслом и указывает на недобросовестность следствия. Подчеркиваю: я никогда, ни в какой форме оплаты не получал. Все, что я делал для художников и моих друзей, я делал абсолютно бескорыстно. Я объясняю это интересом к искусству вообще и к искусству современных молодых художников, к искусству тех, чьи картины я собирал в своей коллекции, показывал и рассказывал о них своим друзьям и знакомым.

Согласно показаниям свидетелей, посетители выставки, организованной Михайловым в своей квартире, могли покупать понравившиеся им работы, причем расчет, как правило, производился с автором, только в редких случаях художник просил передать деньги через Михайлова. Ни за участие в выставке, ни за посещение ее никакая плата не взималась, не получал Михайлов и комиссионных с проданных картин.

На предварительном следствии несколько художников показали, что они дарили Михайлову свои работы в качестве оплаты его "услуг". Однако на суде эти показания не подтвердились. Все свидетели объясняли их как результат давления следователей и утверждали, что дарили картины из дружеского расположения, а также для того, чтобы они находились в собрании известного коллекционера.

Михайлов отверг и обвинение в занятии запрещенным промыслом:

... Запрещенным промыслом в виде размножения печатной и фотопродукции я не занимался и не мог заниматься, так как не имел для этого соответствующей множительной аппаратуры, что подтверждено результатом как первого, так и второго обысков. Это также подтверждено объяснением, полученным мною в компетентных юридических органах, куда я обращался после обыска.

Обвинение в изготовлении фотокопий, извлечении наживы из изготовления слайдов и фотографий не соответствует действительности, так как никаких денег с художников за изготовление слайдов и фотографий я не брал... За мою работу по изготовлению слайдов и фотографий с их картин художники предлагали мне сами для моего выбора ряд своих картин, из числа написанных ими, или оставляли за мной право выбора из тех картин, которые появятся впредь...

Таким образом, оба предъявленных мне обвинения, а именно занятие коммерческим посредничеством и запрещенным промыслом, являются ничем не обоснованным, оскорбительным для всех нас вымыслом органов следствия и прокуратуры, имеющим целью опозорить меня как человека, как гражданина и как учителя, и представляют собой продолжение преследования и травли органами прокуратуры после незаконного обыска и сведение счетов за те последствия, которые имели для ряда лиц мои обращения для защиты к закону.

В судебных заседаниях свидетели подтвердили, что Михайлов брал деньги только за фотоматериалы, так что один слайд обходился им в 50 коп. вместо 1 руб. 50 коп. по государственным расценкам, или же осуществлял коллекционный обмен, при котором слайды менялись на картины.

В суде была проведена экспертиза, которая не признала фотографии и слайды фотопродукцией. Эксперт заявил, что производимые Михайловым работы нельзя назвать размножением. Однако повторная экс-

пертиза, проведенная по требованию прокурора, признала, что любое фотоизображение является фотопродукцией. Согласно повторной экспертизе, "одним из малопроизводительных способов размножения слайдов является использование фотоаппарата путем многократной съемки одного и того же объекта... Изготовление негативов с оригиналов позволяет в дальнейшем печатать и размножать снимки и слайды различного формата." Ходатайство адвоката о назначении дополнительной экспертизы было отклонено.

Прокурор потребовал по ч. 2 ст. 153 назначить наказание 2,5 года лишения свободы, по ч. 2 ст. 162 – 3 года, а к отбыванию считать 3 года лишения свободы в ИТК общего режима с конфискацией имущества.

Адвокат потребовал оправдательного приговора: по ст. 153 – за отсутствием состава преступления, а по ст. 162 – за недоказанностью обвинения.

Суд приговорил Михайлова к 4 годам ИТК общего режима с конфискацией имущества.

Ленинградские неофициальные художники и писатели выступили с заявлением протеста против приговора (46 подписей).

Суд над Ермолаевым и Поляковым

24 сентября народный суд Москворецкого района г. Москвы под председательством Н.Н. Орловой рассмотрел дело Сергея Ермолаева и Игоря Полякова, обвинявшихся по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР ("злостное хулиганство"). Обвинитель – прокурор Циценко. Ермолаева защищал адвокат Е.С. Шальман (Хр. 50), Полякова – адвокат А.А. Рогаткин.

Арестовали Полякова и Ермолаева в ночь с 13 на 14 января (Хр. 52). Оба подсудимых прошли психиатрическую экспертизу и были признаны вменяемыми (Хр. 53).

Задолго до начала заседания зал суда заполнила специальная публика. В здании суда лестница на 4-й этаж, где слушалось дело, была перекрыта милиционерами. В зал суда допустили только жену Полякова Елизавету Цитовскую и его мать; после допроса в качестве свидетелей в зале остались отец Игоря А.М. Поляков и мать Сергея М.П. Ермолаева (обоих вызвали в суд свидетелями по ходатайству адвокатов).

В начале заседания Ермолаев заявил три ходатайства: пустить в зал суда друзей и родственников, вернуть вещи, изъятые на обыске (Хр. 52, 53), как не имеющие отношения к делу, отложить заседание, так как бумаги, по которым он готовился к суду, были изъятые у него сегодня утром администрацией Бутырской тюрьмы. Адвокат Шальман поддержал эти ходатайства.

На первое ходатайство суд ответил, что в зале нет мест. На второе – что этот вопрос будет решаться позднее. На третье – заседание отложе-

но не будет, а если Ермолаеву необходимо подготовиться к защите, то ему дадут на это время.

Тогда Ермолаев заявил, что не может участвовать в судебном заседании и просит увести его из зала суда. Ему было отказано, после чего Ермолаев сказал, что не будет давать в суде показания.

Согласно обвинительному заключению, 14 января (1 января ст.ст.) примерно в 0 ч. 20 мин. Ермолаев и Поляков вошли в вагон метро и стали выкрикивать оскорбления в адрес КПСС. На требование граждан прекратить безобразие не реагировали. При задержании оказывали сопротивление: отталкивали граждан и выкручивали им пальцы, упирались, не хотели выходить из вагона. В комнате милиции оскорбляли сотрудника милиции, который участвовал в их задержании, других граждан и весь советский народ. Молились, встав на колени.

Поляков рассказал на суде, что он и Ермолаев дважды прокричали "КПСС — банда! КПСС — палачи!", после чего замолчали. Сопротивления подошедшему Богоявленскому и никому другому он не оказывал. В милиции молчал. Не отрицает, что был нетрезв.

В связи с тем, что Ермолаев отказался давать показания в суде, были зачитаны его показания, данные во время дознания. (Ермолаев объяснил, что, давая эти показания, думал, что ему предъявлена ч. 1 ст. 206 — в этом его заверил следователь Чистяков; он же и записывал показания — все формулировки искажены.)

Свидетель В.И. Богоявленский начал с того, что потребовал осудить Ермолаева и Полякова самым строгим образом и держать их в строжайшей изоляции от общества. Он рассказал, что ехал в метро со своей знакомой Осиповой, когда Ермолаев и Поляков по счету Ермолаева "Три-четыре!" два раза выкрикнули: "КПСС — банда! КПСС — палачи!". Возмущившись, он подскочил к ним и схватил их. Поляков отвел его палец, причинив ему боль. Затем он попросил граждан помочь ему задержать хулиганов. Подошли еще трое мужчин, и вместе они повели задержанных в милицию.

На вопрос Рогаткина, сопротивлялись ли подсудимые, когда их вели, Богоявленский ответил, что они не могли сопротивляться, так как их вели четверо здоровых мужчин. В милиции, по словам Богоявленского, Ермолаев и Поляков оскорбляли свидетелей и весь советский народ, говорили, что пошли бы служить в армию Власова. Поляков назвал Осипову женщиной легкого поведения (согласно показаниям Осиповой, ее оскорблял Ермолаев). Богоявленский сказал, что он был так возмущен выкриками Ермолаева и Полякова, что готов был udавить их своими руками.

А.А. Осипова, повторив почти то же, что говорил Богоявленский, сказала, что, если бы у нее были такие дети, она убила бы их (после суда Богоявленский и Осипова уехали на милицейской машине).

Свидетелями были еще двое из участвовавших в задержании: Н.И. Рыжков (он подтвердил слова Полякова, что в милиции тот молчал) и милиционер Загитдулин (Ермолаев оскорбил его, сказав, что он

выслушивается; сопротивления ему не оказывали; в записной книжке Ермолаева он обнаружил телефон Сахарова).

В характеристике Полякова с места работы сказано, что он — один из лучших специалистов отдела; за несколько месяцев до ареста подал заявление о выходе из комсомола (исключили его уже после ареста).

Прокурор в своей речи обвиняла подсудимых в "клеветнических измышлениях, порочащих..." Она назвала отягчающие обстоятельства: оба были пьяны — и смягчающие обстоятельства: молодость, первая судимость, у Полякова на иждивении находится ребенок (на самом деле у Полякова нет детей). Для Ермолаева прокурор потребовала 5 лет лишения свободы (максимальный срок по ч. 2 ст. 206), для Полякова — 4 года.

Адвокат Рогаткин сказал, что если его подзащитный обвиняется в "клеветнических измышлениях, порочащих ...", то ему должна быть предъявлена ст. 190-1, но и по ней он не может быть осужден, так как эта статья предусматривает "систематическое распространение", а не единичный случай. Ссылаясь на показания свидетелей, адвокат доказывал, что Поляков не хулиганил и не оказывал сопротивления; кроме того, его действия нельзя назвать "отличающимися исключительным цинизмом или особой дерзостью" (из текста ч. 2 ст. 206). Поступок Полякова адвокат объяснил тем, что он был пьян. Адвокат просил назначить Полякову административную меру наказания.

Адвокат Шальман также сказал, что в действиях его подзащитного нет состава преступления по ст. 206. Он указал, что подсудимые не могли оказать приписываемого им сопротивления четырем взрослым, здоровым мужчинам, один из которых — боксер (Богоявленский). Отметим состояние здоровья Ермолаева (у него гастрит, холецистит, гепатит), он просил оправдать его.

В последнем слове Поляков сказал, что случившееся произошло не совсем случайно. Он сожалеет, что все это произошло в такой форме, но причиной являются его убеждения, о которых в зале суда он не считает нужным говорить.

Ермолаев тоже сказал, что его выкрики отражают его убеждения, и также выразил сожаление, что проявил их в такой форме. Незадолго до этого были осуждены А. Огородников (Хр. 52) и другие его друзья. Их осудили, как он считал, незаконно — можно понять его состояние. Ермолаев сказал, что своими выкриками он не оскорблял ни народа, ни государства и что многие показания свидетелей не соответствуют действительности.

Суд приговорил Ермолаева к 4 годам и Полякова к 3 годам 6 месяцам лагеря усиленного режима. (В протоколе судебного заседания записано, что прокурор просила не 5 и 4, а 4 и 3.)

Об обстановке вокруг суда А. Найденович написала короткий (3 стр.) очерк "Открытый суд по-советски".

8 октября Е. Цитовская обратилась в "Международную Амнистию" с просьбой взять ее мужа под защиту,

потому что нельзя позволить, чтобы в стране, называющей себя цивилизованной, человека приговаривали к 3,5 годам лишения свободы за оскорбление политической партии, стоящей у власти.

11 ноября Московский городской суд в кассационном рассмотрении оставил приговор в силе. По соглашению с подзащитными адвокаты на кассационный суд не пришли — рассмотрение продолжалось несколько минут.

Суд над Никитиным

23 мая против члена СП СМОТ (Хр. 51) Николая Никитина (Хр. 51, 53) было возбуждено уголовное дело по ст. 190-1 УК РСФСР. 1 июня ст. следователь Ленинградской прокуратуры Тополян подписал постановление об аресте Никитина. По-видимому, в июне-июле местонахождение Никитина было следственным органам неизвестно.

В ночь с 3 на 4 августа Никитин был задержан на квартире В. Кувакина (см. "Аресты, обыски, допросы"). Его отвели в 101 отделение милиции.

Прямо в милиции Никитину предъявили постановление об аресте, санкционированное прокурором Васильевым 6 августа. Никитин в знак протеста объявил голодовку и держал ее до окончания суда.

7 августа следователь Н.С. Боровик (Хр. 52) провел в квартире Кувакина обыск по делу Никитина. На обыске были изъяты бюллетени СМОТ, копии писем и заявлений Кувакина в советские органы. Кувакин записал в протокол обыска протест против изъятия материалов, не имеющих отношения ни к какому уголовному делу. 7 сентября Кувакин направил прокурорам Москвы и Ленинграда повторную жалобу по этому поводу.

22 октября Ленинградский городской суд под председательством Скипетровой рассмотрел дело Никитина. Обвинителем на суде выступил прокурор Петров. От защитника Никитин отказался.

На суде присутствовали друзья Никитина и "спецпублика".

Никитин (1948 г.р.) обвинялся в том, что в 1978-79 гг. принимал участие в составлении документов СМОТ: заявления об образовании СМОТ, заявлений в защиту В. Новодворской (Хр. 51, 52), М. Кукобаки (Хр. 51, 53), В. Сквирского (Хр. 51-53) и Льва Сергеева, заявления в Международную конфедерацию свободных профсоюзов и заявления в МОК; экземпляр последнего заявления, написанный рукой Никитина, был изъят на квартире М. Морозова (Хр. 53).

Никитин не признал себя виновным. О заявлениях в МОК он объяснил, что просто переписал его с текста, составленного неизвестным лицом; об остальных заявлениях он сказал, что знаком с их содержанием, участия в их составлении не принимал и подписывал их в качестве члена СП СМОТ. Никитин указал также, что заявление в защиту Сер-

геева никакого отношения к СМОТ не имеет, поскольку было написано гораздо раньше образования СМОТ, а заявление в МКСП, будучи неподписанным, является простой бумажкой.

Никитин ходатайствовал о том, чтобы ему разрешили давать показания сидя — идет третий месяц голодовки и у него кружится голова. Суд удовлетворил ходатайство.

На вопрос народного заседателя Рыловой "С каких пор Вы стали заниматься такого рода деятельностью? Когда у Вас появились такие убеждения?" Никитин ответил: "Мои убеждения сформировались в последнее время, когда я лучше узнал действительность, с тех пор, как стали открыто преследовать правозащитников".

Рылова: Откуда Вы об этом узнали? Ведь такие факты, если они и есть, обычно не оглашаются (смех в зале).

Никитин: Об этом я узнавал из газеты "Правда", из газеты "Известия" и по другим каналам информации.

В суде в качестве свидетелей были допрошены доставленный под стражей Лев Волохонский, жена подсудимого Александра Никитина, Юрий Ушаков (псевдоним — Галецкий; его допрашивали на предварительном следствии по делу Волохонского — Хр. 53) и Андрей Дружинин (его допрашивали на суде по делу Волохонского — Хр. 53).

Из допроса Волохонского:

Судья: Никитин принимал активное участие в составлении документов СМОТ?

Волохонский: Никитин входит в СП СМОТ и подписывал документы СМОТ, под которыми стоит его подпись.

Судья: Кого можно считать автором документов СМОТ?

Волохонский: Весь СП СМОТ, всех, кто их подписывал.

Судья: Значит, соавторами документа являются все, кто его подписал?

Волохонский: Да, конечно.

Никитин: То, что подписавшие документ являются его соавторами, — это твое частное мнение?

Волохонский: Да, разумеется.

Из обвинительной речи прокурора:

... Находятся такие отщепенцы, как Никитин, которые стремятся все опорочить. С такими отщепенцами мы боролись и будем бороться, такие взгляды мы будем пресекать.

Прокурор предложил учесть состояние здоровья Никитина (у него коронарная недостаточность), первую судимость и хорошие характеристики и назначить Никитину наказание в виде двух лет лишения свободы в колонии общего режима.

Из защитительной речи Никитина:

В обвинительном заключении, предъявленном мне, задачи СМОТ два раза были названы заведомо ложными и клеветниче-

скими, в то время как задачей СМОТ, как и любой другой профсоюзной организации, является защита прав трудящихся.

Вводя в обвинительное заключение подобные заявления, советские власти клеветают не только на меня лично, но и на весь СМОТ в целом, пытаюсь любыми методами опорочить профсоюзное движение.

СМОТ – легальная профсоюзная организация. Право создания подобных организаций гарантировано Конституцией СССР, а также Международными пактами, подписанными правительством СССР. Поэтому преследование советских граждан за факт принадлежности к профсоюзной организации, не находящейся под контролем КПСС, является актом антиконституционным, а правосудие, осуществляющее такое преследование, – преступным.

...Обвинение даже не пыталось доказать ложность содержания документов СМОТ, и поэтому мне представляется нелепым обсуждать вопрос о том, какое отношение я имею к этим письмам – составлял ли я их, распространял или только подписывал.

... Подписанные мною документы я только читал, полностью согласен с их содержанием. Однако ни автором, ни распространителем их я не являюсь.

Обвинение построено на ложных утверждениях. Меня обвиняют в изготовлении и распространении писем. Подписание их рассматривается как авторство ...

Дело от начала до конца сфабриковано.

Из последнего слова:

В своей речи прокурор упомянул о том, что мои родители воевали и защищали Ленинград. Я хочу остановиться на этом подробнее. Мои родители защищали потом и кровью омытую землю, свою Родину, а не сталинский режим. Несмотря на то, что они и миллионы других советских людей жили в страхе, под давлением, под угрозой лагерей.

Я не хочу возвращения сталинщины, а также тех событий, которые случились уже после смерти Сталина – например, в Новочеркасске.

Я всегда буду выступать против нарушений прав трудящихся, где бы и кем бы они ни нарушались.

Двое из Совета представителей СМОТ уже осуждены, я – третий, таким образом, в нашем лице судят СМОТ, свободный профсоюз ...

...Кроме того, я хочу заявить, что во время предварительного следствия я один месяц содержался с человеком, у которого была открытая форма туберкулеза. Все это время я не имел прогулок, положенных по закону, к тому же камера не проветривалась, окна не открывались. Когда этот человек снял голодовку, так

как по состоянию здоровья он больше не мог ее держать, и его перевели, я потребовал обследования на туберкулез, но мне в этом отказали.

Последнее время я задыхаюсь, у меня участились сердечные приступы. Речь идет уже не о сохранении здоровья, а о жизни. Поэтому я сейчас снимаю голодовку, но буду вынужден опять ее начать, если я не буду обследован на туберкулез и не получу необходимой медицинской помощи. Можно рисковать своим здоровьем, но права на жизнь меня никто не может лишить.

Приговор повторил все пункты обвинительного заключения, кроме письма в МОК. Суд приговорил Никитина к полутора годам лагеря общего режима. Судья назвала приговор актом гуманности советского государства по отношению к Никитину.

Скипетрова запрещала во время суда вести записи. По этому поводу В. Кувакин 26 октября послал председателю Ленинградского городского суда "Жалобу на нарушение гласности судебного разбирательства".

Суд над Российским

12 сентября, на следующий день после увольнения, Александр Готовцев (артистический псевдоним – Российский) был арестован как "туняец".

11 ноября народный суд Бабушкинского района г. Москвы под председательством судьи Жуйкова рассмотрел его дело.

Готовцев обвинялся по ст. 209 УК РСФСР в том, что в течение года – с 30 мая 1978 г. – он не работал более четырех месяцев, хотя ему были сделаны два предупреждения.

Готовцев действительно не работал в 1978 г. с 30 мая по 30 июля и с 22 по 31 августа, в 1979 г. – с 1 марта по 26 июля. Первое предупреждение ему было сделано 11 сентября 1978 г., когда он уже работал. 1 марта 1979 г. Готовцев уволился. В марте он сдал паспорт на обмен. Новый паспорт ему выдали только в июне, а без паспорта он не мог устроиться на работу. 30 мая ему сделали второе предупреждение и выдали направление в комиссию по трудоустройству, а на следующий день Готовцев получил письмо из 106 отделения милиции, в котором сообщалось, что он может получить паспорт. 27 июля Готовцев по направлению комиссии начал работать дворником. После визита к его начальству работников 106 отделения он за четыре рабочих дня получил два выговора. Ему предложили уволиться. 11 сентября Готовцев уволился. 12 сентября его арестовали.

Готовцев объяснил суду причины своих перерывов в работе. По званию и профессии он – музыкант, окончил музыкальную школу по классу виолончели и кроме того, чтобы получить официальное право вести занятия по игре на гитаре, сдал соответствующий квалификаци-

онный экзамен. Устроиться работать по специальности ему удавалось редко. Но как раз с 1 сентября 1978 г. по 1 марта 1979 г. он такую работу имел: вел занятия по гитаре с детьми в ДК "Яуза". Отвечая на вопрос судьи о причинах увольнения из клуба, Готовцев рассказал, что у него были конфликты с дирекцией — он переносил время занятий, так как в назначенные часы ему мешали репетиции вокально-инструментального ансамбля, а директор запрещал перенос. (Известно, что дирекция клуба получала нарекания за то, что приняла на работу Готовцева — см. ниже.)

Готовцев рассказал также, что, несмотря на все старания, он три месяца не мог получить ни новый паспорт, ни справку, что его паспорт на обмене.

В защитительной речи адвокат В.М. Шершевский указал на то, что одно из предупреждений было вынесено Готовцеву необоснованно и, следовательно, не имеет юридической силы. Кроме того, обвинение игнорирует объективную невозможность для Готовцева с марта по май 1979 г. устроиться на работу. Адвокат сказал, что поспешный арест Готовцева — на следующий день после увольнения — производит впечатление, что милиции зачем-то нужно было его арестовать. Он просил оправдать Готовцева ввиду отсутствия состава преступления.

Приговор: 1 год лагерей общего режима.

* * *

Александр Российский известен как автор и исполнитель песен, многие из которых написаны на гражданские темы. Он был активным участником КСП и "Воскресений" (Хр. 41) и давно находился в сфере внимания КГБ (Хр. 43). Готовцев допрашивался на предварительном следствии по делу своего тестя М. Морозова (суд — Хр. 53), но показаний не дал (Хр. 52).

* * *

Когда Готовцев находился под арестом, с ним беседовали сотрудники КГБ. (Один из них присутствовал в зале суда.) Ему обещали прекратить дело, если он даст показания против В. Абрамкина и напишет о нем и о "Поисках" обличительное заявление. Во время перерыва в суде, перекинувшись несколькими словами с Абрамкиным (вход в зал суда был свободным), Готовцев успел сказать, что на допросах ему говорили, что тот уже арестован.

Еще до суда стало известно обращение (23 подписи)

В защиту Александра Российского

...

Дело о "туеядстве" Александра Готовцева готовилось зараннее и тщательно. Вначале с администрацией Дома культуры, где

он работал, беседовал человек, предъявивший удостоверение сотрудника угрозыска, затем по партийной линии директора клуба стали обвинять в том, что он потворствует Готовцеву в создании сионистского кружка. В конце концов Российский вынужден был уволиться из клуба. Для того, чтобы воспрепятствовать ему в устройстве на новое место работы, милиция в течение трех месяцев задерживала выдачу паспорта, отказываясь также выдать справку, что паспорт Готовцева находится на обмене. После жалоб в вышестоящие инстанции паспорт ему выдали, но буквально накануне оформили предупреждение "о паразитическом существовании". Примерно таким же образом, как и в первом случае, вынудив Готовцева уволиться с последнего места службы, власти арестовали его на следующий же после увольнения день, даже не дав ему возможности получить трудовую книжку (когда по советским законам человек еще не считается формально уволенным с работы).

Для обвинения Александра Российского будет использован пятимесячный перерыв в работе, трехмесячная часть которого организована отделением милиции, не выдававшим ему паспорта. Впрочем, как и в десятках других подобных случаев, судьба Российского будет определяться не истинными обстоятельствами "дела", а его инакомыслием, содержанием его творчества. Бюстители нашей идеологической невинности боятся его песен – тех, что уже спеты, но еще более – тех, которые он может спеть.

Охота на инакомыслящих в СССР приобретает все больший размах, включив теперь в свою орбиту не только правозащитников, но и тех, чье творчество неуютно властям, и тех, чья деятельность способствует развитию свободного искусства. Кроме Александра Российского здесь можно упомянуть и осужденного недавно в Ленинграде Георгия Михайлова, и художника-нонконформиста Вячеслава Сысоева. Предъявленное каждому из них обвинение ("туеядство", "спекуляция", "распространение порнографий") носит уголовный характер, но от этого цена, которую они платят за право на свободное творчество, не становится менее злобшей. Обращаясь ко всем честным людям в нашей стране и за рубежом с призывом выступить в защиту Александра Российского, мы прекрасно понимаем, что, как и раньше, это вряд ли поможет остановить расправу над безвинным человеком. Но нет у нас ни иных средств, ни других возможностей ...

(О Сысоеве см. Хр. 53 и "Письма и заявления" в наст. вып.)

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ

Чистопольская тюрьма

2 августа Михаил Казачков (Хр. 53) имел двухчасовое свидание с матерью. Перед свиданием Д.А. Казачкова просила начальника тюрьмы Малафеева, чтобы цензура вымарала из писем голодающего сына неудобные места и дала прочитать "остатки" – тогда она сможет на свидании сделать вид, что письма ей отдали, и уговорить сына снять голодовку. Малафеев ответил отказом.

13 августа Д.А. Казачкова была в прокуратуре РСФСР. Начальник отдела по надзору за местами лишения свободы В.Я. Болысов сказал ей, что контроль за работой цензуры может осуществлять только КГБ.

В середине сентября администрация тюрьмы пообещала Казачкову нормализовать положение с перепиской и разрешила ему получить из дома продуктовую посылку (по-видимому, в порядке ч. 4 ст. 56 ИТК РСФСР – "... болыным ... может быть разрешено получение дополнительных продуктовых посылок ..."); вообще говоря, заключенные, отбывающие наказание в тюрьме, не имеют права получать посылки); Казачков обещал по получении посылки снять голодовку (начатую в январе!). В телеграмму, которой Казачков сообщил матери о разрешении посылки, администрация добавила фамилию Балахонova, голодающего вместе с Казачковым (Хр. 53).

В письме к матери от 24 сентября Казачков написал:

... я ни в коем случае до вручения нам обоим посылки ма-
рафон не кончу ... о лечении серьезный разговор начнется лишь
после снятия крайностей. Сейчас это было бы неэтично по моим
понятиям и преждевременно... Здоровье моего соседа ... значитель-
но хуже моего ... Нам обоим начали колоть ... В-1 (витамины) ...
а его потчуют еще массой всяких сильно действующих инъекций
(сердце – вещь серьезная) ...

В октябре Казачков и Балахонov получили посылки. 12 октября они сняли голодовку.

* * *

По-прежнему плохо со здоровьем у А. Щаранского (Хр. 53). Цензура постоянно вымарывает из его писем то, что он пишет о своем здоровье.

Кроме того, вымарываются сообщения о полученных им письмах. В октябре от Щаранского потребовали, чтобы он внес исправления в очередное письмо к родным, а затем исправленное письмо конфисковали.

В ноябре Шаранскому объявили о лишении очередного свидания, которое должно было состояться в феврале 1980 г.

* * *

В сентябре, после 5 лет тюрьмы, Василия Федоренко отправили в 1 Мордовский лагерь. Ему предстоит еще 10 лет лагерей особого режима.

Мордовские лагеря

1 ЛАГЕРЬ (ОСОБЫЙ РЕЖИМ)

16 августа Алексей Мурженко имел свидание с женой. 3 сентября Любовь Мурженко написала начальнику медотдела Мордовских лагерей:

Мой муж . . . в течение многих лет страдает хроническим гепатохолециститом, гипоацидным гастритом.

В настоящее время его заболевание обострилось. Появились резкие боли в низу живота и в области печени, боли при глотании, диспептические явления. На коже лица появились многочисленные гнойничковые высыпания.

Кроме того, мой муж болен скрытой формой туберкулеза легких, хронической сердечно-сосудистой недостаточностью с явлениями стенокардии.

...

Прошу Вашего содействия в срочной госпитализации...

21 сентября начальник медотдела М.К. Самойленко послал ответ:

. . . Мурженко Алексей Григорьевич ... с 1972 года ежегодно обследовался в центральной больнице. Последний раз находился на обследовании и лечении с 25 мая по 29 июня 1979 г.

Диагноз при выписке: практически здоров.

В настоящее время состояние здоровья Мурженко А.Г. удовлетворительное, показаний для стационарного лечения нет.

* * *

У Ивана Геля высыхает левая рука, потеряли подвижность пальцы. В лагерной больнице не могут установить диагноз. Его жена Мария Гель несколько раз обращалась в Медуправление МВД СССР с просьбой о лечении мужа, но ответа не получила. 8 ноября она обратилась в "Международную Амнистию"; просит помочь в освобождении мужа.

В ноябре Гель был помещен в больницу.

19 ЛАГЕРЬ

В мае Н. Руденко сделали операцию по поводу грыжи. В июне он заболел полиартритом и три месяца не мог ходить. У него начался также гастрит.

В июле Руденко держал десятидневную голодовку в связи с тем, что у него в очередной раз (Хр. 48, 49) отняли стихи.

* * *

Михаил Карпенко тяжело болен. В 1978 г., когда он находился в ШИЗО, у него заболела нога. Чтобы добиться госпитализации, он объявил забастовку. Его отправили в больницу, но через неделю выписали, объявив, что у него "ничего нет". В 1979 г. боли усилились, однако его все равно заставляли работать, называли симулянтом. Только когда нога начала синеть, Карпенку отправили в больницу, где сделали местную операцию. Сразу после операции его в тяжелом состоянии вернули в зону. В санчасть его не приняли. Он лежал в жилом бараке. Иногда Руденко выносил его во двор. Началось новое обострение — нога стала черной, и тогда 40 человек, включая "стариков", обычно не участвующих в акциях протеста, объявили голодовку. (Такой массовой акции солидарности не было уже много лет.) После этого Карпенку отправили в больницу, где у него обнаружили загноение кости.

* * *

14-18 сентября Р. Назарян, В. Осипов, З. Попадюк, Н. Руденко, С. Солдатов и А. Раджабов держали голодовку протеста против принудительных политзанятий (за непосещение политзанятий заключенных этого лагеря наказывают).

* * *

В ноябре-декабре 1978 г. Л. Лубман и А. Турик были в Саранске на "профилактике" (Хр. 51), сидели в одной камере. По возвращении в зону они рассказывали, что в Саранске страдали сильными головными болями и слезоточивостью. В лагере это прекратилось, но через некоторое время Лубман снова стал жаловаться на те же симптомы.

По этому поводу Осипов в заявлении Генеральному Прокурору СССР потребовал медицинского освидетельствования Лубмана и Турика и присоединился к их мнению, что все это — результат внешнего воздействия.

В начале августа Турика и Лубмана перевели в 36 Пермский лагерь. И здесь оба они, но в основном Турик, утверждают, что подвергаются какому-то облучению. Другие заключенные этому не верят. Рассказывают, что Турик говорил про "облучение" еще во Владимирской тюрьме (он был там в 1975-1978 гг. — Хр. 39, 51).

* * *

В Пермские лагеря перевели также Б. Шакирова (Хр. 51) и Р. Назаряна.

* * *

В. Лапенис, трехлетний лагерный срок которого кончился 19 октября, отправлен в двухлетнюю ссылку. В июле его жена в заявлении в ПВС Лит. ССР просила освободить ее мужа от отбывания ссылки ввиду его возраста (ему 73 года) и состояния здоровья. Ей ответили, что просить должен сам осужденный.

* * *

В октябре 19 лагерь ликвидировали. Заключенных перевели, в основном, в 3 Мордовский лагерь (ср. Хр. 51), часть заключенных перевели в Пермские лагеря.

3 ЛАГЕРЬ

19 октября 120 человек из 19 лагеря перевели в Барашево – в 5-ю зону 3-го лагеря: ЖХ-385/3-5 (среди них – Н. Руденко, В. Осипов, С. Солдатов, Г. Ушаков, З. Попадюк, М. Карпенко, В. Капоян). Туда же перевели из 19-го лагеря некоторых отрядных. Начальник – бывший помощник начальника 19 лагеря по режиму майор Зинченко.

Единственный барак немного расширили. Все равно там очень тесно – нары стоят так близко, что в некоторых проходах не умещаются даже тумбочки. 18 человек (в том числе – В. Осипов, З. Попадюк, С. Солдатов) заняли помещение красного уголка; их грозятся выселить оттуда в барак.

Работа: шьют рукавицы. Дневная норма – 69 штук – трудно выполня (В. Осипов шьет пока 39).

* * *

При переезде из 19-го лагеря в 3-й у Осипова отобрали Новый Завет, объяснили – запрещается иметь книги заграничного издания. Однако, когда его жена привезла Новый Завет издания Московской патриархии, Зинченко не разрешил его передать.

* * *

У Солдатова конфисковали шесть писем жене, причину не говорят.

Пермские лагеря

В 35 лагере — около 70 заключенных, в 36 лагере — около 60, в 37 лагере — 24 заключенных в "большой" зоне и 19 в "малой" (ср. Хр. 45).

35 ЛАГЕРЬ

14 апреля Н. Матусевич наказан 15 сутками ШИЗО. В апреле же его лишили майского "общего" свидания, а в июне он получил три месяца ПКТ. В ПКТ его еще раз наказали 15 сутками ШИЗО — за отказ от работы (в Хр. 53 его наказания указаны неточно).

В начале июля, еще не зная, что брат находится в ПКТ, Т. Матусевич запросила начальника лагеря Н.М. Осина о сроке "личного" свидания (наступавшем 18 июня). Тот ответил — "свидания лишен". На повторный запрос об этом же свидании Т. Матусевич получила ответ Осина от 10 августа о том, что 14 августа Матусевич лишен "очередного свидания", а о дате длительного свидания он известит ее сам. В конце сентября она, действительно, получила письмо от брата, вышедшего уже из ПКТ, в котором он приглашал приехать на "личное" свидание и одновременно сообщал, что 14 августа ему объявлено о лишении его "общего" свидания, срок которого наступал в ноябре. Она взяла билеты и телеграфировала брату о выезде, однако за два дня до отъезда пришла телеграмма от Осина о том, что брат свидания лишен. В начале ноября мать Матусевича сделала еще один запрос о сроке "личного" свидания, а его жена — о сроке "общего". Вскоре пришла телеграмма Осина: "Свиданий на 1979 г. лишен".

Матусевич болен гипертонией (по гипертонии он был освобожден от армии), у него большое сердце.

В октябре мать Н. Матусевича обратилась "ко всем людям доброй воли" с призывом защитить ее сына.

До Матусевича плохо доходят письма от родных.

36 ЛАГЕРЬ

Летом в лагере начали изготавливать окованные железом двери, дверные и оконные решетки.

По предположению заключенных, рядом с этим лагерем будет построена либо тюрьма, либо зона особого режима.

* * *

На работу выходят 35 заключенных. Остальные — нетрудоспособны.

* * *

Весной в специальном журнале МВД для заключенных "К новой жизни" была опубликована статья Довганича (Хр. 48, 50-52), бывшего

заключенного 36 лагеря. В статье утверждается, что в лагере "диссиденты" каждый месяц получают из-за границы посылки и бандероли стоимостью по 250-400 руб. "Диссиденты" сами обедают, передают продукты "своим" даже в ПКТ, а остатки продают другим заключенным. Чтобы не привлекать излишнего внимания, "диссиденты" обманывают охранников, думающих, что они идут в баню мыться, а на самом деле там они поедают свои припасы.

Еще до публикации администрация показывала эту статью Ковалеву (он упомянут в ней в контексте "Ковалев и другие сионисты..."), спрашивали его мнение. Ковалев ответил, что, по его мнению, статью можно смело публиковать, не требуются даже комментарии.

* * *

20 сентября заключенные 36 лагеря совместно с заключенными 37 лагеря провели "День защиты Хельсинкских групп". Для заключенных 37 лагеря – это уже второй такой "день" (Хр. 51).

Григорян, Исмагилов, Ковалев, Маринович и Юскевич объявили одностороннюю голодовку и написали соответствующие заявления администрации.

* * *

Осенью ряд заключенных был переведен на новую рабочую операцию по сборке (лагерная продукция – детали электроутогов). Для сборки одной детали надо завернуть полуавтоматической отверткой 3 или 4 трехмиллиметровых винта, к двум из которых еще прикрепить шнур. Шнур потом еще надо скрутить. Норма на этой операции – более 700 деталей. Никто из заключенных не может выполнить этой нормы. Самая большая выработка не превышает 400 деталей. Инвалидам 2-й группы (их рабочий день вдвое меньше) назначено по полнормы, однако, чтобы выполнить свою норму, инвалиды работают и после обеда.

Администрация старается заставить заключенных выполнять норму. При этом ссылаются на то, что "даже" инвалиды свою норму выполняют. По приглашению администрации в лагерь приезжали какие-то работники, совершающие эту операцию на "вольном предприятии", которые за день выполняют эту норму.

Заключенные расценивают перевод на новую операцию как наказание, поскольку она требует определенных навыков и большой сноровки, а с предыдущей операцией они уже освоились и выполняли норму. В то же время заключенные, переведенные на их старое место, в свою очередь не могут пока освоиться и выполнять норму.

Известно, что на первую операцию переведены Григорян, Исмагилов, Ковалев, Строценя и Юскевич. Перевод Строценя, вероятно, обусловлен его упорным отказом написать прошение о помиловании (Хр. 52).

* * *

С лета должность начальника оперчасти вместо Рожкова занимает Никомаров (именно он в марте объяснил Ковалеву причину неудавшегося свидания с адвокатом Резниковой тем, что она заявила о нежелании видеть Ковалева — Хр. 53).

* * *

В августе на свидание к Юскевичу приехала дочь. В день ее приезда было вывешено объявление, что свидания отменяются "до особых распоряжений". Свидание Юскевичу было предоставлено через неделю в 35 лагере.

* * *

18 октября дежурный помощник Рак потребовал у Юскевича объяснений, почему он находится не на рабочем месте. Тот ответил, что идет налить воды. Вечером того же дня Юскевичу было объявлено о наказании его 5 сутками ШИЗО за "оскорбление" Рака. Однако на следующий день Юскевич неожиданно (конец его срока — в декабре) был взят на этап к освобождению.

(Такие действия администрации на лагерном жаргоне называются "сорвали на этап". Очевидный мотив таких "срывов" — воспрепятствовать остающимся в зоне передать с освобождающимися какие-либо сведения на "волю".)

Перед этапом у Юскевича отобрали приговор и личные записи, в том числе тетрадь с записями по иглотерапии, тетради с упражнениями по иностранному языку, самодельные словарики, 66 стихотворений, подаренных ему освободившимся ранее И. Калинцем.

* * *

В 1981 г. кончается срок у заключенного О. Кулака (25 лет). Онуфрий Кулак родился в 1928 г. Участник войны. Имеет благодарность от Сталина за участие во взятии Берлина. В 1956 г. осужден за участие в УПА. До конца 60-х годов отказывался работать в лагере. Теперь уже несколько лет отказывается от посылок, бандеролей, писем.

Он болен, тромбоз, трофическая язва на ноге. Имеет 2-ю группу инвалидности.

В 1978 г. его активно уговаривали написать прошение о помиловании. Он отказался, после этого с него сняли инвалидность (Хр. 51). Восстановили инвалидность только в августе 1979 г. Уговоры написать на "помиловку" не прекращаются.

* * *

В начале августа из 19 Мордовского лагеря привезли около 10 человек. Кроме А. Загирияка (Хр. 51), Л. Лубмана и А. Турика в этой партии — несколько осужденных "за войну". Среди них есть совершенно дряхлые или очень больные люди.

Узнав о голодовке С. Ковалева (с 15 июня по 11 июля — Хр. 53), его сын Иван Ковалев 30 июня обратился с письмом к Брежневу:

Очевидно, Вы понимаете, что заключенный, которого и без того морят голодом, может прибегнуть к такой крайней форме протеста лишь в самых чрезвычайных обстоятельствах.

Далее И. Ковалев пишет об отказе С. Ковалева от переписки (Хр. 47), о нарушении его права на защиту, об "откровенно издевательском" лишении его последнего (июньского) свидания (Хр. 53).

За четыре с лишним года вынужденного знакомства с советской карательной системой я убедился в полной безнаказанности любого произвола. Полагаю, что Вы, глава государства, более, чем кто-либо, ответственны за беззакония.

25 июля к С. Ковалеву приехал прокурор Мельников. Он сказал, что должен побеседовать "по жалобе, поступившей в прокуратуру РСФСР". Подробно обсудив причины голодовки С. Ковалева, Мельников задал ему два вопроса: морят ли заключенных голодом и как обстоит дело с их медицинским обслуживанием. Ковалев ответил, что на общем лагерном режиме "голодом не морят", но подробно описал питание в ШИЗО (через день 1350 ккал, через день — 850 ккал при общей лагерной норме 2450 ккал — Хр. 33); если говорить только о нем самом, то он не помнит случая, чтобы ему не была оказана медицинская помощь.

8 августа заместитель прокурора РСФСР А.С. Побежимов ответил И. Ковалеву на его письмо Брежневу: по поручению ЦК КПСС проведена проверка, нарушений прав С. Ковалева в области переписки не обнаружено, по его же собственному заявлению в суде он защищался сам, отказавшись от адвоката, свидания с адвокатом предоставлялись трижды, на 1 марта также была назначена встреча, однако Резникова отказалась от встречи с Ковалевым (Хр. 53), свидания с родственниками в июне Ковалев лишен обоснованно, питание всем заключенным, в том числе и ему, предоставляется "в соответствии с установленными нормами", медицинская помощь оказывается и оказывалась, в настоящее время здоровье С. Ковалева удовлетворительное.

8 августа С. Ковалеву было предоставлено "личное" свидание с родственниками. Впервые ему разрешили двое суток. На свидании Ковалев рассказал, что весной он лежал в санчасти по поводу гипертонии, давление было за 200. (4 июня, когда его жена и дети приезжали к нему на свидание, Федоров заявил им, что со здоровьем у Ковалева все в порядке, жалоб нет.) Во время голодовки давление у Ковалева понизилось до гипотонического (100), а к моменту свидания поднялось до нормального уровня. Однако и к этому времени он был еще очень слаб, ноги все еще отекали.

Ковалев сообщил родственникам, что хочет попытаться возобновить переписку и уже сдал на цензуру первое письмо. По этому поводу он передал свой разговор с начальником лагеря Журавковым.

Еще во время встречи с адвокатом Ковалев передал Журавкову свою просьбу — переговорить с ним в присутствии адвоката. Журавков передал ответ — обязательно зайдет, как только найдется время. В течение трех дней, пока не уехала Резникова, времени у него не "нашлось". На следующий день после ее отъезда эта беседа все-таки состоялась.

Ковалев объяснил Журавкову, что хочет попробовать возобновить переписку, но хотел бы иметь гарантии прекращения почтовых "пропаж". Достаточной гарантией он считает следующее. Он напишет жене, что Журавков подтвердил правильное понимание Ковалевым закона: приходящие на его имя письма администрация может либо конфисковать, предъявив ему соответствующий акт, либо передать ему; его же письма будут либо возвращаться цензурой на переделку, либо немедленно отправляться.

Журавков ответил, что закон Ковалев понимает правильно, но сослаться в письме на это свое мнение запретил — сказал, что оно будет конфисковано. Поэтому Ковалев убрал это место из письма.

Его жена это письмо получила. Оно до сих пор первое и единственное.

37 ЛАГЕРЬ

Сюда в "большую" зону прибыл А. Цурков (суд — Хр. 53). В одном бараке с ним М. Костава, М. Кийренд и М. Тилгалис.

28 августа А. Цурков имел "личное" свидание с женой — трое суток. Перед свиданием и после него ее тщательно обыскивали — вплоть до приседаний.

У Цуркова резко ухудшилось зрение. У него тромбоз флебит.

* * *

21 августа Ю. Орлов имел "личное" свидание с женой и сыном — одни сутки. При обыске Ирина отказалась раздеваться догола.

Заместитель начальника лагеря по режиму сказал ей, что свидание дается по минимальному сроку, так как Орлов "не хочет выполнять норму". За невыполнение нормы Орлова лишили ларька, администрация угрожает дальнейшими наказаниями. На самом деле, он не может выполнять норму по здоровью.

Работает он снова (Хр. 53) токарем. Переутомляется, часто болят голова и позвоночник, иногда отнимаются правая рука и нога (видимо — это последствия сотрясения мозга, полученного им в автомобильной катастрофе). С трудом он добился разрешения отдыхать два часа до или после работы.

В течение года Орлов жаловался на зубную боль, но не мог добиться помощи. Он написал в Прокуратуру СССР. Незадолго перед свиданием

он получил ответ из Медуправления МВД: "Зубной техник приезжал, Вас обслужили". Помощи Орлов так и не получил.

Орлов получает от жены в среднем только одно письмо в месяц, хотя она пишет гораздо чаще. Письма, посланные из-за границы, он не получает. Ему запрещают вести научную переписку, научные замечания вычеркивают даже из писем жене.

На свое заявление в прокуратуру по поводу изъятия научной переписки Орлов получил ответ:

...Осужденный может хранить у себя личную переписку, пять книг и кроме этого ничего другого, в том числе под видом научных записей.

Вернувшись со свидания, Ирина Валитова 27 августа опубликовала заявление о положении мужа. В нем она по памяти воспроизвела заявление Орлова к 12 мая — третьей годовщине создания Московской группы "Хельсинки":

К годовщине Группы

Я верю — наши жертвы не напрасны!

Вклад демократического движения за многие годы его существования

— в изменении фразеологии верхов, которое влияет на следующее поколение;

— в идеологической эмансипации интеллигенции;

— в растущей симпатии рабочих к пропаганде политических и гражданских свобод.

Поэтому я оптимистически смотрю в будущее.

В конце сентября — начале октября Ю. Орлов послал в КГБ список "стукачей" зоны; один из них (Сюргучев) признался Орлову, что представлен к нему.

В октябре Орлова допросили в связи с тем, что рукопись его научной статьи была обнаружена за зоной (в вьносе подозревается кто-то из вольнонаемных служащих). 22 октября ему дали за это шесть месяцев ПКТ.

* * *

24 сентября М. Костава, Б. Мухаметшин, А. Берничук, М. Кийренд, А. Цурков, С. Кузнецов, Н. Белов, Кокорин, Уколов и Магдеев провели однодневную забастовку. В заявлениях, направленных начальнику "учреждения ВС-389" Хорькову, они протестовали против замены круп на овес, замены мяса утиными потрохами, задержки корреспонденции, неежедневной выдачи молока на вредной работе (вместо 0,5 л в день им выдавали один раз в неделю 3,5 л) и показа в течение нескольких недель одного и того же фильма.

Ответ на забастовку и заявления — наказания (кому — выговор, кому — наряд на уборку).

* * *

Администрация конфискует марки, чистые открытки, в том числе — с репродукциями, и конверты, присылаемые в письмах (ср. Хр. 52).

В других тюрьмах и лагерях

В новом, "уголовном", лагере В. Пидгородецкий (Хр. 53) встретил Хромушина, ранее — начальника оперчасти 35 Пермского лагеря, известного своими садистскими наклонностями, теперь — помощника районного прокурора по надзору за местами лишения свободы. Пидгородецкий спросил Хромушина о причине своего перевода. Тот ответил: "Для лечения отита". — "Почему же меня не лечат?" — "Не знаю".

В письмах Пидгородецкий сообщает о дикости нравов в "уголовном" лагере, о том, что мечтает вернуться в политзону.

Известно, что у Пидгородецкого гипертония, коронарная недостаточность (иррадиация в левую руку), одышка при физическом напряжении. Сейчас он сообщает об отите и болях в правой руке.

В 35 Пермском лагере ему сделали операцию по поводу грыжи — операционная рана не заживала несколько месяцев, было нагноение.

* * *

М. Симчич (Хр. 53) послал заявление — сначала в МВД, потом в КГБ — с просьбой перевести его либо обратно в 35 Пермский лагерь, либо в Запорожскую область (его семья живет в Запорожье), так как в новом лагере при его здоровье условия очень тяжелые и жене очень трудно до него добраться. Из заявления в КГБ: "За 27 лет заключения я полностью потерял здоровье. За 8 лет на Колыме цинга уничтожила почти все зубы".

В новом лагере Симчичу предложили писать домой по-русски — он ответил, что не писал и не будет писать по-русски.

Во время пересылки с Симчичем разговаривал работник Пермского УИТУ полковник Карпов. После трехчасовой беседы Карпов сказал: "Я вижу, вас не перевоспитали за 27 лет, а я тем более не берусь. Оставайтесь при своих убеждениях".

* * *

В середине октября В. Барладяну (суд — Хр. 46, лагерь — Хр. 47, 48, 51) объявил голодовку, требуя возвращения материалов, изъятых 25 сентября на обыске у его жены (см. "Аресты, обыски, допросы").

Солагерников Барладяну допрашивают, не клеветает ли он на советскую власть. Ему угрожают новым делом. Конец срока у него — 2 марта 1980 г.

* * *

В июле-августе Е. Бузинников (суд — Хр. 51; лагерь — Хр. 51-53) работал помощником электрика.

В июле из бандероли, поступившей на имя Бузинникова, было конфисковано печенье, названное в акте "неизвестным веществом со специфическим запахом" (печенье было соленым).

Начальник отряда лейтенант Шуляев расспрашивал Бузинникова, кто у него есть за рубежом, и убеждал его, что переписка заключенных с границей запрещена. Он фактически подтвердил, что недоставка Бузинникову корреспонденции связана с его статьей (= ст. 190-1 УК РСФСР).

В связи с переоборудованием "учреждения И-299/2" со строгого режима на особый Бузинникова вместе с другими заключенными 9 октября перевели в "учр. И-299/6". Перевозили их в железных ящиках, установленных в кузовах грузовых машин, загружая (сверху) в каждый ящик по 30-35 человек.

28 октября Бузинникова перевели в другой лагерь: 623980, Свердловская область, г. Тавда-1, пос. Белый Яр, учр. И-299/1-9. Работает он в тарном цехе.

* * *

В лагере (Комсомольск-на-Амуре) А. Огородников (Хр. 51, 52) три раза был в ШИЗО за "проповедь". С апреля от него нет писем. Осенью его перевезли в Ленинград (см. "Аресты, обыски, допросы"). Конец срока у него 20 ноября.

* * *

В июне И. Зисельса (суд — Хр. 53) доставили в лагерь: 275000, УССР, г. Сокиряны Черновицкой области, учр. РЧ-328/67-Д (лагерь усиленного режима).

Распорядок: 5.20 — подъем; 5.40 — завтрак; 7.00—15.00 — работа; 16.20 — обед (по медицинским нормам перерыв между приемами пищи не должен превышать 8 часов), 17.00—20.00 — свободное время, 20.00 — проверка, ужин; 21.20 — отбой.

Заключенные живут в трехэтажных каменных зданиях. В одной секции с Зисельсом — еще 15 чел., кровати — в два этажа.

Ввиду язвы желудка врач освободил Зисельса от работы под землей (добыча камня в шахте). Сначала Зисельса поставили зашивать мешки, потом перевели сбивать ящики.

В начале августа Зисельс получил выговор за то, что спросил, будут ли ему и другим давать на новой работе молоко. Формулировка: "Шантажировал группу отказаться от работы".

В августе Зисельс выполнил норму, и его поощрили дополнительными 2 рублями на "ларек". Всего за август на его счет после вычетов поступило 8 руб. 39 коп.

29 августа зам. начальника по политчасти майор Ревуцкий и началь-

ник оперчасти капитан Черней (его жена работает цензором) объявили Зисельсу о конфискации двух писем от П.А. Подрабинек (Хр. 48). Мотивировка: их содержание администрации непонятно, смущают также ссылки на иностранные источники. Зисельс добился, что 7 сентября эти письма ему отдали.

29 августа примерно 40 заключенных, в том числе Зисельс, в 12 час. оставили работу и пошли на обед. На следующий день начальник ИТК капитан Яковлев распорядился водить на обед в 12 час.

30 августа Зисельс отказался писать трудовые сообразительности.

31 августа Зисельса снова перевели на зашивание мешков. Было объявлено, что с 1 сентября заключенные, не выполнившие дневную норму (65 мешков), будут продолжать работать, пока не выполнят ее. 1 сентября из 21 человека норму не выполнили 20. Продолжать работу оставили 11 человек, в том числе Зисельса. Оставленные отказались работать – всех отпустили. Зисельс написал заявление о нереальности нормы и о плохих условиях труда (сырое помещение, работать приходится стоя и согнувшись). 3 сентября (2 сентября – воскресенье) после конца рабочего дня никого уже оставить не пытались. 4 сентября Зисельса опять перебросили на ящики.

7 сентября Зисельс выполнил 150% нормы. После работы завхоз объявил, что бригада будет два дня чистить после работы картошку, кто хочет – седьмого, остальные восьмого. Зисельс решил пойти восьмого. Через час по приказу начальника ИТК его за отказ чистить картошку поместили на 15 суток в ШИЗО (из 18 человек 7 сентября на картошку пошли только 5, но больше никого не наказали).

Зисельс находился в ШИЗО без вывода на работу, соответственно – на пониженной норме питания. Четверо суток он не мог спать из-за холода. Полотенце ему дали на пятые сутки, мыло и зубную щетку – на шестые.

9 сентября в ШИЗО пришел КГБист. Он сказал, что, если Зисельс будет продолжать помогать другим заключенным писать жалобы и заявления, это может для него плохо кончиться.

Зисельс отправил в областную прокуратуру жалобу на незаконное помещение в ШИЗО. Через 4 дня к нему пришел помощник прокурора г. Сокиряны, но говорил он с Зисельсом только по поводу его жалобы на незаконный выговор; о помещении в ШИЗО он говорить отказался: "Не уполномочен!".

15 сентября у Зисельса началось обострение язвы желудка – он вызвал врача. Лекарств, назначенных врачом (алмагель и но-шпа), не оказалось – лечили бесалолом. В тот же день по заявлению о холоде в камере приходили Ревуцкий и сотрудник Черновицкого УИТУ капитан Пушный; они сказали, что им не холодно.

Все оставшиеся дни Зисельс безрезультатно просил, чтобы его, в связи с болезнью, перевели на режим с выводом на работу.

22 сентября Зисельс вышел из ШИЗО. Заключенные тепло встретили его.

1 октября Зисельс в заявлениях, отправленных в прокуратуру УССР и

УИТУ УССР, перечислил все нарушения, допущенные в отношении него за три месяца.

5 октября жена Зисельса Ирена направила начальнику ИТК письмо:

Уважаемый т. Яковлев!

Благодарю Вас за то, что Вы, несмотря на чрезвычайную занятость, нашли возможность ответить мне на телеграмму по поводу отсутствия писем от моего мужа Зисельса Иосифа Самойловича.

Вы, несомненно, знаете, что по заключению врача, работающего в Вашем учреждении, у моего мужа язвенная болезнь. Это явилось причиной освобождения его от работы в шахте.

Как мне стало известно, мой муж провел в прошлом месяце 15 суток в штрафном изоляторе, что привело к обострению у него язвенной болезни. К сожалению, я не знаю, за какие нарушения мой муж был наказан, но в данном случае важно то, что наказание повредило его здоровью.

Думаю, что мой муж был помещен в штрафной изолятор без Вашего ведома, так как Вам, безусловно, известен гуманный принцип советского законодательства о том, что наказание не должно приносить ущерб здоровью заключенных.

Надеюсь, что в следующий раз при необходимости наказания моего мужа Вы найдете возможность сделать это, не нанося вред его здоровью.

Вы очень заняты, поэтому прошу Вас не затруднять себя ответом на это мое письмо.

1 октября у Зисельса при обыске изъяли неотправленное письмо к В. Бахмину с описанием сентябрьских событий и надзорную жалобу, составленную для другого заключенного. Его снова на 15 суток посадили в ШИЗО. Формулировка: за нелегальную переписку, оскорбление администрации в заявлении в прокуратуру УССР (согласно ИТК, заявления, адресованные прокурору, просмотру лагерной цензурой не подлежат) и помощь в составлении жалоб другим заключенным. Отправляя Зисельса в ШИЗО, начальник ИТК выразил сожаление, что "Титлера на него нет", угрожал натравить на него уголовников, сгноить в шахте и отправить на Север.

16 октября, по выходе Зисельса из ШИЗО, Черней объявил ему о конфискации трех писем из-за границы. Мотивировка: из-за наличия нежелательной информации. Состояние здоровья Зисельса ухудшилось — 18 октября его поместили в санчасть; через неделю его выписали.

30 октября, в День политзаключенного, Зисельс держал однодневную голодовку. В заявлении о ней, поданном администрации, он выразил протест против произвола, угроз и репрессий. За это его лишили "общего" свидания, полагающегося в ноябре. Мотивировка начальства: голодовка есть нарушение режима, так как, согласно п. 1 параграфа 23

Правил внутреннего распорядка прием пищи происходит в столовой в соответствии с режимом дня. Яковлев очень резко говорил с Зисельсом, допускал антисемитские высказывания.

10 ноября Зисельс, будучи простуженным, отказался идти чистить картошку, за что третий раз получил 15 суток ШИЗО.

12 ноября Зисельс был переведен во Львовскую больницу МВД "для обследования". Одновременно его жена получила из УИТУ УССР письмо, в котором сообщалось, что ее муж "по состоянию здоровья" переведен "в другую зону".

* * *

Л. Волохонский после суда (Хр. 53) был оставлен в Ленинградской тюрьме "Кресты" на хозяйработках.

22 октября его возили на суд над его другом Н. Никитиным (см. наст. вып.).

23 октября Волохонский зарегистрировал брак с Натальей Лесниченко. Ему было предоставлено часовое свидание с женой и матерью — через стекло.

24 октября Волохонского перевели в лагерь общего режима "Яблоневка" (195213, Ленинград, учр. УС-20/7).

11 ноября его вернули обратно в "Кресты".

14 или 15 ноября он был взят на этап.

* * *

До середины октября В. Бебко (суд — Хр. 53) находился в Сызранском следственном изоляторе — "учр. ИЗ-42/2".

20 августа его мать Ф.Н. Бебко пожаловалась в прокуратуру на притеснения ее сына со стороны сокамерников (Хр. 53). 11 сентября пом. прокурора г. Сызрани А.П. Мартынов ответил ей:

... С прибытия в СИ-2 Бебко В.В. содержался в камере № 128, откуда был переведен в другую камеру в связи со странным его поведением.

Проверкой не установлено, чтобы Ваш сын подвергался насилию со стороны заключенных камер, в которых он содержится.

Рекомендовано администрации СИ-2 усилить контроль за отношением заключенных к Вашему сыну, который, имея отклонения в психике, ведет себя несколько странно, высказывает путанные мысли.

Однако и в "другой" камере положение не улучшилось: сокамерники отобрали у Владислава подушку и одеяло, отбирали одежду, белье, большую часть продуктовых передач; его пытались изнасиловать. Обо всем этом Ф.Н. Бебко 12 октября написала прокурору Куйбышевской области.

20 августа Верховный суд РСФСР рассмотрел кассационную жалобу адвоката Н.Я. Немеринской (в Хр. 53 ее фамилия написана с ошибкой) и оставил приговор по делу Бебко без изменений. Сообщение об этом пришло в Сызрань только в середине октября.

В октябре В. Бебко прибыл в лагерь: Куйбышевская обл., Ставропольский р-н, с. Верхняя Белозёрка, учр. УР-65/12-2-20.

В многотиражке "Молодой инженер" Куйбышевского политехнического института была напечатана статья о В. Бебко под названием "В фальшивой маске "правдоискателя". 14 ноября эта статья была перепечатана в многотиражке "Университетская жизнь" Куйбышевского университета.

* * *

13 августа М. Кукобака (суд — Хр. 53) прибыл в лагерь: 211440, Витебская область, г. Новополоцк, учр. УЖ-15/10-Д. Начальник лагеря — майор Новик, зам. по режиму — майор Косьяк, начальник оперчасти — майор Гончаров.

24 августа Кукобака послал в Верховный Суд СССР "жалобу по надзору":

Мои убеждения абсолютно противоречат советской коммунистической идеологии и никакому "исправлению трудом" не подлежат. Я за них уже отбыл 7 лет в заключении ... Я не могу и не хочу жить в противоречии со своими убеждениями. Но в условиях, когда мои убеждения расцениваются советскими властями как "заведомо ложные, клеветнические измышления", — я всегда, где бы ни находился на территории СССР, буду субъектом преступления по советским законам. Поэтому я прошу Пленум Верховного Суда СССР проявить акт гуманности и здравого смысла и заменить мне заключение в ИТК лишением советского гражданства и высылкой в любую некоммунистическую страну.

В случае невозможности такого решения Кукобака просил перевести его из уголовного лагеря в политический лагерь или в тюрьму.

По прибытии в лагерь Кукобака сразу заявил, что не будет участвовать в так называемой "общественной жизни" и посещать политические занятия, а 30 октября и 10 декабря будет держать голодовки протеста против нарушения прав человека в СССР.

Сначала Кукобака был направлен в тарный цех. 27 августа его перевели в цех полировки. 7 сентября Кукобака направил в прокуратуру Витебской области заявление:

Довожу до Вашего сведения, что в учреждении УЖ-15/10 грубо нарушаются охрана труда и правила обращения с заключенными. В настоящее время я работаю в цехе полировки (переведен сюда из тарного цеха 27 августа). Мы производим обдирку дюрале-вых деталей с последующей полировкой. Обработка отливок (детали после литья) производится сухим методом (т.е. без при-

менения воды и т.д.) на наждачных кругах и наждачных лентах с электроприводом. В закрытом помещении, где мы работаем, не действует вытяжная вентиляция; респираторов также не выдают. Работаем в 3 смены по 8 часов (т.е. 48 часов в неделю). Нормы питания обычная. Так называемое "специпитание" составляют две кружки обычного молока в неделю (а то и реже). Спецодежда изорванная, грязная до крайности, да и та по одной паре на трех человек (передаем друг другу по смене). Переодеться и хранить белье практически негде. После работы на грязное тело надеваем повседневную робу и идем в жилую зону умыться. На рабочем месте имеется всего один кран с холодной водой.

Когда я заговорил с нач. 5-го отряда об условиях нашей работы, то его ответ удивил меня: "Мы давно уже обсуждаем вопрос о переводе цеха полировки для заключенных в ПКТ (отбывающих наказание в Помещениях Камерного Типа). И скоро это сделаем". Таким образом, я понял, что вышеописанные условия работы не являются недосмотром администрации, а являются сознательным разрушением здоровья заключенных, применяемым как метод наказания. И мой перевод сюда не случаен. Меня наказали за отказ пересмотреть свои убеждения, за отказ признать себя виновным. Расчет начальника учреждения УЖ-15/10 майора Новика прост и безошибочен: если по 8 часов в смену в течение двух с лишним лет дышать наждачной и иной пылью, то тяжелое заболевание легких гарантировано. Однако хочу предупредить прокуратуру, что если в ближайшее время не будут приняты меры по улучшению условий труда, то мне придется отказаться от этой работы, не считаясь с последствиями.

О медобслуживании следует сказать особо. Ни в рабочей зоне, ни в жилой мед. аптечки не предусмотрены. Нет даже йода. В условиях, когда Учреждение разделено на локальные зоны, оказание быстрой медпомощи *невозможно*. К примеру, заключенный из 1-го отряда Пинкин 18 августа с.г. в 4 часа дня лопастью вентилятора ободрал себе нос. Первичная помощь ему была оказана где-то через 1,5 суток. Медобслуживание поверхностное. Так, при первичном осмотре, когда я прибыл в Учр. УЖ-15/10, врач-терапевт интересовался больше наколками и не догадался даже измерить давление крови.

Я слышал многочисленные жалобы заключенных на рукоприкладство со стороны надзоровосстава. (Причем занимаются этим не только сержанты и прапорщики.)

...

24 сентября Кукобака направил заявление прокурору г. Ново-лоцка:

Ставлю вас в известность, что с 24 сентября я отказываюсь работать в цехе полировки ... В период работы в этом цехе я заболел (обострение хронического правостороннего отита) и 3 сентяб-

ря обратился в медсанчасть. Однако помощь мне была оказана лишь 13 сентября, после жалобы члену комиссии из облуправления МВД, посетившей ИТК в это время. Врач-отоларинголог из горбольницы обследовал меня и установил, что данная работа противопоказана мне по состоянию здоровья. Он написал рекомендацию для перевода меня с этой работы. 17 сентября администрация сократила нашу бригаду. Почти половина людей была направлена на другие участки, меня же оставили на прежнем месте, несмотря на рекомендацию врача. С просьбой о переводе я обратился к начальнику медсанчасти отряда, а 19 сентября и к зам. начальника ИТК майору Косяку, но безуспешно. Такое поведение администрации нельзя расценивать иначе, как провокационное. Оно лишь подтверждает мой тезис, что я переведен в цех полировки не случайно, а с целью сознательного ослабления моего здоровья. В этом случае я вынужден, не считаясь с последствиями, отказаться от работы в этом цеху. Иного выхода не вижу.

...

Переписка Кукобаки с первого дня поставлена под строгий контроль: кроме штатного цензора все его письма просматривает лично майор Гончаров. Из жалобы прокурору Витебской области от 11 сентября:

В учреждении УЖ-15/10 меня фактически лишили права на переписку. Начальник оперчасти майор Гончаров запрещает мне писать обо всем, кроме погоды. Он запрещает также выражать в письме свое мнение по любому вопросу, если это мнение не совпадает с его собственным. А оно не совпадает по всем пунктам. Но ведь и нельзя ожидать, чтобы оно совпадало. Я не уголовник, а политзаклученный и нахожусь здесь как репрессированный за свои убеждения.

...

Письма на имя прокурора бесцеремонно вскрываются. 7 сентября начальник отряда проделал это на моих глазах с заявлением облпрокурору по поводу условий работы и режима.

...

* * *

Родственникам баптиста Александра Каляшина, отбывающего три года общего режима с 11 августа 1978 г. за отказ принять воинскую присягу (адрес лагеря — с. Перекрестовка Роменского р-на Сумской обл.), лейтенант оперчасти Москаленко заявил, что их письма Каляшину передаваться не будут, так как там упоминается имя Божие.

* * *

Баптист Иван Петрович Штеффен арестован в 1976 г. и осужден на 5 лет строгого режима за религиозную деятельность (Хр. 44). Это его третья судимость. Он отбывает срок в учр. ГМ-172 (г. Шевченко Ман-

гышлакской области). В октябре 1978 г. ему предлагали условное освобождение с обязательным привлечением к труду. Он отказался, считая себя невиновным и требуя полного освобождения. Штеффен крайне истощен, очень тяжело переносит климатические условия.

В защиту политзаключенных

В. Некипелов. Когда репрессия бессмысленна ... (открытое письмо в защиту Михаила Кукобаки) (14 сентября 1979 г.)

Письмо обращено к американскому сенатору Б. Доллу, решившему принять личное участие в судьбе М. Кукобаки.

...

КПД (коэффициент полезного действия) этой репрессии равен нулю. Любое наказание всегда имеет целью исправление наказываемого, изменение его наклонностей, привычек, форм поведения. Наказание человека, утверждающего "На том стою", то есть лишение свободы за убеждение, есть абсурд, сознательное мучительство и медленное убийство.

...

В. Некипелов. "Склонен к побегу и самоубийству ..." (секретные характеристики для советских политзаключенных); (27 сентября 1979 г.)

...

Предупредительный гриф в личном деле М. Кукобаки — сознательное усиление репрессии.

...

Штамп на карточке М. Кукобаки, видимо, означает еще большую степень изоляции и надзора.

Адресуя эту информацию "Эмнисти интернейшнл", я призываю к общественному возмущению против системы секретных знаков особой дискриминации в советской тюрьме и прошу об огласке всех таких случаев.

Я выступаю с требованием немедленного изъятия из тюремного дела Михаила Кукобаки ... лживой, дискриминационной "характеристики" от КГБ.

27 подписей. "Без права переписки..." (обращение в защиту Михаила Кукобаки) (ноябрь 1979 г.)

...

Вызывает тревогу демонстративное нарушение администрацией права М. Кукобаки на переписку.

...

Грубо нарушается и ст. 36 Исправительно-трудового кодекса — о праве заключенных на обращение к прокурору. Кукобаке

не разрешено отправлять заявления в прокуратуру в запечатанном конверте...

...

Особые сталинские лагеря "без права переписки" были формально осуждены в годы XX съезда. Судя по всему, они вернулись теперь для Михаила Кукобаки.

Освобождения

24 июня 1978 г. по отбытии наказания из лагеря освободился Владимир Григорьев (Хр. 49). До ареста член КПСС, Григорьев (1936 г. рождения) был заведующим отделом писем районной газеты Белоярского р-на Томской области. Арестовали его 24 декабря 1976 г. По-видимому, предмет обвинения — его рукопись-книга "Фашизм в рабочей блузе", изъятая при аресте. В декабре 1977 г. Томский областной суд приговорил Григорьева по ст. 190-1 УК РСФСР к полутора годам лишения свободы. Оставшиеся полгода он провел в ИТК-2 (г. Асино Томской области).

7 марта 1979 г., по отбытии 25-летнего срока, из 35 Пермского лагеря освободился литовский партизан Бронюс Пурлис.

По отбытии 25-летнего срока из 35 лагеря освободился украинец Алексей Савчин. Сейчас он живет по адресу: 293623, Львовская область, Сколевский р-н, с. Головецкое.

15 сентября в Тарусе освободили привезенного из 1 Мордовского лагеря Святослава Караванского. Он просидел (с перерывом — Хр. 35) примерно 31 год. В Тарусе живет (под надзором) жена Караванского Нина Строкатова (см. "После освобождения").

В Харькове после отбытия 7-летнего срока освободили привезенного из 36 Пермского лагеря Анатолия Здорова. 22 июня за ним установили административный надзор. На поездку к родителям (они живут в Харьковской области) ему дали неделю. В этом году сын А. Здорова поступил в институт — первыми его поздравили сотрудники КГБ.

В июле из 37 Пермского лагеря, после отбытия 10 лет 2 месяцев из 11 лет, полученных за "измену Родине", условно освобожден "с обязательным привлечением к труду" Юрий Владимирович Васильев. Ему еще полагались по приговору 3 года ссылки — они сняты. Его жена — бывший библиотекарь в зоне. Их адрес: 617407, Пермская обл., Кунгурский р-н, пос. Комсомольский, Спортивная ул. 28, кв. 15. Лагерный срок его сестры и поделницы (попытка угона самолета) Галины Селивончик кончается в 1982 г.; ей предстоит еще 5 лет ссылки.

6 сентября, отбыв 3 года по ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР), освободился киевлянин Виталий Адамович.

В 1979 г. из 36 Пермского лагеря освободился литовский "двадцатипятилетник" Юлис Дубаускас.

28 февраля, отсидев два с половиной года, по концу срока освобо-

дился Петр Нарица (Хр. 42, 44). В "Открытом письме" от 4 ноября он описывает свои мытарства после освобождения.

В ССЫЛКЕ

Бодайбо (Иркутская обл.). 3 октября Зиновий Антонюк (Хр. 53) обратился к министру ВД СССР Н.А. Шелокову. Антонюк просит разрешить ему поездку в специализированное медицинское учреждение для обследования и лечения или изменить место ссылки на город, в котором был бы уролог, специалист "по туберкулезу мочеполовой сферы, и где не были бы столь жестокие для туберкулеза природные условия, как в Бодайбо".

Антонюк пишет, что заболел он туберкулезом во Владимирской тюрьме и что в октябре 1978 г. специальная комиссия из Пермского УВД постановила отправить его в Ленинградскую больницу МВД (Хр. 51). Это постановление выполнено не было. Антонюк спрашивает, кто в этом виноват и кто скрыл наличие у него туберкулеза в активной форме при определении места ссылки.

Заявление Антонюка подцержали несколько политссылных (в том числе супруги Калинец — Хр. 51).

В октябре-ноябре Антонюк был очень слаб, быстро утомлялся, сильно потел (особенно ночью); после часовой прогулки ему приходилось лежать по полдня; температура все время 37-37,2.

5 ноября Антонюка выпустили из больницы. Он снова живет в общежитии: 666910, Иркутская область, Бодайбо, ул. 30-летия Победы 38.

* * *

Алтайский край. Иван Светличный (Хр. 52) — в очень плохом состоянии. Даже письма он пишет с трудом.

* * *

Багдарин (Иркутская область). В 36 Пермском лагере, где Евгений Сверстюк (Хр. 52) отбывал срок, при очередном обыске обнаружены записи, сделанные рядом заключенных, в том числе, кажется, Сверстюком. В связи с этим к Сверстюку приезжал следователь.

20 октября Сверстюка допрашивали о приезжавшем к нему в гости Петре Розумном (см. "Аресты, обыски, допросы").

Сверстюк работает плотником.

* * *

Пос. Аян (Хабаровский край). Александр Сергиенко, прибывший сюда в феврале 1979 г. (Хр. 52), работал столяром. Для жилья ему дали дом-развалюху, который он сам отремонтировал. После отъезда его матери О.Я. Мешко и жены З. Вивчар, навещавших его летом (Хр. 53), к нему подселили некоего Рудяка, который не раз, напившись, нападал на него, однажды — с ножом.

Еще в начале его ссылки О.Я. Мешко обращалась с просьбой о переводе его в другое место, хотя бы в том же Хабаровском крае, так как климат поселка Аян, расположенного на полуострове, губителен для его здоровья (он болел туберкулезом еще до ареста). Ей отказали. Летом Сергиенко, чувствуя себя все хуже, несколько раз обращался в поликлинику, просил направление на обследование в Хабаровск, обещанное ему по приезду. Ему отказали. В августе, проведя однажды весь день в поликлинике на различных обследованиях, он не смог получить бюллетень. Этот день ему засчитали за "прогул" и немедленно уволили.

А. Сергиенко направил в ПВС СССР заявление, в котором, сославшись на опыт лагеря и ссылки (свой и других), написал, что не доверяет советским врачам, когда им приходится лечить политзаключенных. Он просил отпустить его для лечения в Австралию, откуда он и его семья давно уже получили вызов от родственников.

В сентябре О.Я. Мешко обратилась к министрам здравоохранения и внутренних дел СССР, а также к Генеральному Прокурору СССР, в Международный Красный Крест и в Международную ассоциацию юристов-демократов с просьбой решить вопрос об отправке ее сына в киевскую больницу.

Направление в Хабаровск с диагнозом, вызывающим подозрение на рак, Сергиенко все же выдали, но его не отпустила милиция.

В октябре О.Я. Мешко обратилась по этому поводу в МВД СССР. Начальник отдела 5-го управления (ведущего ссылкой) полковник Карагезьян, к которому она ходила или звонила несколько раз, сказала ей в конце концов: "Мы распорядились отправить его в Хабаровск".

В Хабаровск, в краевой онкологический диспансер, А. Сергиенко отправился 11 октября прямо из милицеской камеры — за несколько дней до этого во время очередного конфликта с поликлиникой он обругал врача и получил за это 15 суток (в ту же камеру поместили и Рудяка).

Оставшиеся 13 суток ареста не были отменены, а лишь отложены до возвращения Сергиенко из больницы.

* * *

В июле Василий Лисовой прибыл в трехлетнюю ссылку (Хр. 53): 671311, Бурятская АССР, Заиграевский р-н, пос. Новая Брянь. Он живет в общежитии.

1 ноября его положили в больницу с инфекционной желтухой.

* * *

Якутская АССР. В. Черновол (Хр. 53) перебрался в районный центр — в Нюрбу. Он снял там дом. Работает он диспетчером по транспорту в стройуправлении.

* * *

Якутская АССР. В конце лета в пос. Зырянка к Мустафе Джемилеву (суд — Хр. 53) приехал из Ташкента его родственник, собиравший-

ся остаться в Зырянке работать. Он поселился в общежитии с Мустафой и договорился о работе. Однако милиция отказала ему в прописке, сказав, что в Зырянке вообще никого не прописывают, а кто-то из местных начальников провел с ним "беседу": "Ты — комсомолец, а связался с антисоветчиком". Его выселили из общежития, запретили пускать его в гостиницу, а Мустафу переселили в другую, многоместную, комнату в общежитии, где его гостю не нашлось бы места. Милиция стала угрожать родственнику Мустафы уголовным делом по ст. 198 УК РСФСР ("Нарушение паспортных правил"). Ему пришлось вернуться в Ташкент.

9 сентября М. Джемилев направил в Верховный суд Узб. ССР заявление с требованием привлечь автора статьи "Профессия: тунейдец" Ю. Кружилина (Хр. 53) к уголовной ответственности за клевету и оскорбление в печати.

* * *

Петр Сартаков, отправленный из 19 Мордовского лагеря 22 июня (Хр. 53), прибыл к месту ссылки — в дер. Ирба Богучанского р-на Красноярского края — только 4 августа. Из 43 дней этапа 26 дней его продержали "по прихоти тюремщиков в Красноярской тюрьме № 1, отличающейся нечеловеческими условиями содержания" (из его письма).

Ранее он просил, чтобы ему назначили ссылку возле г. Зима Иркутской области, где живет его сестра, — ему отказали. На просьбу сослать его в с. Шушенское ему ответили, что такое место ссылки надо заслужить.

В Ирбе он долго не мог получить своих денег из лагеря, первое время его кормили в столовой в кредит.

Участковый милиционер Шароглазов и пред. сельсовета пытались направить его на тяжелую работу, несмотря на справку из лагеря об инвалидности. Когда Сартаков договорился о работе сторожем в магазине, они запретили завмагу зачислить его, сказав, что по своей судимости он не имеет права на такую работу. Сартаков добился этой должности только в октябре после многочисленных жалоб.

Страдая многими хроническими болезнями, Сартаков хотел переехать из Ирбы в районный центр Богучаны, где есть больница, так как поездки из Ирбы очень трудны и дороги — только самолетом. В ответ на его просьбу Шароглазов пригрозил загнать его в еще более дальнюю деревню. Письменный отказ он получил и от работника МВД Солдатова, ведающего всеми ссылными в Богучанском районе.

2 октября Сартаков был избит местным хулиганом, похвалившимся потом, что он сделал это по наущению чекиста. В этот день в Ирбу приезжал сотрудник КГБ из Богучан лейтенант Хмурович. Справку о нанесенных побоях в поликлинике Сартакову на руки не дали.

У Сартакова не принимают писем, адресованных за границу. На почте ему говорят, что они не знают, разрешается ли писать за границу, но обещают выяснить это.

12 октября И. Дядькин и А. Лавут написали Богучанскому районно-

му прокурору о незаконных притеснениях Сартакова: согласно ИТК, ссыльный сам может выбирать работу и место жительства в пределах назначенного ему для ссылки административного района.

* * *

В начале августа в Богучанский район прибыла в ссылку Мария Семеновна Руснак. До ареста она жила в Черновцах. Осуждена на 5 лет лагеря и 5 лет ссылки по 1-й части "религиозной" ст. 209 УК УССР (в соответствующей ст. 227 УК РСФСР "потолок" – 5 лет лагеря, в ст. 209 УК УССР – 5 лет лагеря и 5 лет ссылки).

Заключение она отбывала в лагере под Одессой (Одесса – 59, учр. ЮЧ-311/74).

* * *

Посылки и бандероли, посылаемые Нийоле Садунайте, отбывающей ссылку в Богучанах (Хр. 47), из-за границы, систематически задерживают на таможне и возвращают отправителям.

* * *

Г. Микунь (Коми АССР). 6 августа Вадим Коновалихин (Хр. 52) обратился к начальнику Усть-Вымского РОВД с просьбой разрешить ему на время очередного отпуска поехать к родителям (отец – инвалид 1 группы Великой Отечественной войны, мать – инвалид 2 группы) и жене. 9 августа зам. начальника отказал ему. 10 августа Коновалихин послал прокурору Коми АССР заявление:

...

Свой отказ заместитель начальника РОВД обосновал тем, что я нарушаю моральный кодекс строителя коммунизма!

Для меня, человека, репрессированного советскими властями во главе с коммунистами, такое основание для отказа в выезде звучит как издевательство.

Отказ ... я расцениваю как бесчеловечную акцию советских властей.

В знак протеста ... с 12-го по 22-е августа 1979 года объявляю голодовку!!!

Освобождения

В сентябре 1978 г. окончилась трехлетняя ссылка у Андрея Коробаня (1930 г.р.). Он живет в г. Василькове Киевской области. По специальности он – учитель английского языка. Работает грузчиком.

* * *

Летом 1979 г. окончилась пятилетняя ссылка у Марка Нашпица и у Бориса Цитленка. Они получили ее за пятиминутную демонстрацию (Хр. 36) на ступеньках Библиотеки им. Ленина с требованием разрешения на выезд (см. также "Право на выезд").

* * *

В октябре кончилась трехлетняя ссылка у Евгения Пашнина (Хр. 43; срок ссылки там указан неверно).

* * *

В сентябре кончилась пятилетняя ссылка у Николая Коца (Хр. 46). Он вернулся домой — в г. Нововольск Вольнской обл., но не может ни найти жилье, ни устроиться на работу (до ареста он работал учителем математики в школе). В поисках жилья Коц объездил три соседние области. Когда, наконец, одна женщина согласилась его прописать и он пошел с домовою книгой в милицию, там у него эту книгу отобрали, а женщину оштрафовали на 10 руб. (за то, что он якобы проживал у нее без прописки) и пригрозили ей возбуждением уголовного дела за "спекуляцию жилплощадью".

Коц не может добиться разрешения посетить могилу матери (кладбище находится в 2 км от границы с Польшей).

* * *

Осенью кончилась ссылка у Василия Стуса (Хр. 45, 51). Он вернулся в Киев. В начале октября Стус обратился в КГБ УССР с требованием возвратить ему его рукописи, изъятые КГБ в 1972-78 гг.; он также потребовал трудоустроить его с учетом его специальности и подорванного здоровья. Ему ответили: рукописи, изъятые на обыске в 1972 г., находятся в "деле"; остальные рукописи сожжены с согласия самого Стуса, о чем имеется акт, подписать который Стус отказался. Рукопись сборника стихов "Зимови дерева" была изъята из издательства "Радянський письменник" и тоже положена в "дело".

Не найдя работы по специальности, поэт Стус устроился на завод формовщиком.

* * *

Кончилась двухлетняя ссылка у Петра Винничука (Хр. 47).

В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ

В основном — по материалам "Информационного бюллетеня" Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях № 18 (12 августа 1979 г.), № 19 (15 октября 1979 г.) и № 20 (8 декабря 1979 г.).

В специальных психиатрических больницах

ТАШКЕНТСКАЯ СПБ

После перевода Николая Демьянова из Пермской областной психбольницы № 1 в Ташкентскую СПБ (Хр. 53) его мать Мария Егоровна Плахоткина (129346, Москва, Палехская улица 13, кв. 227) опубликовала "Заявление для печати":

...

Мой сын никогда не совершал никакого преступления, он только говорил правду о положении в своей стране ... Его лишили свободы почти мальчиком и вот уже долгие годы водят под конвоем, как опасного преступника, и принудительно лечат, объявив сумасшедшим.

...

Я не могу больше терпеть этого произвола. ... Я уже очень стара и больна, и его отправка в тюрьму означает, что я никогда уже больше не увижу его.

...

Здоровье моего сына сильно подорвано в тюрьмах и психушках.

...

Я обращаюсь сегодня ко всем матерям мира с просьбой помочь мне выволить сына из советского ГУЛага.

...

* * *

В Хр. 53 ошибочно сообщалось о переводе В.О. Липинской (Хр. 52) в психбольницу общего типа. В действительности она по-прежнему находится в Ташкентской СПБ.

* * *

В мае очередная комиссия отказалась представить Льва Убожко (Хр. 49) к выписке. Его интенсивно "лечат" инсулиновыми шоками. Убожко находится в тяжелом депрессивном состоянии.

ЧЕРНЯХОВСКАЯ СПБ

Здесь находится Леонид Иванович Мельников. Приблизительно в 1973 г. Мельников, работавший тогда экономистом на заводе в Феодосии, организовал "Комитет социального содействия". По его замыслу Комитет должен был на основе изучения трудов Маркса и Ленина оказывать гражданам помощь в разрешении "неясных вопросов". Уволенный по "сокращению штатов", он долго не мог устроиться на работу. Обращаясь по этому поводу в различные инстанции, Мельников попал в местную психиатрическую больницу. После освобождения он уехал в Краснодар. Там в 1976 г. Мельников был арестован, обвинен по ст. 190-1 УК РСФСР (ему инкриминировались записи передач иностранного радио), признан невменяемым и направлен судом на принудительное лечение в СПБ.

ДНЕПРОПЕТРОВСКАЯ СПБ

С 3 июня 1976 г. здесь находится Владимир Калюжный из Донецка. В 1975 г. (или в начале 1976 г.) он перешел советско-афганскую границу, добрался до Кабула, попытался там найти посольство какой-нибудь западной страны, но был арестован и сдан советским властям. Его судили за "незаконный переход границы", признали невменяемым и назначили принудительное лечение в СПБ. Калюжный получил интенсивный курс нейролептиков, под воздействием которых стал заторможен и апатичен.

* * *

Иосиф Тереля (Хр. 43, 45-48, 51), по словам его жены, изменился до неузнаваемости – растолстел, стал флегматичным и заторможенным, письма пишет редко. По-видимому, это результат воздействия психотропных препаратов (известно, что Тереле долгое время давали галоперидол). Из бесед с врачами жена поняла, что надежд на его скорое освобождение нет.

КАЗАНСКАЯ СПБ

Сюда после суда по ст. 186-1 УК БССР (= ст. 190-1 УК РСФСР) направлен кандидат филологических наук Вячеслав Кондратьевич Зайцев (1917 г.р.). Его жена И. Конопацкая не смогла получить из Верховного суда БССР копию определения по его делу. Арестовали Зайцева в ноябре 1978 г.

В больнице Зайцеву назначили инъекции, потом их отменили, и на свидании 30 августа он сказал жене, что чувствует себя хорошо. Однако потом его состояние ухудшилось. Он практически не может читать и писать. От него стали приходиться письма из нескольких неровных строчек.

В больницах общего типа

Александр Скобов (суд — Хр. 53) отбывает принудление в Ленинградской городской психиатрической больнице № 3 им. Скворцова-Степанова. Он находится в 8 отделении, которым заведует А.И. Тобак (Хр. 38, 43, 44, 52).

* * *

Александр Янкович (Хр.53) находится в Калужской областной психбольнице.

* * *

Анатолий Лупинос (Хр. 53) находится в Черкасской областной психбольнице (г. Смела).

* * *

С 20 августа по 20 сентября в психиатрической больнице г. Ново-ждановки (Донецкая обл.) находился Сергей Маляревский.

Маляревский (1954 г.р.) учился в Донецком университете. В марте 1979 г. подал документы на выезд, в июне получил отказ. Тогда же его направили на психиатрическое обследование в Донецк. В день госпитализации у него был произведен обыск, изъяты книги и письма.

* * *

11 сентября Гавриила Янькова (Хр.49,51,53) выписали из московской психбольницы № 13. Беседуя с Яньковым накануне выписки, врачи советовали ему уехать к сестре в Бурятию, однако Яньков отвечал, что будет отстаивать свое право жить в Москве.

Выйдя из больницы, Яньков стал также добиваться восстановления на работе — подал иск в суд. На 2 ноября он был повесткой вызван в Ждановский районный нарсуд. Явившись заранее, Яньков обратился к судье Г.А. Молибога с просьбой дать ему ознакомиться с материалами дела. Янькова отослали в помещение архива, а там его уже ждали два милиционера. Они отвезли Янькова в милицию, а оттуда — в психбольницу № 14.

В милиции дежурный сказал, что задержание сделано по распоряжению судьи. Судья Молибога сказал пришедшему на суд В. Кувакину (Хр. 48, 51 и "Суд над Никитиным" в наст. вып.), что иск Янькова слушаться не будет, т.к. истец не явился. В больнице Янькову сказали, что есть заявление о том, что он устроил в суде провокационное выступление. На запрос больницы судья ответил, что он Янькова в этот день не видел; кроме того, он попросил врачей помочь суду: убедить их пациента, что его иск — дело безнадежное.

* * *

16 августа Верховный суд УССР подтвердил решение областного суда — отказать медицинской комиссии в ходатайстве о снятии с Николая Плахотнюка принудительного лечения (Хр. 53).

Иван Тимофеевич Карейша (1938 г.р.) живет в дер. Высокое Толочинского р-на Витебской области. С 12 лет работает в колхозе: был пастухом, трактористом, в 1970 г. из-за тяжелой язвенной болезни перешел на работу полегче — начальником пожарной охраны колхоза. Исполняя эту должность, он вступил в конфликт с председателем колхоза: предупредил его о пожарной опасности одного из помещений, которое потом-таки сгорело; председателя оштрафовали. С тех пор начались его мытарства. С грубым нарушением всех правил председатель выгнал Карейшу с работы и добился его исключения из колхоза. Карейша начал борьбу. Писал жалобы во все более высокие инстанции и в газеты; возвращаясь вниз — в село, в район, они навлекали на него все более суровые притеснения. Милиция прямо говорила: перестань жаловаться — посадим.

В 1976 г. у него отобрали справку с запретом на тяжелую работу, после чего возбудили дело о "тунеядстве". Дело, правда, окончилось лишь административным наказанием.

Летом 1978 г. Карейшу, белобилетника, вызвали в военкомат и сказали, что отправят его на лечение язвы "гипнозом". Он заподозрил неладное, но два милиционера, надев на него наручники, отвезли его в психбольницу. Там комиссия осмотрела его только на 17-е сутки. Врачи тоже посоветовали больше не писать жалоб и отпустили.

В апреле 1979 г. Карейшу, приехавшего с очередными жалобами в Москву, задержала милиция. Здесь два психиатра побеседовали с ним сразу — уже в отделении. Его отпустили. Но дома, в деревне, его опять поджидала "своя" милиция. Временами он скрывался, не жил дома.

1 ноября Карейшу снова насильно госпитализировали. Вот как он сам описывает это в письме от 7 ноября:

Дорогая тетя, меня 1 ноября 1979 г., милиция приехала домой, я дрова колол, и говорит — собирайся, главврач района вызывает для проверки здоровья. Я ... отказался поехать. Они мне тут же завернули руки назад и толкнули в машину. Мне жаль было, как мать голосила и говорила, что немцы надо мной (т.е. над ней — Хр.) так издевались из-за мужа и четырех братьев, что она отправила их защищать советскую власть, а сейчас вот вы над сыном. ... в милицию меня привезли и бросили, как собаку в камеру. Там ни лечь, ни сесть ... Второго утром меня вызвали в капээз рано, в машину толкнули и повезли. Я, конечно, сразу не знал, куда везут, но потом, как проехали дом, понял, что в областную психиатрию или в дурдом. Привезли и бросили в отделение и сразу начали принудительное лечение уколами. Терял сознание. Но пока еще не сдаюсь совсем со здоровьем.

Дорогая тетушка, 7-го ноября 1979 г. в тяжелом состоянии решил вам написать письмо.

. . . Не знаю, выдержу ли я все это лечение и лекарства. Прав-

да, и еще есть такой человек, как и я боровшийся за законность ...
помогите мне вырваться из психиатрии, чтобы меня не закололи ...

Карейша находится в Витебской областной психбольнице.

Освобождения

17 июля Горьковский областной суд вынес определение о прекращении принудительного лечения Николая Васильевича Левенкова (Хр. 53). Из определения суда:

... Левенков находится в состоянии длительной и стойкой ремиссии на фоне эмоционально-волевого дефекта личности. Обнаруживает вполне упорядоченное поведение, твердую трудовую установку. За время пребывания в стационаре не было отмечено попыток написания каких-либо писем, кроме писем к родственникам и работ по медицине. С учетом этого и длительности пребывания в психиатрическом стационаре комиссия врачей считает, что социальная опасность Левенкова полностью миновала, в дальнейшем принудительном лечении не нуждается ...

В августе Левенков был освобожден под диспансерное наблюдение, ему установлена 2 группа инвалидности.

В Хр. 53 в информации о Левенкове были некоторые неточности. Левенков был арестован 28 апреля 1977 г. Причина: рукопись автобиографического содержания "Исповедь", отданная машинистке и попавшая затем в КГБ. Работа "Советская власть и медицина" была изъята у Левенкова во время обыска.

* * *

14 сентября из республиканского ПНД (г. Нальчик) освобожден Яков Агафонович Хуторской (Хр. 53).

* * *

20 июня из республиканской психбольницы (Уфа) освободили Салавата Галлямова (Хр. 53).

Галлямов (1959 г.р.) учился на вечернем отделении исторического факультета Башкирского университета. Осенью 1977 г. Галлямов крестился. Летом 1978 г. он ездил по монастырям, разговаривал с монахами и священниками.

4 апреля 1979 г. Галлямов был доставлен в КГБ. Там ему сказали, что он собирается бежать за границу и для этого ездит по районам. Кроме того, ему сказали, что он проводит религиозную пропаганду, распространяет клевету на советский строй. От Галлямова требовали написать объяснение — он отказался. Через 4 часа его отпустили.

17 апреля, когда Галлямов находился на занятиях, у него произвели обыск — изъяли 11 книг религиозного и философского содержания.

Копия протокола обыска оставлена не была. Галлямов послал председателю Башкирского КГБ Чирикову жалобу.

4 мая Чириков принял Галлямова. На приеме присутствовал зав. приемным отделением республиканской психбольницы Поваров (он представился "сотрудником Ивановым"). Чириков сказал Галлямову, что они не потерпят никакой "церковщины", убеждал его не читать религиозной литературы, поскольку такие книги "ничему не учат". В конце беседы Чириков сказал Поварову: "Вот какой товарищ — жалобы пишет, объяснительные не подписывает". Галлямову было предложено зайти через два дня. Однако в тот же день он был вызван с лекций к проректору Исмаилову — там его уже ждали санитары.

В больнице Галлямову поставили диагноз "психопатия смешанного круга". Первые три недели ему лекарств не давали. Курирующий врач З.М. Амирова превращала беседы с Галлямовым в допросы, однако он отказывался говорить в больнице на религиозные темы. 1 июня Галлямова стали лечить интенсивно. Аминазин вызвал у него рвоты — назначили инъекции сульфозина, от которых температура поднималась до 40°, появились боли в сердце.

Перед выпиской врач настоятельно рекомендовал Салавату не поддерживать отношений с прежними друзьями и никуда не ездить. Она предупредила его, что "психопатия может перейти в шизофрению". Галлямов поставлен на учет в ПНД.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Г. Васильковка (Днепропетровская обл.). 2 ноября Виталию Калиниченко (Хр. 46, 48, 49) в восьмой раз продлили надзор. Ему снова (Хр. 46) объявили предупреждение "по Указу". Ему показали более 30 писем-заявлений от людей, общавшихся с ним; письма кончались словами: "Прошу оградить ..." Калиниченко теперь избегает беседовать с людьми — опасается провокаций.

Калиниченко забрал назад свое заявление с отказом от гражданства и требованием разрешения на эмиграцию (Хр. 48).

Калиниченко, по специальности — экономист, не может устроиться на работу, в том числе — неквалифицированную. В связи с этим Калиниченко 7 октября держал голодовку. В заявлении в Днепропетровский обком КПСС он просит зарегистрировать его как безработного и оказать ему материальную помощь.

Г. Таруса (Калужская обл.). 13 сентября судья снова (Хр. 46, 52) оштрафовал Нину Строкатову за "нарушение правил надзора", а именно за то, что она не впустила милиционера, пришедшего проверять ее. После систематических инцидентов такого рода, происходивших с ней и с Любарским летом 1977 г., это — первый такой случай. Ее муж Святослав Караванский, освободившийся 15 сентября (см. "В тюрьмах и лагерях"), тоже поставлен под надзор. Они подали документы на выезд.

Г. Христиновка (Черкасская обл.). Галина Дидык освободилась весной 1971 г. (Хр. 19), просидев 21 год в лагерях (она руководила Красным Крестом при УПА, была разведчицей и связной). Ей сейчас 67 лет. Она — инвалид, но пенсии не получает. Первое время после освобождения она получала много посылок из-за границы; почти все она раздавала другим. Довольно давно посылки к ней больше не поступают. В последнее время власти добиваются от нее, чтобы она написала покаянное заявление, — она отказывается. Участились хулиганские нападения на нее. В середине октября в окно ее комнаты полетели большие камни, к одному из них была привязана записка с угрозой расправиться с "бандеровской сволочью".

Кривой Рог. 25 октября Александр Шатравка (Хр. 53) был вызван в КГБ. Поводом для вызова было исчезновение (так сказал сотрудник КГБ) одного из тех, кто вместе с Шатравкой и его братом участвовал в переходе границы в 1974 г.

Однако затем разговор зашел о поездке А. Шатравки в Киев и в Москву. Шатравка сказал, что в Москве его обследовал психиатр (эксперт Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях), но подробности сообщить отказался. В тот же день позднее Шатравка заметил, что к его дому подъезжает "скорая помощь" с милиционерами, и немедленно сбежал.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

Выселения из Крыма

Предписанные Постановлением СМ СССР № 700 от 15 августа 1978 г. "временные меры" (Хр. 51-53) продолжают действовать: милиция выселяет непрописанных крымских татар из купленных ими домов и силой "удаляет" их из Крыма. Более точные данные известны только о некоторых из этих акций.

В Белогорске 20 августа выселен Ибраим Асанов и 23 августа — Риза Османов.

25 августа в г. Старый Крым отряд в 200 человек выселил семью Иззета Мустафаева.

26 сентября в с. Золотое Поле (Кировский р-н) выселена семья Пашала (Хр. 51).

В тот же день в с. Красном Сакского р-на выселены две семьи. Одному из выселенных, Асану Коссе, не отдадут его машину. Асан Коссе участвовал в массовой поездке крымских татар в Москву в январе-феврале 1979 г. (Хр. 52), входил в группу делегатов — ветеранов войны.

20 октября в г. Старый Крым выселили семью Аметосмановых.

Известно также о выселении 6 или 7 семей в с. Батальном Ленинского р-на.

Дело Решата Джемилева

В Ташкенте продолжается следствие по делу Решата Джемилева, арестованного 4 апреля (Хр. 53) и обвиненного по ст. 190-1 УК РСФСР и эквивалентной ей статье 191-4 УК Узб. ССР. 6 апреля Р. Джемилев заявил прокурору г. Ташкента протест против незаконного ареста и против того, что его увели на глазах у умирающей матери, и потребовал отвода следователя Ф.Х. Мустаева. Он подал также заявление с просьбой выпустить его под подписку о невыезде до похорон матери. С самого начала следствия Р. Джемилев требовал прекращения дела, а в случае отказа -- приобщения к делу всех изъятых у него документов и вызова указанных в этих документах потерпевших. Такое ходатайство он подал и при объявлении ему об окончании следствия (10 июля). 11 июля следователь Мустаев вынес "Постановление об отказе в удовлетворении в ходатайстве обвиняемого":

...

Обвиняемый Джемилев Р. заявил ходатайство о приобщении в материалы уголовного дела документов под названием "События в Крыму", "Суд в г. Омске над Мустафой Джемилевым" и "Самосожжение Мусы Мамута в Крыму", считая, что эти материалы имеют отношение к делу по его обвинению.

В ходе предварительного следствия указанные материалы осмотрены. В этих документах излагаются события, не имеющие никакого отношения к предъявленному Джемилеву Р. обвинению, многие документы составлены без указания определенного источника, подтверждающего указанные в документе события. С учетом этого и в связи с тем, что эти документы не подлежат распространению, постановлением по делу принято решение об их уничтожении.

Далее обвиняемым Джемилевым заявлено ходатайство о проведении очных ставок между ним и свидетелями, указанными в изъятых по делу документах. В ходе предварительного следствия обвиняемый Джемилев Решат отказался от дачи показаний, мотивируя тем, что следствие по делу ведется необъективно и с нарушением закона, в связи с чем между показаниями свидетелей и обвиняемого Джемилева Р. нет противоречий, дающих основание по закону провести между ними очные ставки.

Тем же постановлением следователь отказал Джемилеву в свидании с женой для согласования вопроса о выборе адвоката, так как "свидание между ними может привести к утечке информации по уголовному делу". (О том, как Зере Джемилевой не дали вылететь в Москву для приглашения адвоката, сообщалось в Хр. 53.)

30 июля, без предоставления Джемилеву возможности ознакомиться с материалами предварительного следствия, обвинительное заключение

ние было утверждено прокурором и дело было отправлено в городской суд.

7-го августа началось слушание дела под председательством судьи А.И. Липатова. Родственники Р. Джемилева о дате суда официально извещены не были, но в здание суда они и еще несколько человек все же пришли. Жена Джемилева и его средний сын Нариман в зал не были допущены как свидетели, остальных просто не пускали, но трое из пришедших буквально прорвались в зал уже после начала заседания.

В суде выяснилось, что адвокат с делом не знакомился. Р. Джемилев в обстоятельной речи рассказал о постоянном нарушении правосудия в делах участников крымскотатарского движения и заявил отвод суду. Судья сказал, что, если подсудимый будет продолжать оскорблять советский суд, его удалят и дело будет слушаться в его отсутствие.

После перерыва судья объявил, что слушание дела откладывается, так как "на суд явились не все свидетели". Не назвав определенной даты, он сказал, что суду понадобится 2-3 дня "для принятия мер по обеспечению явки свидетелей". После заседания Липатов обещал родственникам известить их, когда возобновится процесс.

После 20-дневного перерыва, 27 августа, суд возобновил свою работу без присутствия в зале суда кого-либо из членов моей семьи и родственников и рассмотрел мою жалобу, вернувшуюся из Прокуратуры СССР, где я излагал о нарушениях норм Уголовно-процессуального кодекса в процессе проведения предварительного следствия следственными органами. Суд, объявив эту жалобу моим "ходатайством" перед судом, вынес "определение" о направлении дела через прокурора на доследование.

И вот, после этого, т.е. после 27 августа, ожидания мои какого-то движения моего "дела" перевалили на четвертую неделю. Четвертую неделю я нахожусь в неопределенном положении и не знаю, долго ли это будет продолжаться в таком порядке.

— пишет Р. Джемилев в ходатайстве на имя председателя Ташкентского городского суда С.С. Салимова, датированном 18 сентября.

В этом же ходатайстве он сообщает, что у него резко усилилась его хроническая болезнь, образовалась послеоперационная грыжа, он испытывает острые желудочные боли.

Я нуждаюсь в стационарном врачебном обследовании и лечении, но врач изолятора мне в этом отказывает и не направляет в больницу, мотивируя тем, что мое лечение зависит от тех, за кем я числюсь.

* * *

В сентябре Нариману Джемилеву и его другу Решату Аблаеву стали угрожать обвинением по той же статье 191.4 УК Узб. ССР. Им сказали, что они подозреваются в сборе подписей под протестом против осуждения Мустафы Джемилева и в распространении листовок к 35-й

годовщине выселения крымских татар (Хр. 53). По последнему эпизоду допрашивали большое число студентов Ташкентского пединститута, им показывали фотографии для опознания.

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ

Суд над Рагайшисом

Ромуальдас Рагайшис (1942 г.р.) был арестован 9 января 1979 г. (Хр. 52).

Следствие длилось полгода. Все это время Рагайшис находился под стражей. Несмотря на просьбы матери, его не отпустили на похороны отца, который умер через месяц после ареста Ромуальдаса. (Задним числом матери Рагайшиса сказали, что распоряжение, разрешающее ее сыну посетить похороны, "запоздало".)

9 июля суд под председательством Иванаускаса начал рассматривать дело Рагайшиса, обвинявшегося в спекуляции. Обвинителем на суде выступал прокурор Якуйчис, защитником — московский адвокат Викторович. Суд был открытым.

Рагайшис обвинялся в том, что он покупал линзы для очков, вставлял их в оправы и продавал очки по спекулятивным ценам, а также в том, что он перепродавал по спекулятивным ценам линзы и оправы (Рагайшис — мастер-оптик). Согласно обвинительному заключению, Рагайшис за 5 лет нажил таким путем 326 руб. 59 коп.

Допрос свидетелей не подтвердил обвинения. Свидетель Виткаускас отрицал, что Рагайшис купил у него 70 оправ. Свидетель Кальк отказался подтвердить показания, данные им на предварительном следствии, что Рагайшис купил у него большое количество линз.

Следователь Бенетис поставил перед экспертизой только один вопрос: подходят ли линзы, изъятые у Рагайшиса, по своим диоптриям под стандартные, установленные для линз, имеющих в продаже? На суде эксперт Шимкунене ответила на этот вопрос утвердительно. Однако на вопрос Рагайшиса "Из какого материала изготовлены эти линзы?" она ответила, что большая часть линз изготовлена из кинескопного стекла (таким образом, в продаже их быть не могло и обвинение в спекуляции рухнуло).

10 июля суд определил, что в деятельности Рагайшиса усматриваются элементы частнопредпринимательской деятельности, назначил новую экспертизу (по ходатайству прокурора) и возвратил дело на доследование.

* * *

Научный сотрудник Историко-этнографического музея Литовской ССР Римантас Матулис за присутствие на суде над Рагайшисом получил выговор "за нарушение дисциплины". Матулис подал жалобу — выговор отменили. Через некоторое время Матулис получил еще один выговор — "за

упущения в работе". Он снова подал жалобу — профсоюзный комитет постановил, что выговор несправедлив, однако директор музея А. Янквичене отказалась отменить его (ее муж — полковник КГБ; сама она роется в письменных столах сотрудников).

9 июля ст. архитектор Института консервации памятников Зита Ванайгайте присутствовала на суде над Рагайшисом. 10 июля она была срочно послана в загородную командировку.

Ст. научный сотрудник института "Термоизоляция" Бируте Бураскайте за то, что помогла жене Рагайшиса съездить в Москву найти адвоката, получила выговор "за нарушение дисциплины". Через некоторое время она получила замечание за то, что полчаса отсутствовала на рабочем месте. Восемь ее сослуживцев письменно подтвердили, что в указанное время она никуда не отлучалась.

* * *

12 сентября началось новое слушание дела Рагайшиса. Обвинение осталось прежним (хотя и с некоторыми изменениями: так, его обвиняли в скупке с целью перепродажи уже не 70, а 41 оправы).

Как и при первом слушании, свидетели не подтвердили обвинения. Заведующая магазином "Оптика" Каролене заявила, что Рагайшис приобрел у нее не 41 оправу, а только 2. Судья счел нужным прокомментировать эти показания так: "Он мог купить столько оправ в другом магазине". Кальк, подтвердивший при новом расследовании свои прежние показания о закупке Рагайшисом линз, на суде опять от них отказался. Клиенты Рагайшиса настаивали на том, что цены, по которым они покупали у него очки, нельзя считать спекулятивными. Сам Рагайшис, как и в июле, виновным себя не признал. Он объяснил, что иногда брал частные заказы — это обычная практика всех мастеров-оптиков, причем оправы он приобретал в магазине, стекла же делал сам.

Часть изъятых у Рагайшиса линз эксперты признали безусловно стандартными. Наличие некоторого количества стандартных линз Рагайшис объяснил тем, что при ликвидации мастерской, в которой он работал, часть линз осталась незаприходованной.

Прокурор потребовал для Рагайшиса три с половиной года лишения свободы.

Адвокат сказал, что вина Рагайшиса в занятиях спекуляцией ничем не доказана. Его подзащитный изредка брал частные заказы, на которых за четыре с половиной года заработал 81 рубль. Адвокат потребовал оправдать Рагайшиса.

14 сентября был вынесен приговор. Суд признал Рагайшиса виновным в спекуляции. Общая сумма нажитых им денег в приговоре не указана, однако суммирование отдельных эпизодов дает "наживу" в размере 80 рублей. Рагайшис приговорен к полутора годам лагерей.

Кассационное разбирательство утвердило приговор районного суда.

В 1961-65 гг. Рагайшис отсидел 4 года в Мордовских лагерях за националистическую деятельность. За отказ от показаний на суде над Пяткусом (Хр. 50) он был приговорен к исправительным работам (Хр. 52).

Дело Раманаускайте

20 июля в селе Гиры Белорусской ССР была задержана 23-летняя лаборантка Каунасского института усовершенствования специалистов народного хозяйства Ангеле Раманаускайте. 17 июля она приехала туда, чтобы, как она пояснила, собирать фольклор живущих в этих местах литовцев и материалы для академического словаря литовского языка (в речи живущих в Белоруссии литовцев много архаизмов, не сохранившихся в самой Литве).

В дом учителя Лукшаса, где остановилась Раманаускайте, явилась милиция в сопровождении прокурора района Абрамовича, депутатов и учителей. Ангеле в это время занималась с местными детьми, разучивала с ними литовские песенки, читала сказки, беседовала, в том числе и о религии.

Вошедшие потребовали предъявить документы (у Раманаускайте с собой их не оказалось), обыскали ее вещи, изъяли религиозную литературу, допросили детей. Затем Ангеле увезли в Островец (районный центр) — для выяснения личности.

В милиции г. Островца Раманаускайте продержали до 26 июля. 24 июля прокурор Абрамович возбудил против нее уголовное дело по обвинению в организации религиозного обучения детей (ч. 1 ст. 139 УК БССР = ч. 1 ст. 142 УК РСФСР). С Раманаускайте сняли допрос; особо интересовались, кто послал ее в Белоруссию, какие студенты ездили с нею по литовским деревням. Прокурор заявил, что литовский язык в этих местах вымирает, жителям он не нужен. "Пусть студенты собирают свой фольклор в Литве, — сказал он. — Под этим предлогом они везут сюда буржуазный национализм и религиозные предрассудки".

С 26 июля по 18 августа Раманаускайте находилась в спецприемнике города Лиды. 18 августа следователь Бобров, выяснив, наконец, личность Раманаускайте, выпустил ее на свободу, взяв подписку о явке на суд. Изъятые при задержании (в том числе собранные фольклорные материалы) он оставил себе; удостоверить факт задержания документально Бобров также отказался.

Дело Раманаускайте рассматривалось 18 сентября в суде г. Островца. Судья — Халко, прокурор — Абрамович. От услуг защитника Раманаускайте отказалась. Процесс велся на белорусском языке, для Ангеле был приглашен переводчик.

Обвиняемая отрицала, что у нее было намерение организовать в Гиры систематическое обучение детей католической религии. Она настаивала на том, что приехала в Белоруссию собирать фольклор.

Свидетели (хозяин дома Лукшас и ученики местной школы) под-

твердили, что 18, 19 и 20 июля Раманаускайте рассказывала о религии, читала молитвы. Были предъявлены "вещественные доказательства": изъятые у Ангеле катехизис и книга под названием "Отче наш".

Прокурор предложил, учитывая положительные характеристики с работы Раманаускайте и то, что это – ее первая судимость, ограничить приговор штрафом в 50 руб.

Суд удовлетворил просьбу прокурора.

История болезни Кяльмелене

28 июня в г. Варене должно было рассматриваться дело об автомобильной аварии, виновником которой якобы был член Католического комитета защиты прав верующих священник С. Тамкявичюс.

Верующие заполнили зал суда; много верующих собралось возле здания суда. Однако было объявлено, что суд переносится. (Позднее, осенью, суд признал виновным в аварии второго ее участника.)

Милиция стала разгонять собравшихся. При этом была задержана и избита приехавшая на суд из г. Вилкавишкиса Дана Кяльмелене.

После избиения она была допрошена о цели приезда и помещена на 15 суток в КПЗ. Однако через двое суток ее выпустили – ввиду тяжелого состояния. Вернувшись в Вилкавишкис, Кяльмелене обратилась в городскую больницу. Врач Елисеев диагностировал тяжелое сотрясение мозга, признал, что Кяльмелене необходимо госпитализировать, однако сделать это отказался. Елисеев объяснил, что не может записать в историю болезни причину заболевания – избиение сотрудниками милиции и госбезопасности.

Кяльмелене все же удалось устроиться в больницу в г. Казлу-Руда, откуда ее перевели в Валькининкайский санаторий. 25 июля туда приехал работник прокуратуры г. Варены, чтобы допросить Кяльмелене. Врачи не разрешили проводить допрос, т.к. больная была в тяжелом состоянии. Германишкус, врач из Вильнюса, приехавший в санаторий по просьбе прокурора, подтвердил диагноз Елисеева. На следующий день в санаторий прибыла новая комиссия, тоже из Вильнюса. Эта комиссия признала Кяльмелене здоровой, после чего ее немедленно выписали.

После заявления ксендзов

Как уже сообщалось (Хр. 53), 554 католических священника в Литве подписали заявление, в котором декларировали отказ от соблюдения "Положения о религиозных объединениях", противоречащего нормам церковной жизни и канонам Римской Католической Церкви. В частности, ксендзы заявили, что они будут самостоятельно руководить своими приходами (согласно законодательству, религиозной общиной управляют церковный комитет, формально – выборный, и его председатель). Они также подчеркнули, что не намерены считаться с запретом на религиозное воспитание детей и подростков.

* * *

После смерти председателя церковного комитета костела г. Даугайляй Й. Тарулиса на собрании членов комитета 6 мая председателем был единогласно выбран настоятель этого костела ксендз Пятрас Балтушка. Местные власти заявили, что "служитель культа" не может быть председателем комитета. 30 мая Балтушка был вызван в районный центр (г. Утену) к зам. предрайисполкома Й. Лабанаускасу, в кабинете которого находились сам предрайисполкома Талмантас и районный прокурор Ф. Лявулис. Балтушке предложили подписать предупреждение о привлечении его к уголовной ответственности за созыв собрания церковного комитета без разрешения властей и за выборы священника на административный пост. Священник отказался подписать предупреждение, сославшись на закон об отделении церкви от государства.

После этого исполком несколько раз пытался созвать собрание верующих, но эти попытки провалились — на собрание никто не являлся.

* * *

В этом же районе председатель церковного комитета Кирдейкяйского прихода Киндулис сам отказался от своих обязанностей. 9 мая собрание членов комитета приняло отставку Киндулиса и выбрало новым председателем приходского настоятеля священника Пятраса Кражаускаса. 13 мая все тот же Лабанаускас созвал собрание верующих, где предложил выбрать новый церковный комитет. Несмотря на то, что большинство прихожан после этого покинуло зал, под руководством Лабанаускаса новый комитет был избран. 267 прихожан из Кирдейкяй обратились по этому поводу с жалобой в Католический комитет защиты прав верующих.

* * *

15 июня в костел г. Йосвайняй явились председатель райисполкома С. Серейкис, директор Йосвайняйской средней школы В. Ракицкас и председатель колхоза "Яунасте" А. Лауринавичюс. Они переписали находящихся в костеле детей и составили акт о нарушении священником Л. Калинаускасом правил отправления религиозного культа. Калинаускас отказался подписать этот акт.

25 июня председатель исполкома Кедайняйского района А. Юшкевичюс вызвал к себе Калинаускаса и обвинил его в нарушении законодательства о культах. Калинаускас ответил, что закон этот противоречит Божьим и человеческим заповедям, поэтому выполнять его он отказывается. Ему пригрозили штрафом и даже административным арестом.

17 июля Калинаускас был вызван по повестке к зам. прокурора Кедайняйской прокуратуры Р. Горгасу.

"На этот раз, — пишет свящ. Л. Калинаускас в своем заявлении епископу Л. Повилонису, — советская прокуратура защитила меня

от незаконных и несправедливых свирепствований безбожной власти. Дело прикрыли ...” “Не те времена, — сказал прокурор, — он (Юшкевичус) превышает свои полномочия ...”.

Предупреждения Тамкявичюсу и Сваринскасу

29 августа член Католического комитета защиты прав верующих священник Тамкявичюс был вызван в Прокуратуру Литовской ССР. Там старший помощник прокурора Лит. ССР Ю. Бакученис (Хр. 50, 51) предъявил ему официальное предупреждение о нарушении Тамкявичюсом ст. 68 УК Лит. ССР (“Антисоветская агитация и пропаганда”). Тамкявичюсу вменялись в вину его проповеди, в которых, говорилось в предупреждении, содержались заведомо ложные измышления, порочащие советскую действительность. Кроме того, Тамкявичюс обвинялся в том, что он — один из создателей и участников “нелегального” (потому что он не зарегистрирован — пояснил Бакученис) Католического комитета. Третье преступление — подстрекательство верующих к нарушению советских законов (имеется в виду поведение их на слушании дела об аварии — см. выше). Тамкявичюс полностью отверг предъявленные обвинения и отказался подписать протокол предупреждения.

3 сентября зам. прокурора Лит. ССР А. Новиков предъявил аналогичное предупреждение другому члену комитета — свящ. Сваринскасу. Сваринскас также отказался подписать предупреждение.

5 сентября газета “Тiesa” (“Правда”) опубликовала короткое сообщение Литовского телеграфного агентства ЭЛЪТА о вынесении Сваринскасу и Тамкявичюсу предупреждения. В сообщении коротко повторены основные обвинения против этих священников. 6 сентября сообщение перепечатала “Вальстечю лайкрашгис” (“Крестьянская газета”), 8-го — Расейняйская районная газета “Науяс ритас” (“Новое утро”).

6 сентября Тамкявичюс направил прокурору Литовской ССР “Открытое письмо”, в котором категорически отказался признать инкриминируемые ему действия преступлением и в резкой форме обвинил “атеистов” в систематическом ущемлении прав Церкви и верующих-католиков. 1 октября Сваринскас также написал и отправил аналогичное письмо.

Прихожане Сваринскаса и Тамкявичюса заступились за своих ксендзов. Под письмами в их защиту стоят подписи католиков Кибартайского, Симнасского и Пренайского приходов (всего 2150 подписей).

Аресты, обыски, допросы

5 августа в г. Шилале была задержана Стасе Балтрушите, собиравшая во дворе тамошнего костела подписи под обращением к советскому правительству. Обращение содержит просьбу вернуть верующим католический храм Божьей Матери в Клайпеде, отнятый более 15 лет назад.

Балтрушите была допрошена начальником местного КГБ Алишаускасом. Ей угрожали, пытались завербовать; три экземпляра петиции (с подписями) были конфискованы. Через девять часов Балтрушите отпустили.

Балтрушите обратилась с протестом к прокурору Лит. ССР; копия направлена Католическому комитету защиты прав верующих.

* * *

6 августа у Виргинии Восюлите, сотрудницы Вильнюсского института "Термоизоляция", был проведен обыск. Изъяты пишущая машинка, несколько книг религиозного содержания, документы, статьи и стихи, принадлежащие перу покойного Миндаугаса Тамониса (Хр. 38, 39).

После обыска Восюлите была задержана; трое суток ее продержали в следственном изоляторе КГБ, допрашивали. Допросы вел старший следователь КГБ по особо важным делам майор Й. Маркявичюс. Восюлите показала, что машинка принадлежит ей; она отказалась сообщить, от кого получила книги и бумаги. Допросы проводились подчеркнуто вежливо и корректно.

9 августа был сделан обыск на рабочем месте Восюлите.

В середине августа в Вильнюс был вызван из Каунаса 75-летний отец Виргинии Йонас Восюлис. Его расспрашивали о дочери.

В сентябре сотрудники КГБ сделали обыск на работе у Альгиса Патацкаса, научного сотрудника Института химии. Патацкас был другом М. Тамониса. После обыска его и старшего научного сотрудника института "Термоизоляция" Юозаса Прапестиса подвергли допросу.

Во всех вышеуказанных случаях сотрудники КГБ ссылались на "дело № 58". Насколько можно понять, это дело связано с распространением литовского самиздата.

* * *

8 августа — также по делу № 58 — КГБ произвел два обыска в Каунасе. Майор Раудис, капитан Станкявичюс и ст. лейтенант Райнис обыскали квартиру Люции Кульветите, лаборантки на комбинате резиновых изделий "Инкарнас". Среди прочего изъяты журнал "Аушряле" (Хр. 49), собственные воспоминания Кульветите, большое количество машинописных статей со следами редакторской правки на них.

Второй обыск был произведен у Виталии Жвикайте, инженера-технолога на том же предприятии. Обыск проводил ст. лейтенант Матулявичюс. Изъяты пишущая машинка, ряд книг по литовской истории и культуре, журналы "Хроника ЛКЦ" № 30, "Рупинтоелис" № 6, "Перспективос", "Аушряле", воспоминания бывших ссыльных литовцев.

После обыска обеих женщин трижды вызывали в Вильнюс, где их допрашивал Маркявичюс. Он угрожал Кульветите и Жвикайте арестом. Допросам подверглись также и другие работники комбината "Инкарнас".

* * *

3 октября по делу № 58 в Вильнюсе подверглись обыску Юлис Саснаускас (Хр. 47, 52), член Литовской группы "Хельсинки" Альгирдас Статкявичюс, Владас Шакалис и Антанас Терляцкас (Хр. 47-50, 52). Через день был проведен обыск у соседа А. Статкявичюса (фамилия "Хронике" не известна).

У Ю. Саснаускаса изъяты две пишущие машинки, материалы по истории второй мировой войны (документы и статьи, связанные с советско-германским договором 1939 г.), материалы суда над Рагайшисом, многочисленные документы литовского и общесоюзного правозащитных движений. В частности — текст коллективного письма, посвященного сорокалетию советско-германского договора (см. "Письма и заявления"), экземпляр "Хроники текущих событий", документы Литовской группы "Хельсинки". Кроме того, конфискованы два выпуска журнала "Витис" (Хр. 53); один выпуск — старый, а другой — только что подготовленный к публикации.

У Терляцкаса изъяли черновики статей и пишущую машинку.

В подвале дома, где живет Статкявичюс, была обнаружена печать Лиги свободы Литвы (Хр. 51).

Обыски проводились по указанию председателя республиканского КГБ Петкявичюса.

* * *

11 октября был проведен обыск в г. Юрбаркас у А. Пашкаускаса (Хр. 52).

Арест Терляцкаса

Аресту Терляцкаса посвящено следующее заявление Литовской группы "Хельсинки" (документ № 18 от 2 ноября 1979 г.):

30 октября 1979 г. в 12.30 в Вильнюсе был арестован Антанас Терляцкас, широко известный литовский борец за национальные права и права человека.

Двое КГБистов увезли А. Терляцкаса из склада киностудии, где он работал грузчиком. На следующий день подполковник КГБ Калакаускас сообщил жене А. Терляцкаса, что ее муж арестован, не указав обвинения, выдвинутого против него, советуя по всем вопросам обращаться к подполковнику Маркявичюсу. Последний тоже отказался объяснить причину ареста.

По нашему убеждению, арест Антанаса Терляцкаса тесно связан с недавно отмеченной сороковой годовщиной пакта Молотова-Риббентропа. Этот международный заговор против человечности, против свободы и независимости народов публично осудили люди доброй воли как в Советском Союзе, так и во всем

мире. Антанас Терляцкас был среди тех сорока пяти прибалтийцев, которые посмели обратиться к правительствам ряда стран с просьбой устранить последствия пакта Молотова-Риббентропа — предоставить прибалтийским странам право на самоопределение. Арест Антанаса Терляцкаса и недавно прокатившиеся по Литве обыски и допросы являются пока единственным ответом на упомянутый меморандум прибалтийцев.

...

Антанас Терляцкас — честный и порядочный человек. Он не стеснялся смело и публично заявить свое мнение, не скрывал своих убеждений. Единственное его оружие было слово, а бороться этим средством ему позволял и Заключительный акт Хельсинкского совещания.

...

Члены Литовской Хельсинкской группы:

Она Лукаускайте-Пошкене, Эйтан Финкельштейн, свящ. Бронюс Лауринавичюс, Мечисловас Юрвичюс, Альгирдас Статкявичюс

В заявлении Московской группы "Хельсинки" "Резкое усиление преследований правозащитного движения в СССР" (см. "Первое ноября") говорится:

Антанас Терляцкас — активный участник литовского культурного и правозащитного движения, глубоко верующий католик. Известен ряд его статей на исторические, национальные и правозащитные темы, опубликованных в самиздате, а также открытых выступлений в защиту преследуемых по идеологическим мотивам как в Литве, так и за ее пределами. Последнее заявление, подписанное Терляцкасом (в числе других граждан Прибалтийских республик), — о пакте Молотова-Риббентропа 1939 г., позволившем СССР оккупировать Прибалтику.

Сотрудники КГБ неоднократно заявляли на допросах ряду лиц и самому Терляцкасу, что они уверены в его участии в нескольких самиздатских журналах, например, в выходящем сейчас журнале "Перспективос" (вышло 15 номеров) общественно-культурного направления.

Власти преследуют Терляцкаса с 1945 г. Впервые он был арестован в 16 лет — по подозрению в участии в партизанском движении. Его избили, инсценировали расстрел, после чего отпустили.

В 1957 г. по обвинению в участии в так называемом "Литовском национальном фронте" (со своими "подельниками" Терляцкас даже не был знаком) он был осужден на 4 года лагерей.

В третий раз Терляцкас был арестован в 1973 г. по сфабрико-

ванному КГБ обвинению в хищении и осужден на 1 год лишения свободы.

У Терляцкаса было проведено несколько обысков (последний — в начале октября этого года), он подвергался превентивным задержаниям, власти постоянно принимали меры к тому, чтобы изолировать его, особенно от молодежи (Терляцкас вместе со своим другом В. Пяткусом вел большую культурно-просветительскую работу по истории Литвы и ее культуры).

Антанас Терляцкас — сторонник развития национального движения исключительно мирными средствами, в тесной связи с общими задачами защиты прав человека.

* * *

В 1954 г. Терляцкас (1928 г.р.) окончил экономический факультет Вильнюсского университета, в 1955 г. поступил в аспирантуру, но не успел ее окончить.

После освобождения в 1961 г. Терляцкас работал экономистом. Одновременно он учился на вечернем отделении исторического факультета Вильнюсского университета. Его дипломная работа "Литва под властью России в 1795-1915 гг." не была допущена к защите и даже оказалась в КГБ.

После третьего заключения Терляцкасу не удалось получить работу по специальности.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ

Православные

12 сентября члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР Г. Якунин, В. Капитанчук, В. Фонченков, а также Л. Регельсон опубликовали обращение "К русским православным христианам, в отечестве и рассеянии сущим".

Авторы обращения приветствуют решение Зарубежной Синодальной церкви о предстоящей канонизации русских мучеников и исповедников, пострадавших во время гонений XX века.

Мы испытываем чувство глубокой благодарности к Синодальной церкви за ее инициативу и в то же время надеемся, что будет преодолен соблазн юрисдикционного изоляционизма и Синодальная церковь не останется в одиночестве в великом и святом деле — подготовке канонизации новых русских святых. Мы надеемся, что так или иначе православные и других юрисдикций примут в нем участие ... Мы свидетельствуем, что молитвенное почитание мучеников и исповедников все шире распространяется в Русской

Земле, и выражаем глубокую уверенность, что акт канонизации ... будет с подлинно религиозным энтузиазмом воспринят русским духовенством и церковным народом.

Вместе с тем авторы обращения отмечают, что вопрос канонизации может быть решен только новым творческим актом Церкви, поскольку гонения верующих в России в XX веке существенно отличались от гонений в первые века христианства — на этот раз гонению подвергалось не само христианство, а Церковь.

Церковь воспринималась гонителями как социальная организация, неразрывно сопряженная с тем "старым миром", который предлагалось разрушить. Служение Церкви, защита церковных интересов, наконец, просто активная церковная жизнь воспринимались как политическое сопротивление, требовавшее, по мнению властей, применения репрессий.

...

Эта война с Церковью в России была выиграна антицерковными силами. Они получили послушную иерархию. Но внешняя победа не может сломить оставшуюся внутреннюю, духовную основу церковной жизни, выразившуюся в подвиге мучеников и исповедников, а не в примерах предательских компромиссов.

Затем авторы обращения переходят к проблеме канонизации императора Николая II и его семьи. Отмечая, что вопрос этот спорный, они высказываются в пользу такого акта.

Трагедия царской семьи как бы закланием легла на Русскую Землю, став символом — прологом длинного крестного пути России, гибели десятков миллионов ее сынов и дочерей. Канонизация царственных мучеников явится для России снятием с нее греха цареубийства, окончательно освободит ее от злых чар.

* * *

Участница Христианского семинара (Хр. 41, 43, 46) Т. Щипкова (Хр. 49, 51) находится под угрозой ареста. 2 марта против нее возбуждено уголовное дело по обвинению в хулиганстве. В марте-апреле членов Христианского семинара допрашивали в качестве свидетелей по ее делу. Она обвиняется в том, что ударила дружинника (Хр. 52). С Щипковой взята подписка о невыезде из Смоленска.

* * *

Церковь в деревне Зносычи Сарненского р-на Ровенской обл., построенная в 1910 г., обслуживала верующих нескольких деревень. Несмотря на то, что в храме в последние годы не было священника, прихожане регулярно собирались на молитву, сами ремонтировали церковь

и украшали ее. Несколько лет назад неизвестные лица ночью учинили в храме разгром — расхитили и разбили украшения, ободрали внутренние стены. Погромщики не были обнаружены и наказаны властями.

В 1977 г. власти попытались снести церковь. Ночью церковное здание начали разрушать мощным трактором. На шум сбежались верующие и прогнали тракториста. После этого прихожане установили возле церкви круглосуточное дежурство.

Весной 1978 г. попытка снести церковь повторилась. Ночью приехала пожарная машина, здание облили горючей смесью и хотели поджечь. Прихожане окружили церковь со словами: "Жгите нас вместе с храмом". Собравшихся расталкивали, уводили — на их место прибегали другие.

Осенью того же года районные власти собрали правление колхоза и вынесли решение превратить церковь в колхозный склад "ввиду нехватки кладовых помещений". В церковь загрузили зерно. В ответ на это колхозники не вышли на работу, дети не пошли в школу. Зерно было вывезено из церкви, и она вновь оказалась в распоряжении верующих.

25 апреля 1979 г. во время Пасхи всех жителей Зносычей послали на работы в другую деревню. Детей заперли в школе. К зданию церкви пригнали пять автобусов с милицией и два КРАЗы. Грузовики, зацепив церковь тросами, раскачали здание. Прихожане, услышав рев машин, вернулись в Зносычи, собрались возле церкви и потребовали прекратить разрушение. Милиция разогнала их. Наутро разрушенную церковь сожгли. Операцией командовал прокурор Сарненского р-на.

Вскоре в Зносычах на месте разрушенного храма стали собираться на молитвы верующие со всей округи. Слух о сожженной церкви дошел и до дальних деревень. Порой почти в каждом доме Зносычей ночевало 10-20 паломников.

По приказу районного прокурора местные власти постоянно разгоняли молящихся. Въезд в Зносычи был запрещен. На дорогах выставили патрули, не пропускавшие в деревню машины и пешеходов, — народ стал идти в Зносычи лесами.

Паломники украшали сосны вокруг снесенной церкви полотенцами и цветными лентами. По приказу властей долголетние сосны были срублены. Люди начали украшать оставшиеся пни — бульдозеры выкорчевали пни и засыпали их землей. Однако верующие продолжают собираться в Зносычах и молиться на месте, где была церковь.

* * *

В селе Балашовка Березновского р-на Ровенской обл. церковь была закрыта в начале 60-х годов. Закрытие церкви власти мотивировали тем, что в ней мало молящихся и перестал служить священник. Иконы и церковная утварь сохранились.

Спустя десять лет члены старой церковной "двадчатки" обратились к властям с просьбой открыть храм, но безрезультатно. После принятия

новой Конституции верующие возобновили ходатайство. Несмотря на то, что церковь в Балашовке обслуживала четыре села (только в одном из них — более 100 верующих), а райцентр далеко и автобусы туда ходят нерегулярно, в райисполкоме балашовцам посоветовали молиться в Березно. Верующие предприняли еще ряд попыток построить храм. Наконец их отправили в сельсовет, сказав, что туда посланы какие-то бумаги по их делу.

Секретарь сельсовета Хундучко выгнал их из кабинета, назвав при этом бандеровцами и хулиганами, и пообещал посадить в тюрьму. Среди ходатаев была Екатерина Зубчик, депутат сельсовета. Ей Хундучко сказал: "Знали бы, что заявление писать будешь, не выбрали бы тебя в депутаты". Одного из заявителей, Николая Ситникова (он — инвалид), оштрафовали на 50 рублей за нарушение общественного порядка. Ситников жаловался в райисполком и прокуратуру, но ничего не добился.

Верующие послали жалобы Брежневу, Косыгину, в Совет по делам религий. В ответ они получили извещения, что письма пересланы в область, а оттуда в райисполком. Председатель райисполкома Михайлюков заявил, что разговаривать с ними не желает.

Осенью 1978 г. в село приехал представитель Совета по делам религий. Он заверил балашовцев, что "все уже согласовано", и велел составить еще один список "двадцатки" для райкома партии. После отъезда представителя Хундучко объявил, что церковь открыть нельзя, т.к. она в аварийном состоянии. Он обещал вызвать комиссию для оценки объема ремонтных работ.

Тем временем Марию Прокопчук, Ганну Прокопчук и Адама Иванова оштрафовали на 10 рублей каждого за то, что они делали в церкви уборку. Верующие написали жалобу председателю Совета по делам религий Куроедову.

Спустя некоторое время председатель сельсовета Чеберака предложил односельчанам подписать бумагу о том, что они не будут выпускать свиней с участка. Позднее обнаружилось, что собранные по этому поводу подписи стоят под заявлением о том, что церковь в селе Балашовка никому не нужна. Новое заявление "двадцатки" с просьбой открыть храм теперь в райисполком не принимают.

* * *

В г. Речица Гомельской области православная община собиралась в старом тесном здании. В праздничные и воскресные дни молящиеся в нем не помещались. Церковный совет получил у местных властей разрешение на ремонт.

Верующие собрали средства и в июле 1979 г. начали ремонтные работы. За короткий срок церковь была отремонтирована.

1 сентября здание церкви было опечатано пожарным надзором "в связи с грубым нарушением пожарной безопасности". Верующие обратились к местным властям за разъяснением, но ничего не добились. В Минске уполномоченным Совета по делам религий по Белоруссии вопрос их также не был решен.

В то же время местные власти запугивают членов церковного совета. У здания церкви дежурит милиция. Власти намерены устроить здесь склад. Верующие собираются и молятся у ворот закрытой церкви.

* * *

Филолог Вячеслав Улитин работал инструктором по фольклору в доме народного творчества во Владимире. 13 октября он не явился на субботник. Кто-то из сотрудников видел его в этот день идущим на службу в Успенский собор. Улитин был вызван на беседу к директору и получил предложение уволиться, т.к. его религиозное мировоззрение не соответствует принципам пропагандистского учреждения.

А Д В Е Н Т И С Т Ы

С 30 мая по 28 июня на Украине арестованы 7 членов ВЦАСД: М.Ф. Кравчук и М.Е. Подкалюк (задержаны в пос. Калиновка Винницкой области при распространении открытого письма ВЦАСД № 6 – "За что судят верующих в СССР – за уголовные преступления или за веру?"); Л.Г. Меленко и А.А. Гуля (задержаны при распространении письма № 6 в г. Киверцы Вольнской обл.); В.П. Рудницкий (задержан при распространении письма № 6 в г. Казатин Винницкой обл.); Д.Д. Димов (задержан при распространении документа ВЦАСД "Краткое опровержение очередной газетной клеветы" в Херсоне); Н.А. Овчаренко (задержана при распространении "Краткого опровержения" в г. Георгиевка Ворошиловградской обл.).

По месту жительства арестованных проведены обыски. В тот же период на Украине и в Ставропольском крае подверглись обыскам еще более 30 адвентистов. Изымались Библии, Евангелия, религиозная и правовая литература издательства "Верный свидетель", тетради с религиозными записями, записные книжки, поздравительные открытки, письма, почтовые конверты с адресами, любые клочки бумаги, на которых хоть что-то записано, фотографии родных и знакомых, использованные транспортные билеты, писчая бумага и копирка, магнитофонные кассеты, сберкнижки, денежные сбережения.

Не всем обысканным оставлены протоколы обысков. На требование С.А. Горченко (с. Шиловцы Хотинского р-на Черновицкой обл.) оставить протокол руководивший обыском Петрюга ответил: "Он вам не нужен". Не получили протоколов обыска также Н.Г. Рудая (с. Шиловцы), А.А. Флорескул (с. Нов. Жадова Сторожинского р-на Черновицкой обл.), А.П. Савчук (с. Нижн. Становцы Кицманского р-на Черновицкой обл.), С.Г. Федоренко (г. Раздельная Одесской обл.) и Ф.Г. Яшенко.

Проводивший обыск в доме Н.Г. Рудой И.И. Мальшко оскорблял дочь хозяйки. У нее силой отняли листок с фамилиями обыскивающих.

Инвалиду труда 1-ой группы Л.Г. Копчук (с. Банилов-Подгорный Сторожинецкого р-на Черновицкой обл.) на требование позвать понятых из соседей ответили: "У нас свои понятые", на требование возратить Библию: "Эта Библия американского издательства". Руководивший обыском Райлян пригрозил: "Сошьем вас за то, что читаете Библию американского издательства". Когда Копчук хотела записать в протокол мотивированный отказ от подписи, Райлян завил: "Не пачкайте мне протокол". Хозяевам дома, обещавшим жаловаться на учиненный произвол, он угрожал: "Посадим, если будете писать".

На обыске у С. Димовой (жены арестованного Д.Д. Димова – см. выше) хозяйке грозили арестом и осуждением, а ее шестимесячного ребенка грозили отобрать.

После ареста Н.А. Овчаренко (см. выше) была арестована М.М. Зинец (Овчаренко – ее приемная дочь). Обeim было предъявлено обвинение по ст. 187-1 УК УССР (=ст. 190-1 УК РСФСР). Им инкриминировалось распространение "путем оставления в почтовом ящике" литературы, отпечатанной издательством "Верный свидетель", а также изготовление списка адресов для распространения этой литературы. Овчаренко и Зинец осуждены на 3 года лишения свободы.

* * *

В июне в Ставропольском крае состоялся суд над Рихардом Спалинем, Анатолием Рыскалем и Яковом Долготером (Хр. 51). Спалинь и Рыскаль – печатники издательства "Верный свидетель". Они обвинялись по ст. 190-1 и по ч. 2 ст. 162 УК РСФСР ("Занятие запрещенным промыслом"). В чем обвинялся Долготер – неизвестно. Спалинь и Рыскаль приговорены к 4 годам лишения свободы, Долготер осужден на 1 год.

Пятидесятники

6 марта к москвичу Анатолию Власову в третий раз явился работник КГБ Юрий Полюх с обещанием "на следующей неделе" вернуть магнитофон, кассеты и три Библии, изъятые во время обыска (Хр. 51). Обещание осталось невыполненным. Во время визита Полюх снова пытался спротоцировать Власова на разговор о связях с диссидентами и требовал выдачи множительного аппарата, о котором говорили в своих показаниях арестованные пятидесятники из Швеции (Хр. 47, 49).

* * *

Григорий Удовенко (г. Шостка Сумской обл.) помещен в психиатрическую больницу. Его родители, узнав, что он уверовал, сначала стали избивать сына, а потом содействовали его госпитализации.

* * *

Представители ряда общин Западной Украины обратились в международные благотворительные организации с открытым письмом, в кото-

ром описывают положение многодетных семейств пятидесятников в СССР. Они сообщают, что дети пятидесятников лишены возможности спокойно учиться в школах, подвергаются всевозможным видам давления, чтобы оторвать их от религии родителей. "В рамках социализма и коммунизма, — пишут они, — религиозной свободе нет места". Особо отмечается в письме трудное материальное положение многодетных семей, которые имеют мизерные заработки и незначительные пособия. Авторы письма просят международные организации помочь материально. К письму прилагается список многодетных семей, особо нуждающихся в материальной помощи.

Иеговисты

За отказ принять воинскую присягу осуждены на три года лагерей общего режима четверо иеговистов из Западной Украины: Алексей Полищук (начало срока 11 января 1979 г.), Дмитрий Прокоп (29 мая 1978 г.), Михаил Марич (22 сентября 1978 г.), Петр Бондарь (7 августа 1978 г.).

Полищук и Прокоп отбывают срок по адресу: Сумская обл., Роменский р-н, с. Перекрестовка, учр. УС-319/56.

Баптисты

В основном — по материалам "Бюллетеня Совета родственников узников ЕХБ" №№ 67-70.

* * *

16 июня группа баптистов обратилась с жалобой в Верховный Суд СССР. Они указывают, что кассационная инстанция — Верховный суд Каз. ССР — утвердила приговор Джамбулского областного суда по делу служителя Совета Церквей ЕХБ Я.Г. Скорнякова (суд — Хр. 53), несмотря на то что суд первой инстанции проходил с грубым нарушением ряда основных положений УПК. Это заявление было переправлено в Верховный суд Каз. ССР. Председатель Мынбаев ответил:

... Ваша ссылка о нарушении процессуальных норм является необоснованной, т.к. судебный процесс по делу был проведен в соответствии с требованиями закона...

* * *

Евангельские христиане-баптисты устраивают летние лагеря для детей узников и скрывающихся от преследований служителей Церкви. Дети живут в палатках, их обслуживают несколько взрослых — готовят еду, устраивают для них игры и развлечения, изучают Библию, разучивают псалмы, знакомят их с христианской моралью.

Летом 1979 г. власти устроили облавы на два таких лагеря — в Белоруссии и на Западной Украине.

* * *

В Белоруссии лагерь стоял на берегу Припяти в Хойникском районе Гомельской области.

18 июля, во время послеобеденных занятий, лагерь был окружен милицией, военными и "штатскими". Часть из них бросилась на детей, другая — на палатки. Отнимали Библии и Евангелия, сопротивлявшихся били и выкручивали им руки. Несколько девочек пытались убежать. Их загнали на заболоченный берег и там схватили. Нападавшие перерыли постели, вытряхнули все вещи из чемоданов и сумок детей. Женщина-следователь и ее помощники в обуви ходили по детским постелям и вещам.

На ночь вокруг палаток расставили посты. Наутро к лагерю пригнали машины и автобусы. Над лагерем кружил вертолет. Приехали представители власти. От детей требовали, чтобы они назвали свои фамилии и место жительства. Дети не отвечали. У тех, кто имел с собой свидетельства о рождении, их отобрали. У взрослых забрали паспорта.

Затем появилась санинспекция. В акте о санитарном состоянии лагеря указано, что в палатках затоптанные простыни, у детей нет зубных щеток, мыла и полотенца (все эти предметы дети демонстрировали инспекции), нет справок о прививках, посуда моется холодной водой, а пища готовится на костре. О девочке, искусанной комарами, сказано, что у нее "шлоский лишай".

Детей и лагерь сфотографировали. Затем палатки и постели отвезли в соседнюю деревню, а детей по реке на "Ракете" отправили в Киев.

* * *

23 августа дети баптистов, возвращавшиеся домой после отдыха в Закарпатье, делали пересадку во Львове. На привокзальной площади их окружила милиция. Сопровождавшие детей благовестник Совета Церквей Павел Тимофеевич Рытков (в последние годы он скрывался от властей — Хр. 51), его двадцатилетний сын Владимир и Галина Вильчинская были сразу же арестованы. Дети бросились врассыпную. Милиция собирала их по всему городу. Изъяты магнитофон, фотоаппарат, кинокамера, фотошленки, кассеты, религиозная литература, а также предназначенные для детей деньги — две с половиной тысячи.

* * *

29 июля около 300 сотрудников милиции и КГБ пытались разогнать баптистов, собравшихся на реке Прут для церемонии крещения новых членов общины. 31 июля милиционеры насильно доставили на допросы баптистов из Черновцов П.В. Урсула, Д.Э. Ганкевича, В.И. Костенюка и Е.М. Бунковского. От них потребовали объяснительные записки по поводу крещения. На квартире Костенюка произвели обыск в отсутствие хозяина.

1 августа прошли обыски на ст. Большой Кучуров у М. Кушнир, И. Нащажук и Л. Ончуленко. Изымали религиозную литературу.

В тот же день в Черновцах арестовали пресвитера Ивана Григорьевича Данилюка. Дело его ведет прокуратура г. Сторожинец Черновицкой обл. Арест произведен после обыска на квартире Данилюка. Зам. прокурора Черновицкой обл. М.К. Пашковский в официальном ответе на жалобу верующих подтвердил 16 августа, что Данилюк обвиняется в нарушении законодательства о культах и будет привлечен к ответственности.

* * *

11 сентября предъявлено обвинение по ст. 187-1 УК УССР (=ст. 190-1 УК РСФСР) и ст. 187-3 УК УССР ("Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок") пресвитеру Горловской общины ЕХБ Ф.В. Гордиенко (Хр. 53). Он обвиняется в том, что на молитвенных собраниях говорил о нарушениях прав верующих в СССР и "принимал активное участие в нелегальных собраниях уклоняющихся от регистрации раскольников ЕХБ". На требования представителей власти прекратить эти собрания Гордиенко не реагировал и "своим вызывающим поведением оказывал воздействие и на остальных членов секты".

В октябре Гордиенко был арестован.

* * *

31 октября арестован кишиневец Михаил Антонович Прутян (Хр. 53).

* * *

5 ноября в г. Смела Черкасской обл. арестован член Совета Церквей Н.Г. Батурий. Одновременно арестована Ольга Никалова.

* * *

В "Бюллетене СРУ ЕХБ" № 68 опубликовано "Открытое письмо" членов Рязанской общины Сергея Попова (сына осужденного Н.Ф. Попова — Хр. 53 и "Поправки и дополнения" в наст. вып.) и Юрия Мисина.

С. Попов и Ю. Мисин рассказывают, что весной 1977 г. были завербованы органами КГБ для работы внутри общины. Первую беседу в помещении военкомата проводил с ними оперуполномоченный ст. лейтенант Гарынин. Затем с завербованными работали подполковник КГБ Савушкин и зам. начальника Рязанского УКГБ полковник Федяшов. Встречи происходили на железнодорожном вокзале несколько раз в месяц. Оба получили за свои услуги несколько сот рублей.

Сотрудники КГБ интересовались составом церковного совета, обязанностями его членов, характеристиками руководителей общины, духовным состоянием членов Церкви, есть ли разногласия в общине, какова реакция верующих на атеистические статьи в газетах, на проведенные обыски. Расспрашивали о хозяйстве семей верующих: где достают строительные материалы для ремонта и строительства частных домов, законно ли ведется косяба для личного хозяйства и т.д.

Особое внимание уделялось приезжавшим в общину членам Совета Церквей. Попову и Мисину предлагались для опознания фотографии или словесные портреты.

Более всего Федяшов и Савушкин интересовались доставкой и распространением литературы издательства "Христианин", предполагаемыми местами расположения типографий, связями с зарубежными христианами.

В перспективе Попов и Мисин должны были завоевать авторитет среди молодежи общины, а затем продвигаться в ряды руководящих братьев вплоть до заграничных религиозных "центров". Для поднятия авторитета предлагалось задержать одного из них при перевозке литературы. Другой вариант – Мисину и Попову предлагалось создать среди верующей молодежи какое-то новое религиозное течение и возглавить его.

Сведения, доставленные Мисиним и Поповым в КГБ, частично были использованы в пропагандистских материалах местной печати.

Как пишут Мисин и Попов, отрезвление наступило для них после осуждения А.В. Никиткова и Н.Ф. Попова 20 июля, а также публикации статьи "Из трясины" в "Приокской правде" от 4 августа. Оба они покалялись перед своими единоверцами и призвали верующих, сотрудничающих с органами, порвать эти отношения.

В "Бюллетене" под "Открытым письмом" стоит дата "5 июля" (?).

* * *

21 сентября на работу к Сергею Попову приехал Гарынин. Он требовал, чтобы Попов и Мисин перестали раскрывать "секреты службы". Угрожал, что данные Поповым сведения будут использованы против руководителей Рязанской общины, против руководителей ЕХБ, в частности – против арестованного Рытикова. Обещал прокрутить единоверцам Попова магнитофонные записи его бесед с сотрудниками КГБ. Угрожал сроком.

В открытом письме Андропову Попов заявляет:

Если впоследствии что-либо произойдет со мной или членами моей семьи, то вся ответственность за происшедшее ляжет на подчиненных вам работников областного УКГБ.

* * *

До 1977 г. пресвитером Рязанской общины ЕХБ был Анатолий Сергеевич Редин. В 1977 г. он был избран благовестником Совета Церквей.

В 1979 г. против Редина выдвинули уголовное обвинение (Хр. 53). Его дело было выделено из дела Никиткова и Попова в отдельное производство в связи с тем, что он "скрывался от следствия".

16 августа 1979 г. в Рязани состоялся судебный процесс над сыном пресвитера С.А. Рединым. Он обвинялся по ч. 2 ст. 199 УК РСФСР за

“самовольное строительство жилого здания”. Дом был конфискован, а Редин приговорен к 8 месяцам исправительных работ с удержанием 15% зарплаты. Редин с 2 детьми (3 года и 11 месяцев), беременной женой и 90-летней бабушкой оказались без жилья.

Члены общины в заявлении в высшие инстанции требуют вернуть Рединым конфискованный дом или предоставить им жилплощадь.

* * *

5 августа было разогнано собрание верующих в г. Дедовске (Московская область). Руководил разгоном секретарь Дедовского райисполкома, его сопровождали милиция и дружинники, многие из которых были пьяны. Верующих, выкручивая руки, загнали в автобус и отвезли в отделение милиции. Один из них, В.В. Смирнов, оштрафован на 30 рублей.

В тот же день было разогнано собрание в г. Железнодорожный (Московская обл.) в доме Пшеницына (Хр. 51). Зам. начальника отделения милиции Савельев и лейтенант Харин принесли заранее отпечатанный протокол. В нем было сказано, что на предложение разойтись верующие ответили отказом, от подписи под протоколом тоже отказываются. Пшеницын написал по этому поводу жалобу на работников милиции.

* * *

В начале августа освобождился по концу срока член Здолбуновской общины (Ровенская обл.) Валерий Назарук (Хр. 46). Он был осужден за отказ принять военную присягу. Местные власти запретили ему присутствовать на молодежном собрании общины, намеченном на 12 августа, и рассказывать о своем заключении. Валерий заявил, что пойдет на богослужение. Власти обещали блокировать собрание.

12 августа рабочие местных предприятий, милиция, переодетая в гражданское, и “штатские” окружили проходившее в лесу собрание. Не предлагая разойтись, без всякого предупреждения, они стали хватать верующих, выкручивать им руки, отнимать религиозную литературу, музыкальные инструменты, магнитофоны, фотоаппараты.

Руководили разгоном председатель горсовета Рощенко, секретарь райисполкома Негикша, майор милиции Макаренко.

Нескольким членам общины грозят уголовным делом.

* * *

19 августа (праздник Преображения) было разогнано торжественное богослужение Степановской общины (Ворошиловградская обл.). Верующих вывели из дома и отвезли в отделения милиции в разных концах города. Всех допросили и записали фамилии. Приехавшим из Ворошиловграда Балацкому, Кулишеву, Сажневу дали по 10 суток, Андрющенко — 15, а местным жителям Виноградову и Тягуну — по 10 суток.

В одном из отделений милиции девушек подвергли личному обыску.

Пока верующих допрашивали в милиции, в доме, где происходило богослужение, изъяли всю религиозную литературу и тетради с записями.

Разгоном руководили уполномоченный Совета по делам религий Бабушкин, его заместитель Михайловский, секретарь горисполкома Вережкин.

* * *

3 августа было разогнано молитвенное собрание общины Ростова-на-Дону. Верующие Колбанцев и Захаров получили по 15 суток, Гончаров – 10.

* * *

5 и 7 октября разогнали молитвенные собрания в г. Харцызске (Донецкая обл.). 5 октября верующих погрузили в машины и вывезли за город.

* * *

21 октября власти Брянска не дали верующим собраться по поводу праздника Жатвы. Под руководством прокурора области и председателя райисполкома Самотесова была устроена облава – верующих хватали в электричках, на станциях, по домам, увозили в милицию и держали до 15 суток. Старики, инвалиды и дети не составили исключения. По неполным данным, было задержано 125 человек.

* * *

Майор запаса Д.Ф. Сухарев 16 лет летал на реактивных самолетах, затем был преподавателем истории в Васильевском ВАУ на Украине. После того, как жена Сухарева стала баптисткой, ему предложили сменить предмет преподавания – вместо истории КПСС он стал читать курс военной истории.

В начале 1979 г. уверовал и сам Сухарев. 27 марта он был отправлен в психиатрическое отделение окружного военного госпиталя, но через 17 дней по ходатайству жены был выпущен.

2 июня Сухарев был уволен по причине служебного несоответствия.

11 сентября у Сухарева кончился 25-летний срок службы в льготном исчислении. Тем не менее в пенсии ему отказано. На иждивении Сухарева пять несовершеннолетних детей.

* * *

Лидия Гофман после окончания Прималкинской средней школы Прохладненского р-на Кабардино-Балкарской АССР получила характеристику, в которой сказано, что она регулярно посещала секту баптистов и не вступила в комсомол в силу религиозных убеждений. В характеристике отмечены ее хорошая успеваемость, трудолюбие, добросовестное отношение к общественной работе, любовь к спорту. С этой характеристикой Лидия пыталась поступить в ПТУ № 102 г. Коммунар-

ска Ворошиловградской обл. Ей возвратили документы, сказав, что верующие училищу не нужны.

* * *

По данным Совета родственников узников ЕХБ, на сентябрь 1979 г. в заключении находится 39 баптистов, среди них пять женщин.

ПРАВО НА ВЫЕЗД

Вместо "Инициативного комитета борьбы за право на свободный выезд из СССР" (Хр. 53), выпустившего до сентября 1979 г. 3 бюллетеня, образовалась "Общественная группа – право на эмиграцию", в состав которой вошли Людмила Агалова, Иван Лупачев, Марк Новиков, Вячеслав Репников и Владимир Шепелев. 4 ноября группа выпустила документ "Наша позиция в области эмиграции", в котором сформулированы предложения о законодательных гарантиях права на эмиграцию. Документ открыт для подписания до конца года.

* * *

В октябре 12 москвичей, желающих эмигрировать, послали в ПВС СССР заявление, в котором требуют исключить из числа документов, представляемых в ОВИР, справку от родителей об отсутствии материальных претензий, содержащую их отношение к выезду детей.

Авторы утверждают, что согласие или несогласие родителей с намерением совершеннолетних детей уехать в Израиль не может иметь законной силы и не должно фигурировать в официальных документах, поскольку никакой из действующих в СССР законов не требует их мнения в вопросе о выборе детьми места проживания.

Далее авторы пишут:

. . . Ст. 20 Основ законодательства СССР ... , а также соответствующие статьи кодексов о семье и браке союзных республик возлагают на совершеннолетних детей обязанность оказывать материальную помощь их нетрудоспособным и нуждающимся родителям. Но эта обязанность не может быть уничтожена простым подписанием какой-то справки ... Таким образом, упомянутый документ не порождает, не изменяет и не уничтожает ... чьих-либо личных или имущественных обязанностей ... Следовательно, требование его предъявления по существу своему незаконно. ... Обязанность любого лица кому-либо что-то (будь то долги или алименты) платить должна доказываться тем лицом, которое претендует на то, чтобы ему платили.

Заявление указывает также на незаконные действия сотрудников ОВИРа, нотариата и судов. Согласно указу ПВС СССР от 12 апреля 1968 г. "О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан" официальные лица (сотрудники ОВИРа) обязаны сами затребовать необходимые документы, в получении которых было отказано частным лицам. Однако ОВИР отказывается делать соответствующие запросы. В соответствии с законом "О государственном нотариате" нотариальные конторы обязаны передавать заявления, содержащие, к примеру, запросы о наличии или отсутствии у родителей материальных претензий к детям. Однако, ссылаясь на закрытую инструкцию, нотариусы отказываются принимать подобные заявления, а суды не удовлетворяют жалоб на нотариальные конторы.

* * *

18 апреля получила вызов на постоянное жительство в США Ольга Матусевич (в предыдущих выпусках — Гейко).

На следующий день ее задержали при попытке войти в консульство США в Киеве. В милиции ей заявили, что если она еще раз появится вблизи консульства, то будет арестована и осуждена, например, за воровство или проституцию. Сотрудники КГБ угрожали также ее родителям. Однако после жалобы на имя Андропова угрозы родителям О. Матусевич прекратились. Ее, впрочем, в покое не оставили.

В середине июня возле дома ее избили двое неизвестных; через полтора месяца эти же двое пришли к ней на работу и жестами "объяснили", что они сперва изнасилуют ее, а потом убьют.

Ее мужу Николаю Матусевичу, находящемуся в лагере, отказали в удостоверении его подписи под разрешением на выезд Ольги, поскольку, как было сказано, "частным лицам документы не заверяются".

Жалобами в ГУИТУ, Генеральному Прокурору СССР и Брежневу О. Матусевич добилась ответа лагерной администрации. В нем сказано, что разрешение мужа будет переслано в ОВИР, если оттуда будет запрос.

6 сентября инспектор районного ОВИРа Лысенко отказался принять ее документы, заявив, что, пока Ольга не разведется, с ней и разговаривать не будут. В сентябре же начальник городского ОВИРа Сифоров на приеме сказал ей, что не имеет права разлучать мужа и жену. Впрочем, он пообещал проконсультироваться и пригласить Матусевич на беседу через три дня. Прождав три недели, Ольга Матусевич направила Брежневу жалобу, к которой приложила все документы, необходимые для подачи в ОВИР. Она просит разрешить ей выезд из СССР, не требуя развода с мужем, и заявляет, что в противном случае будет вынуждена отказаться от советского гражданства и просить правительство США о политическом убежище.

* * *

21 сентября Сергей Белов (Хр. 51) подал в "Инициативный комитет борьбы за право на свободный выезд из СССР" заявление с просьбой

оказать ему содействие в получении вызова на постоянное жительство в США.

С.П. Белов (1937 г.р.) в 1972 г. окончил Всесоюзный заочный юридический институт. С 1973 по 1975 гг. он работал следователем в Приволжском отделении милиции (Ивановская обл.). Затем от работы был отстранен и с тех пор работает грузчиком-экспедитором в общепите. Летом 1976 г. он написал работу "Биосоциология наследственности (полигения)", в которой рассматриваются причины прогрессирующего роста в СССР [числа] инвалидов с врожденным глубоким слабоумием. Рукопись направил в издательство "Наука", а через полтора месяца после того, как рукопись была ему возвращена, — в Президиум Верховного Совета СССР. Вскоре работники Приволжского отделения милиции сфабриковали на него протокол о "мелком хулиганстве".

5 октября 1976 г. он был осужден на месяц принудработ. В январе 1977 г. Белов направил свою работу в Госкомитет СССР по делам изобретений и открытий. 25 августа 1977 г. он был вызван в Ивановский областной психоневрологический диспансер, где ему предложили лечь в психбольницу для обследования. Он категорически отказался. Грозил, что, если он будет продолжать писать, его упрячут в психбольницу принудительно. 1 ноября 1977 г. Белов дал телеграмму академику Сахарову (копия — Брежневу) о том, что он присоединяется к обращению в Президиум Верховного Совета СССР об амнистии узникам совести в ознаменование 60-летия Октября. Другую телеграмму он дал в Лефортовский следственный изолятор А. Гинзбургу, предлагая свои услуги в качестве защитника. 2 ноября 1977 г. Белов был принудительно доставлен в областную психоневрологическую больницу "Богородское", где содержался до 10 декабря.

После освобождения он стал настойчиво добиваться разрешения на выезд. Неоднократно запрашивал телеграммами Брежнева и министра внутренних дел Шелоква, лично обращался в ПВС СССР, приемную МВД СССР. Там ему рекомендовали обратиться в нужное посольство с просьбой о вызове. 3 сентября 1978 г. Белов отправил по почте заявление в посольство США с просьбой предоставить ему политическое убежище и прислать вызов на постоянное проживание. Через месяц он потребовал на почте уведомление и написал жалобу.

25 октября 1978 г. под конвоем и в наручниках Белова отправили в "Богородское", откуда он был выписан 30 января 1979 г. Дома его ожидало уведомление почтамта о том, что письмо в посольство США утеряно. 5 февраля он вторично написал заявление в посольство США. В конце марта письмо возвратили. 30 марта Белов в третий раз написал в посольство США. Уведомления о вручении нет до настоящего времени, хотя сделано несколько запросов.

17 июля Белова снова схватили и отвезли в "Богородское". 13 августа его выписали.

* * *

30 сентября Юстас Гимбутас (Хр. 53) был задержан у здания американского посольства в Москве, куда направлялся, чтобы уточнить

вопросы, связанные с получением американского гражданства. Его проводили в 11 отделение милиции. Затем он был осмотрен психиатром, который спрашивал, в частности, активно ли Гимбутас занимается антисоветской деятельностью. Заключение — "нормален".

На следующий день Гимбутасу посоветовали "образумиться" и отправили домой в Клайпеду.

* * *

5 ноября семья известного эстонского композитора Арво Пярта подала на выезд в Израиль, где живут родители Норы Пярт — жены Арво.

15 ноября Пярт был исключен из Союза композиторов ЭССР. Столь скорые меры приняты, вероятно, в связи с тем, что Пярт был избран делегатом от Эстонии на съезд советских композиторов, который должен состояться 20 ноября в Москве. На 25 ноября намечался концерт, включающий произведения Пярта, однако они там не прозвучат.

Пярту постоянно отказывали в выездных визах, которые он пытался получить, чтобы присутствовать при исполнении на Западе своих произведений. Исключением была его поездка в Лондон в августе этого года на премьеру "Кантуса памяти Бенджамина Бриттена". Первое исполнение "Кантуса" должно было состояться в декабре 1978 г., однако оно было отменено, т.к. Пярту тогда не дали разрешения на поездку.

Е в р е и

В ноябре 1978 г. жители г. Бельцы (Молдавия) Я.Гроберман, А. Мильнер и А. Фельдман, находясь в кафе, подверглись нападению семи хулиганов. Была спровоцирована драка. Фельдмана (у него уже была виза на выезд в Израиль) и Мильнера (ожидавшего разрешения) арестовали. Суд состоялся в апреле 1979 г. На нем свидетелем проходил Гроберман, с 1973 г. пытающийся выехать из СССР. Он был арестован в зале суда и, так же как Мильнер и Фельдман, обвинен в "зломном хулиганстве". Гробермана и Фельдмана приговорили к 4 годам лишения свободы, Мильнера — к 6 годам.

* * *

По возвращении в Москву (см. "В тюрьмах и лагерях") Марка Нашпица отказались прописать в Москве, хотя в справке об освобождении было записано, что он следует в Москву. В ОВИРе документы Нашпица не приняли на том основании, что он не имеет прописки. (Менее формальная, но более важная причина состоит, возможно, в том, что Нашпиц — сын "невозвращенца".)

Подельник Нашпица Борис Цитленок сдал документы в ОВИР до прописки. В начале ноября он уехал (так и не прописавшись).

* * *

4 августа Григорию Гольдштейну (Хр. 53) отказали в разрешении на выезд.

* * *

10 августа ленинградец Владимир Кнох (Хр. 47), с 1974 г. добивающийся разрешения на выезд, обратился с заявлением в ПВС СССР. В разрешении на выезд ему отказывают из-за работы десятилетней давности.

Кнох пишет, что является объектом дискриминации, т.к. он — еврей, да еще желающий выехать из СССР. В 1976 г. он в течение восьми месяцев не мог получить никакой работы и ему угрожали обвинением в тунеядстве. В конце концов он получил низкооплачиваемую неквалифицированную работу (Кнох — инженер).

В 1979 г. Кнох закончил курсы программистов. Однако и в этой работе ему в нескольких местах было отказано, несмотря на то что он имел направление от райисполкома. Начальник вычислительного центра Ленинградского станкостроительного объединения Рубцова, сказавшая по телефону, что ей требуются квалифицированные программисты, заявила при встрече, что свободных мест нет и не предвидится.

Кнох обратился в Ленинградский обком партии с просьбой о трудоустройстве по специальности. Его пригласил на прием сотрудник Калининского райкома КПСС Коков, который объяснил Кноху, что, поскольку тот совершил "измену Родине" (то есть подал заявление на выезд в Израиль), ему нельзя работать в коллективе на инженерной должности. Когда Кнох сослался на свое, как гражданина СССР, право на труд, Коков ответил, что Кнох является не гражданином, а подданным СССР. В связи с этим Кнох просит ПВС СССР лишить его гражданства

не только фактически, но и номинально в соответствии с законом "О гражданстве" от 1 июля 1979 г.

* * *

6 августа в аэропорту г. Хабаровска был задержан и обыскан Виктор Елистратов (Хр. 46, 47, 53). Один из милиционеров, участвовавших в задержании, пытался инсценировать борьбу с якобы сопротивляющимся Елистратовым и демонстрировал окружающим заранее оторванный погон. Елистратова отвели в служебное помещение, где его уже ожидал прокурор. На протесты Елистратова по поводу инсценировки прокурор ответил: "А что, если найдутся свидетели, что вы оказывали сопротивление?"

В постановлении на обыск, предъявленном Елистратову, не было указано, по какому делу он производится.

9 августа в Москве был проведен обыск на квартире Елистратова.

По поводу инцидента в аэропорту Елистратов написал жалобу на имя прокурора г. Хабаровска.

11 августа 40 человек подписали заявление Генеральному Прокурору СССР, в котором содержится требование прекратить преследования Елистратова.

* * *

В ночь с 20 на 21 сентября в Ленинграде, когда гости расходились после свадьбы отказников Юлия и Елены Каролиных, Виктора Елистратова ударил какой-то прохожий, тут же закричавший: "Чего толкаешься?".

Когда, не дождавшись автобуса, Елистратов в сопровождении нескольких друзей отошел от остановки, к нему снова подскочил тот же прохожий, которого "прикрывали" несколько мужчин и женщин, прежде сидевших в "Волге" возле дома Каролиных. Тогда они вели из машины радиопереговоры. Нападавший несколько раз ударил Елистратова, а затем все отправились к "Волге". Это происходило метрах в 300 от милицеской машины.

Ленинградские отказники написали заявление в прокуратуру с требованием возбудить дело против организаторов и исполнителей нападения на Елистратова.

* * *

В сентябре в Одессе, на квартире, которую снимал московский отказник Г. Хасин (Хр. 48), находившийся в отпуске, был проведен обыск. Конфисковали книги на иврите и магнитофон. Хасина оштрафовали за проживание без прописки, посадили на 10 суток, а затем препроводили в Москву.

* * *

В сентябре киевские отказники Елена Олейник (Хр. 53) и ее муж Иван отдыхали в Ялте. 18 сентября они заметили за собой слежку, а 19-го, за 10 дней до годовщины первого расстрела в Бабьем Яре, произошел следующий инцидент. Когда они возвращались с пляжа, к ним подскочила некая женщина, бросила к ногам банку с томатным соусом и стала кричать, призывая на помощь. Тотчас появилась милицеская машина, и всех троих доставили в отделение. Один из милиционеров продиктовал "потерпевшей" ее показания. Елену доставили в КПЗ, а на следующий день осудили на 15 суток. Е. Олейник в зале суда объявила голодовку. (Охрана спецприемника, где она отбывала наказание, отказалась принять у И. Олейника продуктовую передачу, сославшись на то, что его жена все равно ничего не ест.)

24 сентября группа отказниц обратилась к женским еврейским организациям на Западе с призывом присоединиться к их протесту, а 25 сентября передала в приемную ЦК КПСС заявление с требованием немедленного освобождения Е. Олейник. Они указали, что в знак солидарности с Е. Олейник будут держать двухдневную голодовку. Эти заявления подписали 33 отказницы из Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и Тбилиси.

* * *

В мае киевского отказника В. Кислика (Хр. 45, 53) доставили в УКГБ, где с ним беседовал заместитель начальника Управления. Ему заявили, что его уголовное дело готово и только от КГБ зависит, давать ли этому делу ход. Кислику предъявили предупреждение о привлечении к уголовной ответственности за опубликование научной статьи в иностранном журнале (Хр. 47) и за организацию отказников к коллективным действиям. Подписать предупреждение Кислик отказался.

30 июня в "Вечернем Киеве" была опубликована статья о Кислике, в которой содержались угрозы в его адрес.

Вечером 20 августа Кислик ждал гостей — членов израильской делегации на Конгрессе политических наук. Приехавшие к нему сотрудники КГБ предложили ему отправиться на допрос. Он отказался, и его доставили в Управление в майке и трусах. Следователь Петров расспрашивал Кислика о том, как его статьи попали за границу. Кислик ответил, что он давал объяснения по этому поводу в 1977 г. и больше ничего добавить не может. Ему выписали повестку на следующий день, однако на допрос он не явился. 25 августа под угрозой привода Кислик пришел на допрос. Ему задавались те же вопросы, и он написал заявление на имя начальника УКГБ, в котором указал, что ему нечего добавить к своим показаниям 1977 г.

С 20 августа до середины сентября за Кисликом велась непрерывная слежка.

21 сентября с девяти утра до половины одиннадцатого ночи в квартире Кислика проводился обыск. Следователь Игнатьев отказался разъяснить суть дела, по которому велся обыск (в постановлении был указан только его номер), кто обвиняется по этому делу и что ищут. На обыске кроме следователя и понятых присутствовали еще двое, отказавшиеся предъявить документы. (Один из них участвовал в слежке за Кисликом в августе-сентябре.) Эти двое и проводили обыск. Были изъяты все книги на иврите (учебники, словари, религиозная литература) и на английском языке, отгиски статей, личная переписка и переписка с официальными инстанциями по поводу выезда и работы. Забрали даже молитвенные принадлежности (талесы, ермолки) Кислика и его отца.

24 сентября на допросе Игнатьев заявил Кислику, что заведено дело о нарушении авторских прав, по которому Кислик будет допрашиваться как свидетель, но потом станет обвиняемым. 29 сентября Кислик вновь подвергся допросу.

* * *

12 октября в Киеве на 15 суток осуждены за отказ покинуть приемную ЦК КПУ активисты движения за выезд С. Ротштейн, В. Ротштейн, Е. Олейник, Н. Наумова, Л. Черняк, А. Розенман, А. Бродская, И. Чернявская, С. Чернявский, Е. Гельфельд, Л. Сиско, А. Сухолуцкий.

14 октября первому секретарю ЦК КПУ Щербицкому была послана телеграмма протеста (40 подписей).

* * *

11 января киевлянин И.А. Кушниренко (1953 г.р.) с женой и ребенком подал в ОВИР заявление на выезд в Израиль.

В 1970 и в 1975 гг. медкомиссия при военкомате признавала Кушниренко негодным к воинской службе в мирное время из-за последствий закрытой черепно-мозговой травмы и сняла его с воинского учета. Отец Кушниренко, 19 лет назад бросивший семью, написал письмо министру обороны, в котором утверждал, что его сын симулирует болезнь головы и пытается эмигрировать в Израиль, чтобы избежать службы в армии. После подачи заявления на выезд И. Кушниренко был вызван в военкомат и направлен на медкомиссию, затем на стационарное обследование в районную больницу, а затем в психоневрологический диспансер. Везде заключение не давало возможности призвать его в армию. Тогда его направили на обследование в военный госпиталь № 408 и там признали годным к строевой службе, сказав при этом, что тем самым спасают его от Израиля, за что он должен быть им благодарен. Повестка в райвоенкомат была вручена ему на последний день призыва — 4 июня. 3 июня он заболел, и на 4 июня ему был выписан больничный лист. Однако в тот же день он был задержан в поликлинике работниками милиции и военкомата и отвезен в военкомат, где ему выписали проездные документы в часть. Ехать он отказался, и военкомат 19 июня передал дело в прокуратуру. Следствие по его уголовному делу установило, что больничный лист на 4 июня действителен, а судебно-медицинская экспертиза установила у него ту самую болезнь, по которой он и был освобожден от воинской службы. Дело закрыли "ввиду отсутствия состава преступления".

17 сентября семья Кушниренко получила разрешение на выезд. Однако военкомат отказался снимать И. Кушниренко с учета и добился проверки уголовного дела, которая длилась месяц. Результат — дело закрыто законно.

* * *

11 июня доцент Саратовского университета Б.М. Шайн (Хр. 51, 52) подал документы на выезд в Израиль. 1 августа, когда он находился в отпуске, ректор университета издал приказ о создании комиссии по изучению профессиональной пригодности Шайна. 27 августа было вынесено решение о несоответствии Шайна занимаемой должности. Ему было предложено уволиться "по собственному желанию". Шайн отказался. 29 августа его вызвали на заседание факультетской конкурсной комиссии, которая обвинила Шайна в намерении выехать в Израиль, что противоречит коммунистической морали, и в уклонении от общественной работы. Эта комиссия также пришла к выводу, что Шайн не может занимать должность доцента кафедры геометрии Саратовского университета.

В своих заявлениях в Отдел высших учебных заведений ЦК КПСС и ректору СГУ Шайн опротестовал решение конкурсной комиссии:

Преследование граждан, изъявивших желание воссоединиться с родственниками, проживающими за рубежом, является очевидным и неприкрытым нарушением Хельсинкского Заключительного Акта, и администрация университета не может не сознавать, что тем самым она берет на себя тяжелую ответственность за возможные последствия своих действий.

Прошу Вас проявить государственную мудрость и, руководствуясь голосом разума, а не эмоций, остановить — пока еще не поздно — недостойную антисемитскую травлю, развернувшуюся вокруг меня в Саратовском университете ...

В конце октября Шайн получил разрешение на выезд.

* * *

Старший научный сотрудник кафедры электроники физического факультета Московского государственного университета В.А. Годак в сентябре попросил справку с работы для представления в ОВИР. В ответ на это декан факультета профессор В.С. Фурсов назначил комиссию по проверке техники безопасности в группе, которой руководил Годак. В результате рабочее место Годака перенесли в библиотеку. Вскоре он был отстранен от работы в лаборатории с аспирантами, сотрудниками и студентами и от руководства группой.

На кафедре состоялись три закрытых партсобрания (каждое — по несколько часов). Были приняты, в частности, такие решения: 1) объявить Годаку бойкот; 2) не оставлять его в лаборатории одного; 3) не допускать антисемитских эксцессов. Сотрудники и аспиранты кафедры, замеченные в разговорах с Годаком, вызывались на беседы с парторгом.

30 октября состоялось профсоюзное собрание кафедры, на котором Годак был исключен из членов профсоюза.

... За нарушение устава профсоюза в его политической части, проявившееся в совершении антигражданского, антиобщественного поступка, противоречащего идеологии советского ученого, выразившегося в факте подачи заявления на выезд в Израиль ...

Из 63 присутствовавших на собрании один человек проголосовал против резолюции и трое воздержались. Воздержавшихся вызывали в партбюро на "проработку", и одному из них, аспиранту, отложили защиту диссертации. Сотрудницу кафедры, голосовавшую против исключения Годака из профсоюза, постоянно вызывают в профком на беседы, а защиту докторской диссертации ее мужа, также работающего на физфаке, отложили.

Справку с места работы Годаку выдали только после многократных обращений в ректорат МГУ и Ленинский райком партии.

Немцы

Артур Марсал и его жена Нина, живущие в Душанбе, уже три года добиваются разрешения на выезд в ФРГ.

7 апреля они направили Щелокову заявление, в котором жалуются на работу ОВИРа МВД Таджикской ССР и указывают, что

число лиц немецкой национальности, получивших разрешение покинуть СССР за последние, по крайней мере, 2,5 года, составляет не более одного процента подавших заявления на выезд ...

* * *

В августе очередной отказ получил Г.Г. Тильман (Хр. 51), пытающийся получить разрешение на выезд с женой и четырьмя детьми. В ФРГ живут его мать и брат.

Тильману отказано под предлогом разъединения семьи, т.к. его пятый ребенок сейчас служит в армии.

* * *

В начале сентября ОВИР МВД Каз. ССР отказал в выезде Г.Д. Реймеру (Хр. 44).

* * *

Г.Г. Шпенсту (Фрунзе) отказано в разрешении на выезд к сыну в ФРГ. Ему говорят, что он сам разъединил семью, отпустив сына, уехавшего вместе с женой по вызову тещи, и теперь не может ссылаться на желание воссоединиться.

СУДЫ НАД НОЕМ И РЕППОМ

В июне в Москве на Красной площади состоялась демонстрация 18 немцев из Киргизии. Демонстранты держали плакаты: "Просим свободного выезда к своим родственникам в ФРГ !" Почти сразу всех участников развезли по разным отделениям милиции и осудили каждого на 10-15 суток. Среди них был Николай Репп.

Вернувшись из Москвы в Киргизию, Репп вместе с другими отказниками 12 июля пытался добиться приема в республиканском ОВИРе. От ОВИРа они пошли в ЦК КП Киргизии. Там им сказали, что подойдет человек, который их примет. Вместо этого появился наряд милиции, загнавший всех 26 человек в автобус, после чего их отвезли в РОВД Первомайского р-на. Там Якоб Ной был арестован по обвинению в злостном хулиганстве, трех женщин осудили на 10 суток, одну женщину — на 15 суток. "Суточники" держали 10-дневную голодовку протеста. Женщинам все 10 суток не давали постелей.

Через пару дней Н. Репп приехал в город по своим делам. Он был задержан на улице нарядом милиции и арестован по обвинению в злостном хулиганстве, которое он совершил 12 июля. Лишь через несколько дней Эрне Репп удалось узнать об аресте мужа.

* * *

Суд над Ноем состоялся 2 августа. Ему инкриминировались следующие действия: якобы он, находясь перед зданием ЦК, бегал, кричал, матерился, ударял милиционеров ногами в живот.

Ной признал себя виновным. На вопрос судьи, будет ли он еще хулиганить, будет ли ходить в ЦК добиваться приема, Ной ответил, что в ЦК он больше не пойдет, но ходатайствовать об эмиграции не перестанет. Ной был осужден условно и освобожден в зале суда.

* * *

Н. Реппа судили 7 августа. До суда у него сменилось 3 адвоката. Репп обвинялся в том, что 12 июля, находясь на площади у здания ЦК, громко, нецензурно бранился, мешал работе госучреждений. Когда к нему подошли милиционеры, он не только не прекратил своих хулиганских действий, но и усилил их. Тогда ему было предложено сесть в милицейский автобус и проехать в отделение. Он отказался добровольно подчиниться этому требованию, а при посадке в автобус нанес удар кулаком милиционеру Исмаилову. Экспертиза обнаружила у того царапину и два желтых пятнышка на груди.

В самом начале заседания адвокат представил суду заявление от 13 немцев, в котором они говорили о невиновности Реппа и требовали взять у них свидетельские показания.

Судья Чернокижная заявила, что считать это заявление официальным документом нельзя, но можно выбрать свидетелей из числа подписавших эту бумагу. Тут же выбрали четверых из тех, кто был в зале. (Никого из немцев, даже Эрну, в зал не пустили, однако несколько человек сумели прорваться. Остальные остались у дверей, но вскоре их вытолкали на улицу. Зал был заполнен, в основном, милиционерами)

Было допрошено несколько свидетелей-милиционеров. Исмаилов и еще двое полностью подтвердили обвинение. Остальные давали менее определенные показания, кто-то даже сказал, что Репп не хулиганил.

Свидетели-немцы показали, что Репп не хулиганил, что он даже не мог ударить Исмаилова, т.к. тот все время сидел в автобусе. Они рассказали также, что добиваться приема в ЦК их вынудили постоянные мытарства, которые они претерпевают, добиваясь выезда. Их часто перебивали, мешали говорить, особенно, когда речь заходила о выезде. Показания этих свидетелей были сочтены направленными лишь на то, чтобы выгородить Реппа.

Подсудимый виновным себя не признал.

Приговор — 2 года лагерей общего режима.

Приговор — сильно затрепанная машинописная копия — был вручен Эрне Репп через три недели после суда. Оказалось, что фамилии заседающих, а также та часть приговора, где говорится о показаниях свидетелей, были впечатаны в основной текст позже, на другой машинке.

* * *

Незадолго перед отправкой Реппа в лагерь один из его сокамерников сказал другому, что он видел, как тот кидал Реппу в чай какие-то таблетки, а потом сам же уговаривал его пить этот чай.

* * *

В лагере под Фрунзе, куда Н. Репп был отправлен отбывать наказание, он уже дважды имел свидание с женой: краткосрочное — 1 (!) час и длительное — 20 (!) часов. Такую продолжительность свиданий (согласно Комментарию к ИТК, краткосрочные свидания должны быть не меньше 2 часов, а длительные — не менее суток) администрация объясняет нехваткой помещений (17 комнат на 3,5 тысячи заключенных). Кроме того, в этом лагере имеется и такое "официальное" правило: всем родственникам, приехавшим самостоятельно (а не по вызову "спецчасти"), длительное свидание предоставляется не более суток.

На свидании Репп рассказал жене, что во время следствия его одолевала странная болезнь. Начиная примерно со второй недели следствия, он стал чувствовать апатию, потом начинала болеть голова, его всего трясло, прошибал пот. Такие приступы начинались после обеда и продолжались до ужина. В это же время его вызывали на допросы, неоднократно уговаривали подписать какие-то бумаги (за все следствие Репп ничего не подписал). Пару раз вместе с дежурным, вызывавшим на допрос, в камеру к Реппу заходил помощник прокурора республики, участвовавший в допросах. Он внимательно смотрел на Реппа и его кровать и молча выходил.

Во время последнего приступа у Реппа особенно сильно болела голова, он даже кричал от боли. Требовал врача. Вместо того, чтобы отвести его к врачу, дежурный запер его в маленький, темный, жаркий и душный бокс. Там Реппу стало совсем плохо, он снова закричал, и лишь после этого дежурный отвел его к врачу. Врач сделал инъекцию какого-то препарата и дал четыре таблетки снотворного. Но и после этого Репп двое суток мучился бессонницей. На этом его болезнь кончилась, а через несколько дней его повезли в суд.

П я т и д е с я т н и к и

Подготовительный комитет XII Всемирной конференции пятидесятников (г. Ванкувер, Канада) направил пресвитеру Н.П. Горетому (Хр. 47-49) приглашение участвовать в конференции. 5 июня Горетой подал официальную просьбу и документы, необходимые для поездки на конференцию. 4 июля в паспортном столе г. Темрюк Горетому зачитали ответ начальника Краснодарского ОВИРа подполковника М.Я. Михайлова:

Просим разъяснить Горетому Николаю Петровичу, что просьбу его удовлетворить не представляется никакой возможности, так как нет на то никаких оснований .

В связи с отказом Горетой обратился с письмом к конференции. Поблагодарив за приглашение, Горетой изложил делегатам причины, по которым не смог приехать в Ванкувер. Он кратко описал историю взаимоотношений пятидесятников с советскими властями с первых послереволюционных лет. Особо остановился на истории преследований, направленных на него и единоверцев после того, как ими было принято решение об эмиграции. Горетой предостерег христиан западных стран против лжесвидетельствований советских делегатов на этой конференции — посланцев Совета по делам религий — и предложил полагаться на показания Георгия Винса и других верующих, позиция которых не зависит от официальной.

* * *

Пресвитер общины г. Суходольска Ворошиловградской обл. В.С. Билык (Хр. 48) — инвалид второй группы; 14 лет назад, работая в шахте, он получил травму ноги. Ежегодно он проходит медицинскую комиссию для подтверждения инвалидности. Последние 2 года, после того как он подал на эмиграцию, Билыка подвергают не хирургическому, а психиатрическому обследованию. Для этого летом 1978 г. он был насильно госпитализирован в психиатрическую больницу г. Краснодона, где его продержали 26 дней.

Билык был помещен в палату с тяжелыми больными, его заставляли пить какие-то порошки. Несколько раз ему делали внутренние вливания, приводившие к шоку. Тесная палата, не имеющая вентиляции, запиралась на замок, и больные задыхались от зловония. На прогулку не выпускали. За 26 дней белье не меняли ни разу. На жалобу главврачу больницы Волгиной Билык получил ответ, что врачи действуют согласно приказу.

В апреле-мае 1979 г. Билыка снова помещали на обследование в ту же больницу. Волгина объяснила это тем, что в травматологической хирургии нет мест.

* * *

Петр Намонюк, житель села Розничи Маневичского р-на Волынской области, — один из тех, кто, требуя разрешения на выезд из СССР, отказался от советского гражданства (27 марта он послал заявление об этом в ПВС СССР).

Этой весной Намонюк не вышел на субботник, а также отказался работать в день Пасхи, о чем заранее письменно предупредил главврача больницы, где он работает. 21 мая местком больницы вынес решение о его увольнении за прогул, хотя он — единственный кормилец семьи, состоящей из больной матери, инвалида-отца и 16-летнего брата. Он получал зарплату 70 руб.

* * *

15 июля житель Вильнюса Виктор Васильев (Хр. 53) побывал у американского консула в Ленинграде. Как только он вышел из здания

консульства, его задержала милиция. Васильев получил 15 суток за "нецензурную брань".

Вскоре после освобождения Васильева снова задержали. Милиционер и двое штатских предложили ему предъявить документы. У него забрали паспорт, постановление суда и справку о том, что он отсидел 15 суток. Затем Васильева доставили в отделение милиции. Здесь тот же милиционер объявил Васильеву, что по дороге он потерял его документы. Васильев потребовал, чтобы тот пошел вместе с ним на поиски. На улице милиционер скрылся.

В. Васильев написал об этом инциденте в ЦК КП и МВД Литвы.

12 сентября Католический комитет защиты прав верующих обратился к зам. секретаря ЦК КП Литвы Н.К. Дыбенко с просьбой разрешить выезд семье Васильева.

* * *

В июле 1977 г. пятидесятники из общины г. Нарвы подали в Верховный Совет СССР заявление об эмиграции в США. В сентябре 1977 г. всем, подавшим заявления, разрешили заполнить анкеты в ОВИРе. На этом оформление документов остановилось. Верующим заявили, что религиозные мотивы не являются основанием для эмиграции. От них потребовали вызов и согласие правительства США принять их на постоянное жительство. 30 декабря 1977 г. посольство США послало в Нарву соответствующие гарантии своего правительства. Эти письма до сих пор не выданы адресатам. По мнению пятидесятников, они задержаны органами безопасности Эстонии.

Восемь семей повторно подали заявления в Верховный Совет. На них получены устные отрицательные ответы. Тем временем эстонские власти всячески пытаются отговорить пятидесятников от эмиграции.

* * *

Вместе с другими пятидесятниками добиваются выезда пресвитер Нарвской общины С.А. Матвеюк и члены его семьи. Весной 1979 г. сын Матвеюка Виктор проходил призывную комиссию. Он попросил отсрочки до решения вопроса о выезде. Член призывной комиссии зам. председателя горисполкома Крутилов сказал, что комиссия решила дать Матвеюку отсрочку до осени 1979 г.

10 мая Виктор был доставлен в милицию. Там начальник отделения горвоенкомата Соколов в присутствии работника госбезопасности Дмитриева пытался вручить Виктору повестку на призыв.

Матвеюк отказался принять повестку, ссылаясь на то, что ему дана отсрочка.

После этого Дмитриев вызвал на беседу С.А. Матвеюка и предложил ему зарегистрировать общину и отказаться от выезда. Взамен он обещал не привлекать Виктора к уголовной ответственности и освободить его от службы в армии. Матвеюк отказался.

8 июня дело Виктора Матвеюка было передано в прокуратуру. Во время следствия были сделаны попытки склонить Матвеюков к сотрудничеству с органами.

Суд состоялся 20 августа. На суде утверждалось, что отец склонил Виктора к отказу от службы в армии и выезду за границу. Свидетели Крутилов и Соколов категорически отрицали, что Виктору давалась отсрочка от призыва.

Суд приговорил В. Матвеюка к двум годам лагерей общего режима.

Виктор отбывает срок по адресу: Таллин, ул. Тислери, учр. ЮМ-422-25.

КГБ не оставляет попыток завербовать Матвеюков. Дмитриев приехал к Виктору в лагерь, обещал ему новый срок, если он не станет сотрудничать с органами. Угрожал насильственным психиатрическим лечением. С.А. Матвеюку грозил, что другого его сына, Евгения, ждет та же участь.

* * *

Жители Майкопа Тимофей и Наталья Шишикины вместе с детьми живут на площади 25 кв. метров. Городские власти отказываются улучшить их жилищные условия, заявляя, что пятидесятникам, собравшимся эмигрировать, не имеет смысла давать квартиры — все равно уедут.

25 мая Наталья Шишикина была вызвана к секретарю горисполкома Пшегонову. Пшегонов и присутствующие при этом сотрудники КГБ предложили Шишикиной сделку: откажитесь, хотя бы в устной форме, от намерения эмигрировать — получите сразу квартиру. Шишикина не приняла их предложения. Между тем разрешения на эмиграцию семья Шишикиных не получает. Они многократно обращались с письмами к Брежневу, но решения своего дела не добились.

В письме, направленном в международные организации, занимающиеся проблемами прав человека, Шишикины просят помочь им в выезде.

* * *

16 октября арестовали жителя ст. Старотитаровская Федора Сиденко (Хр. 44, 47). Ему предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР.

Ф. Сиденко, отбывший срок за религиозные убеждения, уже 15 лет добивается разрешения на выезд из СССР.

* * *

В последнее время дети пятидесятников, подавших заявления на выезд из СССР, достигая 16 лет, отказываются получать паспорт и становиться советскими гражданами. Местные власти не предоставляют им статус лиц без гражданства. В результате молодых людей не принимают на работу. В таком положении оказался, например, Владимир Пищенко из ст. Старотитаровская.

Другие пятидесятники требуют, чтобы ЗАГС выдавал свидетельства

о рождении их детей без указания в них советского гражданства, т.к. сами они от советского гражданства отказались. Этого добиваются, в частности, Елизавета и Станислав Бабиченко из Батуми.

Смерть Бориса Евдокимова

24 апреля, ввиду тяжелого онкологического заболевания, Борис Евдокимов был освобожден из психбольницы (Хр. 53). Он стал добиваться разрешения на выезд за границу для лечения: из многих европейских стран ему прислали приглашения из клиник и от частных лиц. Однако Ленинградский ОВИР отказался принять у Б. Евдокимова документы — потребовал заключения от Министерства здравоохранения СССР. На заявление его сына Ростислава в Министерство здравоохранения Главный специалист М.И. Глебова ответила:

. . . Современные методы лечения онкологических больных, применяемые в СССР, не отличаются от зарубежных. В связи с этим направлять больного на лечение в другие страны считаем нецелесообразным. При необходимости Вы можете проконсультировать отца в Научно-исследовательском институте онкологии им. Н.Н. Петрова МЗ СССР . . . Данное письмо является направлением на консультацию.

Р. Евдокимов в ответ написал:

. . . Спасибо, но в консультациях мы уже не нуждаемся. Все консультации давно проведены, и речь сейчас может идти только об экстренном и неотложном лечении.

В связи с вышеизложенным становится ясно, что в отношении моего отца перед лицом всего мира происходит обыкновенное медицинское убийство. ...

В августе Ленинградский ОВИР принял у Б. Евдокимова документы. 4 октября, так и не получив разрешения на выезд, он умер.

У е х а л и

В сентябре СССР покинули бывший политзаключенный Владлен Павленков (Хр. 10, 42, 47), его жена Светлана Павленкова (Хр. 42, 47, 48) и их сын Виктор (Хр. 51, 53). Разрешение на выезд они получили через неделю после подачи заявления.

14 сентября уехала в Англию приемная дочь Н. Будулак-Шарьгина (Хр. 51, 52) Анна Котельникова (Хр. 53). Формальное препятствие к отъезду — отсутствие разрешения от отца ее десятилетней дочери — внезапно исчезло. Разрешение на отъезд ей дали за неделю до крайнего срока выезда.

В начале ноября из СССР уехал многолетний узник тюрем и псих-больниц Юрий Белов (Хр. 48, 53).

Из СССР эмигрировала Тамара Лось (Хр. 53).

О выезде Б. Цитленка см. выше.

ЕЩЕ ОБ АЛЬМАНАХЕ "МЕТРОПОЛЬ" (Хр. 52)

В марте в многотиражке Московской писательской организации "Московский литератор" появилось краткое сообщение, что секретариат Союза писателей РСФСР "приостановил" принятое ранее решение о приеме В. Ерофеева и Е. Попова (двое из пяти составителей литературного альманаха "Метрополь") в Союз писателей СССР "за поведение, недостойное звания советского писателя" (в чем заключалось это "поведение", не сообщалось, и "Метрополь" не упоминался). В. Ерофеев и Е. Попов, не получившие никакого официального уведомления об этом "приостановлении", написали в секретариат Союза писателей СССР, что считают его незаконным и по-прежнему являются членами ССП, устава которого они не нарушали. Остальные составители "Метрополя" В. Аксенов, А. Битов и Ф. Искандер и участники альманаха С. Липкин и И. Лисянская в открытом письме в секретариат ССП заявили, что выйдут из Союза писателей, если решение об исключении В. Ерофеева и Е. Попова не будет отменено и им не выдадут членских билетов Союза писателей; одновременно с аналогичным письмом в Союз обратилась Б. Ахмадулина. Через некоторое время все шестеро получили из секретариата Союза писателей письма примерно одинакового содержания: им предлагалось продолжать заниматься литературной деятельностью и "прекратить политиканство". В. Ерофееву же и Е. Попову на неоднократных "беседах" в секретариате ССП предлагалось в качестве условия восстановления в Союзе "отмежеваться от альманаха, преследующего отнюдь не литературные, а чисто политические цели" (в роли "уговаривателей" теперь выступали Ю. Верченко и С. Михалков). Ерофеев и Попов настаивали на том, что "Метрополь" — чисто литературное предприятие и его выход не может рассматриваться как нарушение устава Союза писателей; на заверения секретарей Союза, что те "не хотят конфронтации", Ерофеев и Попов отвечали, что "конфронтация" никоим образом не является и их целью.

В мае стало известно, что все пятеро составителей "Метрополя" кооптированы в Европейскую организацию СЪЕЛЬ (Комитет сотрудничества европейских интеллектуалов); это дало повод секретарям Союза на очередной "беседе" указать, что составители вступили в противоречие с декларированными ими чисто литературными целями, поскольку СЪЕЛЬ является не литературной, а именно политической организацией, причем имеющей антисоветскую направленность. (В этот Комитет входят и некоторые из недавних эмигрантов, например, В. Максимов и Л. Плющ.)

Составители "Метрополя" сообщили СЪЕЛЬ, что, будучи литераторами, а не политическими деятелями, они считают необходимым отказаться от членства в этой организации.

Вопрос о восстановлении Ерофеева и Попова в Союзе писателей, согласно обещанию руководства Союза, должен быть решен 20 декабря.

Между тем "репрессивные санкции" против участников альманаха понемногу отменялись. В частности, издательство "Советский писатель" выпустило сборник рассказов Искандера (сильно урезанным тиражом); были разрешены также некоторые публичные выступления (не все из ранее запланированных). Попову было обещано задержанное ранее издание его рассказов в красноярском издательстве. Аксенову обещана длительная (на 2 года) заграничная командировка. В интервью, данному им газете "Нью-Йорк Таймс", Аксенов заявил, что, если гонения, которым он подвергается в связи с выходом "Метрополя", не прекратятся, он будет вынужден не возвращаться в СССР.

* * *

Издательство "Ардис" (США), выпустившее ранее небольшое количество факсимильных оттисков "Метрополя", опубликовало альманах типографским способом. Французское издательство "Галлимар" готовит перевод альманаха на французский язык.

* * *

В августе пять американских писателей — Э. Олби, А. Миллер, У. Стайрон, Дж. Апдайк, К. Воннегут — направили в Московскую писательскую организацию телеграмму с протестом против запрещения альманаха "Метрополь" и тех официальных акций, которые имели место в отношении составителей альманаха.

22 августа первый секретарь правления Московского отделения СП РСФСР Ф. Кузнецов направил им ответ. 19 сентября этот ответ (с редакционным предисловием и послесловием автора) под заголовком "О чем шум?..." был напечатан в "Литературной газете".

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Суд над Цурковой

4 апреля, вызванная в качестве свидетеля на суд над Цурковым (Хр. 53), Ирина Лопатухина отказалась давать показания. 6 апреля, вместе с приговором по делу Цуркова, Ленинградский городской суд вынес определение о возбуждении против Лопатухиной уголовного дела по ст. 182 УК РСФСР ("Отказ или уклонение свидетеля ... от дачи показаний..."). Верховный суд РСФСР, рассмотрев в кассационном порядке дело Цуркова, утвердил как приговор, так и определение.

11 сентября следователь прокуратуры Дзержинского района Ленинграда Селин предъявил И. Цурковой (23 мая в следственном изоляторе Ленинградского УКГБ состоялась регистрация брака А. Цуркова и И. Лопатухиной — Хр. 53) обвинение по ст. 182 УК РСФСР и взял с нее подписку о невыезде.

27 сентября Селин подписал обвинительное заключение:

...

В совершении преступления, предусмотренного ст. 182 УК

РСФСР, вину свою признает полностью, но в этом не раскаивается, потому что считает, что из родственных чувств она не имела морального права давать показания против своего мужа.

8 октября народный суд Дзержинского р-на Ленинграда под председательством В.И. Полуднякова приговорил И. Цуркову к 3 месяцам исправительных работ (по месту работы) с удержанием 20% зарплаты.

* * *

Тарту. К полутора годам общего режима по ч. 1 ст. 78 УК ЭССР ("Уклонение от очередного призыва на действительную военную службу") приговорены Тезт Папсон (24 августа) и Аннес Энжиельми (20 сентября), отказавшиеся служить в армии из пацифистских соображений.

* * *

Ереван — Москва. Э. Арутюнян (арест — Хр. 53) проходил экспертизу в Институте им. Сербского. В сентябре он был отправлен в Ереван. Результаты экспертизы он не знает. До экспертизы его ни разу не допрашивали; в чем его обвиняют, он не знает.

* * *

Горьковская обл. В сентябре к А.Ф. Шуткину приехал сотрудник Горьковского УКГБ. Он интересовался, как Шуткин передал на Запад свой очерк "Как я стал диссидентом" (Хр. 52; в сентябре этот очерк транслировался радиостанцией "Свобода"). Он расспрашивал Шуткина о знакомстве с диссидентами, в частности, с Л. Бойцовой и В. Некипеловым, и просил дать характеристику последнему. Он также дал понять, что знает о подписании Шуткиным документа № 69 Московской группы "Хельсинки" (Хр. 52). Сотрудник КГБ пытался шантажировать Шуткина, заявив ему, что еще в лагере (1975-77 гг.) он вместе с осужденным Смирновым замышлял после освобождения проведение поджогов и различных террористических актов. Допрашивающий намекал, что в КГБ есть показания Смирнова (после "условного освобождения с обязательным привлечением к труду" Смирнов погиб при загадочных обстоятельствах).

Шуткин отверг шантаж и отказался отвечать на вопросы.

Вскоре была сделана попытка уволить Шуткина с работы (лишь в августе он устроился на должность директора сельского дома культуры). В конце сентября в отдел культуры Горьковского облисполкома пришла анонимка, сообщающая, что на работу принят "антисоветчик". Зав. отделом культуры Краснобаковского райисполкома предложила Шуткину уволиться. В ответ он написал заявление:

В Чашихинский сельский совет при Краснобаковском р-не Горьковской области, председателю.

В районный отдел культуры Краснобаковского р-на

Копия: г. Москва, ул. Чкалова д. 49

А. Д. Сахарову

от гр-на Шуткина А.Ф.

Заявление

Я, как гражданин СССР, не наделен от правительства элементарными политическими свободами, при наличии которых смог бы постоять за свое гражданское и человеческое достоинство и встать против лжи и бесправия, которым подвергается в нашей стране каждый, кто посмеет говорить правду!

Поэтому я готов быть изгнанником с работы и быть бесправным безработным.

Заявление написано под нажимом.

А. Шуткин

28 сентября 1979 г.

17 октября сессия Чашихинского сельсовета рассмотрела вопрос о пребывании Шуткина на работе. На заседании Шуткину задали вопрос, почему он пишет Сахарову, который "продался американцам". Шуткин объяснил собравшимся, кто такой Сахаров. Большинство депутатов сельсовета проголосовало за оставление Шуткина на работе.

* * *

Тарту. Последние 12 лет Март Никлус (Хр. 42, 43, 47, 48, 50, 51) работал на вечерних курсах иностранных языков и приобрел в городе большую популярность как оригинальный преподаватель английского, французского и немецкого. С недавних пор отношение к Никлусу руководства курсов ухудшилось — его нагрузка была резко сокращена. Когда же он по просьбе своих учеников согласился продолжить занятия с ними бесплатно, ему один за другим вынесли четыре выговора: за "нарушение трудовой дисциплины", "деорганизацию учебной работы", "самоуправство". Эти выговоры послужили формальным основанием для увольнения Никлуса с работы — 13 ноября его уволили.

* * *

Железноводск (Ставропольский край). В июле Олег Соловьев (Хр. 52) был вызван в психдиспансер. Врач Фекса расспросил Соловьева о его трудовом конфликте (работая кочегаром, Соловьев затеял тяжбу с администрацией по поводу ненормальных условий труда в котельных) и посоветовал вести себя благоразумнее: "Многие думают, как вы, но молчат". Он предложил Соловьеву в декабре явиться на

повторную беседу. Мать О. Соловьева пригласили в КГБ, где с ней беседовали об очерке сына "Душевно больной? Нет, социально опасный!", напечатанном в "Континенте".

Беседа с Бахминым

17 октября вечером В. Бахмину позвонил по телефону Б.Б. Каратаев (Хр. 45, 47, 51) и пригласил его на следующее утро явиться в КГБ для беседы с "руководством". Когда Бахмин попросил вызвать его официально, повесткой, Каратаев дал понять, что, если Бахмин не явится, его вызовут через отдел кадров. Бахмин согласился приехать.

18 октября Бахмина принял С.И. Соколов, "напутствовавший" его и И. Каплун перед освобождением из Лефортова после помилования в 1970 г. (Хр. 16).

Соколов сказал, что его интересует деятельность Бахмина как члена Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Он "посоветовал" Бахмину прекратить эту деятельность и стал указывать на ошибки, якобы содержащиеся в материалах Информационного бюллетеня Рабочей комиссии. Бахмин в ответ предложил Соколову регулярно информировать комиссию о замеченных неточностях и обещал исправлять их, если проверка покажет правильность сообщенных сведений. Соколов отказался и, в свою очередь, предложил Бахмину, если он столкнется с какими-либо случаями злоупотребления психиатрией, обращаться к Булату Базербиевичу Каратаеву, который разберется и окажет всемерную помощь.

В ходе беседы Соколов повторил распространяющиеся КГБ обвинения в адрес Гинзбурга и Орлова, якобы существовавших на средства "диссидентского фонда", от которого перепадает и Бахмину. Соколов сказал, что все эмигранты, лечившиеся в психбольницах в Советском Союзе, регулярно попадают в аналогичные клиники на Западе. Например, Файнберг, по словам Соколова, уже несколько раз госпитализировался после отъезда из СССР, и английской коммунистической газете будут возвращены деньги, которые, по иску Файнберга, были выплачены в качестве компенсации за клевету, после того как газета перепечатала посвященную ему статью из "Литературки" (Хр. 39).

На прощание Соколов предупредил Бахмина, что его деятельность противозаконна, что он распространяет клеветническую информацию, которая используется враждебными нашей стране организациями.

После беседы Бахмин спросил Каратаева о чине Соколова. Каратаев отговорился незнанием.

Беседа с Мейманом

14 сентября член Московской группы "Хельсинки" Наум Мейман был вызван для беседы с председателем исполкома Москворецкого

райсовета Саблиным. На беседе присутствовали еще двое, один из которых представился секретарем райкома партии, а другой — профессором философии.

Саблин сказал Мейману, что его вызвали для беседы, т.к. руководство района обеспокоено тем, что Мейман занимается вредной для страны деятельностью. Секретарь райкома начал зачитывать досье, присланное, по его словам, АПН, в котором перечислялись упоминания Меймана в передачах западного радио. Он сказал, что действия Меймана направлены на распространение антисоветской клеветы.

Мейман заявил, что он полагал, что вызван по поводу его желания эмигрировать в Израиль, однако его собеседники ответили, что досье имеет прямое отношение к этому вопросу. Затем ему стали доказывать, что деятельность Группы "Хельсинки" противоречит Хельсинкскому соглашению.

Мейман, однако, настоял на обсуждении вопроса о выезде. Ему сказали, что выехать из страны он не сумеет, так как на Западе смогут использовать его квалификацию против СССР. Тот факт, что он уже более 24-х лет не занимается секретной работой, не имеет никакого значения, а вот участие в Группе "Хельсинки" препятствует положительному решению вопроса о выезде.

В документе Хельсинкской группы № 101 (см. "Письма и заявления") говорится:

...

Реальный смысл беседы заключается в том, что Мейману при этом давали неоднократно "настоятельные," по словам его собеседников, советы прекратить "вредную деятельность", в частности, выйти из Группы. Это, безусловно, является и предостережением, и угрозой. В первую очередь, Мейману, но одновременно и всей Группе "Хельсинки".

Беседа с Островской

27 июля жительница Усть-Неры (Якутская АССР) Н. Островская была вызвана в военкомат. Там находился сотрудник КГБ, препроводивший ее в райотдел КГБ на беседу, длившуюся полтора часа.

Протокол не велся.

Начальник райотдела КГБ Герасимов ставил в вину Островской разговоры о судебном процессе над А. Подрабинком (Хр. 50) и его ссылке в Усть-Неру (Подрабинек и его жена живут в доме Островской). Островской было предложено написать объяснительную записку по поводу распространения ею "заведомо ложных измышлений ...". Она отказалась, после чего Герасимов стал угрожать ей возбуждением уголовного дела по ст. 190-1 УК РСФСР. Островскую шантажировали также какими-то якобы известными органам подробностями ее личной жизни.

В написанном в тот же день заявлении прокурору Оймьяконского р-на Н. Островская протестует против шантажа и угроз и требует пресечь незаконные действия органов безопасности.

С аналогичным заявлением в Прокуратуру СССР и обращением к советским и зарубежным правозащитным организациям выступил А. Подрабинек.

* * *

Камешково (Владимирская обл.). В августе, вернувшись из отпуска, В. Некипелов обнаружил, что на чердачные люки в его доме навешены замки. Еще через несколько дней наглухо забили чердачные окна. Таким образом, значительно увеличилась пожарная опасность. Некипелов потребовал ключи от чердака. В домоуправлении ему в этом отказали и сказали, что окна забила милиция, а замки навесил лично начальник инспекции госпожарнадзора майор М.В. Ганжа. Некипелов заподозрил, что на чердаке установлено подслушивающее устройство. 10 октября он направил заявление Ганже и прокурору Владимирской области. 20 октября пришел ответ, гласивший, что опечатывание чердака произведено на основании "Типовых правил пожарной безопасности" и что за ключами следует обратиться в домоуправление. Однако ключей ему там опять не дали.

24 октября капитан Калмыков (и.о. начальника инспекции госпожарнадзора) и домоуправ Дмитрийев сами явились к Некипелову и вручили ему ключи.

* * *

Юрьев-Польский (Владимирская обл.). 20 июня В. Фефелов (Хр. 53) был задержан сотрудниками ГАИ, которые заявили, что Фефелов ведет машину в нетрезвом состоянии, и отвезли его в Кольчугинскую больницу на медэкспертизу. Врач, проводивший экспертизу, сказал, что Фефелов абсолютно трезв, однако под давлением милиции написал заключение, что Фефелов находится в состоянии "легкого опьянения".

15 июля Фефелова на его же машине доставили в райотдел милиции; там с машины были сняты номерные знаки. В ответ на это Фефелов заявил, что будет находиться в машине и держать голодовку, покуда ему не вернут знаки. Ночь он провел у здания милиции, а наутро начальник ГАИ Чернов (Хр. 51, 53) объявил ему, что на основании протокола от 20 июня срок лишения водительских прав, истекающий в октябре 1982 г. (Хр. 51), продлен еще на 5 лет. Фефелова оштрафовали на 30 рублей и вернули ему номерные знаки.

Фефелову не раз давали понять, что, если он прекратит свою деятельность в Инициативной группе защиты прав инвалидов в СССР, ему возвратят права.

25 сентября к нему вновь пришли представители местных властей (Хр. 52, 53). Фефелов потребовал прекратить эти посещения и заявил, что деятельность в Инициативной группе будет продолжаться, так как государство не заботится об инвалидах.

* * *

Москва. Возвращаясь со дня рождения, В. Кувакин, Ю. Гримм, В. Репников и В. Григоренко зашли в вестибюль метро. Там их окружили милиционеры и доставили в пристанционную комнату милиции. Капитан Бирман объяснил им, что они задержаны по подозрению в нападении на милиционера. Всех подвергли личному обыску, и на каждого был составлен протокол. Через час-полтора Бирман сказал, что подозрение в нападении на милиционера не подтвердилось, и предложил расписаться в протоколах, чтобы подтвердить возвращение изъятых на обыске вещей и документов.

В. Кувакин, подписывая протокол, вписал в него: "Находился в легкой степени опьянения, никаких правонарушений не допустил".

13 сентября в бухгалтерию по месту работы Кувакина пришло постановление о взыскании штрафа. Выяснилось, что штраф в размере 10 рублей наложен за появление в общественном месте в нетрезвом состоянии.

19 сентября Кувакин написал жалобу, в которой доказывает необоснованность штрафа.

* * *

Москва. 4 марта, в день выборов в Верховный Совет СССР, к москвичам Наталии и Олегу Поповым пришел агитатор, чтобы узнать, почему они не проголосовали. Поповы ответили, что в выборах участвовать отказываются. Через два часа к ним явились председатель избирательной комиссии и сотрудник, ответственный за избирательную кампанию на этом участке. Они спросили причину отказа и получили ответ, что право избирать и быть избранным, записанное в Конституции, есть именно право, а не обязанность. Поповых сначала уговаривали, затем пугали последствиями. Наконец, визитеры удалились. В 18 часов прибыл новый посетитель — зам. зав. идеологическим отделом Ворошиловского райкома партии Н.П. Суровцев. Не добившись согласия Поповых принять участие в голосовании, он пообещал им неприятности на работе. К 20 часам к Поповым явилась делегация из института биофизики, ответственного за проведение избирательной кампании. Поповых упрасивали явиться на участок и вычеркнуть фамилии кандидатов, если они не желают их избирать. Поповы отказались. Не поддались они и на уговоры по телефону секретаря райкома партии. За 10 минут до окончания голосования к ним явилась избирательная комиссия в полном составе, но заставить проголосовать не сумела.

На следующий день Н. Попову вызвали к руководству института Росгипрониисельхозстрой Госстроя РСФСР, где она работает, и потребовали объяснить неучастие в выборах. Она сослалась на свое конституционное право, а в ответ на угрозы сказала, что в случае принятия против нее каких-либо санкций обратится в высшие инстанции. Ее заверили, что никаких репрессий не последует, но политинформацию ей больше проводить не позволят.

* * *

Отделением биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР разработано новое типовое "Научно-техническое задание" для ученых академических институтов, выезжающих за границу на симпозиумы и коллоквиумы.

В этом "задании", утвержденном академиком, секретарем Отделения А.А. Баевым, в частности, говорится:

2. В беседах с зарубежными учеными широко пропагандировать достижения советской науки и успехи социалистического строительства в СССР, миролюбивую политику нашего государства, решения XXV съезда КПСС.

3. Разъяснять и популяризировать идеи новой Конституции СССР, при возникновении вопроса о "правах человека" исходить из нашей принципиальной позиции, изложенной в центральной печати.

* * *

В газете "Книжное обозрение" № 44 от 2 ноября 1979 г. напечатан список книг, опубликованных в серии "Пламенные революционеры", издаваемой Политиздатом с 1968 г. В этом списке отсутствуют названия по меньшей мере семи книг: эмигрировавших Анатолия Гладили-на (Хр. 40) "Евангелие от Робеспьера" и "Сны Шлиссельбургской крепости", Марка Поповского (Хр. 47) "Побежденное время" и Игоря Ефимова (печатавшегося в Самиздате под псевдонимом Московит — Хр. 38, 53) "Свергнуть всякое иго", а также Владимира Войновича (Хр. 30, 32, 36, 38, 42, 43) "Степень доверия", Владимира Корнилова (Хр. 32, 38, 45) "Сказать не желаю ..." и Раисы Орловой (жены Л. Копелева — Хр. 36, 38, 40, 45) "Поднявший меч".

* * *

Согласно многочисленным приказам Главного управления по охране государственных тайн в печати СМ СССР (Главлит) из библиотек должны быть изъяты и в Главлит переданы все книги эмигрировавших Р.Л. Баумволь (Хр. 35), А. Белинкова (Хр. 35), А.А. Галича (Хр. 32), А. Гладили-на (Хр. 40), А. Кузнецова (Хр. 35), И. Керлера (Хр. 35), В. Максимова (Хр. 32), В. Некрасова (Хр. 32), А.М. Некрича (Хр. 41), А. Синявского (Хр. 30), А.И. Солженицына (Хр. 32), З.Л. Телесина (Хр. 35), Е. Эткинда (Хр. 34), книги осужденного Н. Руденко (Хр. 46) и находящегося под следствием А. Бердника (Хр. 53), книги "Национально-освободительное движение в Чехословакии" (издана в 1938 г.), "Рождение Чехословацкой народной армии" (Воениздат, 1959) и "История коммунистической партии Чехословакии" (М., Госполитиздат, 1962), книга В. Копецкого "Воспоминания (из истории Чехословацкой республики и борьбы коммунистической партии Чехословакии за

победу социализма)'' (Изд-во иностранной литературы, 1962) и книга Е. Евсеева ''Соинизм: идеология и политика'' (изд-во ''Московский рабочий'', 1971), книги Р. Гароди и О. Шика.

* * *

На международную книжную выставку-ярмарку в Москве советской таможенной не были пропущены биографии М. Барышникова (бывший солист [советского] балета, оставшийся за границей) и Н.И. Бухарина и автобиографическая книга М. Бегина (в ней имеется воспоминание о его пребывании в советских лагерях).

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ

О. Лукаускайте-Пошкене. *Генеральному секретарю ООН. XXXIV сессии Генеральной ассамблеи ООН. Специальному комитету по вопросу о ходе осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам* (22 августа 1979 г.)

23 августа 1979 г. исполнилось 40 лет со дня подписания договора о ненападении между СССР и Германией. Секретные протоколы, приложенные к этому договору, намечали оккупацию Литвы, Латвии и Эстонии. В 1940 г. оккупация совершилась.

Автор, член Литовской группы ''Хельсинки'', от имени Группы просит

срочно принять нужные меры к тому, чтобы колониализм в Литве и других странах поработенной Прибалтики был окончательно ликвидирован ...

Мы также просим призвать все государства — члены ООН — оказывать нам моральную, политическую и материальную поддержку в нашей справедливой борьбе.

Кроме того, просим, чтобы все государства, а также специализированные учреждения и международные организации воздержались от оказания какой-либо помощи правительству СССР, пока оно не откажется от своей политики колониального господства в Литве, Латвии и Эстонии.

48 подписей. *Правительствам СССР, ФРГ и ГДР. Правительствам стран, подписавших Атлантическую хартию. Генеральному секретарю ООН* (23 августа 1979 г.)

48 литовцев, латышей и эстонцев обратились к правительствам СССР, ФРГ и ГДР с просьбой опубликовать полный текст советско-германского договора о ненападении и секретных протоколов к нему и объявить их недействительными с момента подписания; они обратились к прави-

тельствам стран, подписавших Атлантическую хартию, с просьбой осудить договор и его последствия; они обратились к Генеральному секретарю ООН с просьбой поднять на сессии Генеральной ассамблеи ООН этот вопрос.

Указанное обращение поддержали А. Сахаров, члены Московской группы "Хельсинки" Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, В. Некипелов, Т. Осипова, а также И. Ковалев, Л. Терновский, И. Жолковская, Т. Великанова, А. Лавут, Ю. Белов.

К Международному году ребенка (документ № 17 Литовской группы "Хельсинки") (15 октября 1979 г.)

...
Мы считаем, что самым большим врагом ребенка в нашей Литовской республике является алкоголизм, который растет вместе со снижением культуры людей.

...
Невзирая на это, настоящая власть Литвы старается продать населению как можно больше алкогольных напитков.

...
И вообще, ...антиалкогольная деятельность здесь рассматривается как антисоветская ...

Вот почему влачащий чужеземное иго с 15 июня 1940 г. литовский народ не имеет возможности не только подымать свою общечеловеческую культуру, но даже остановить ее падение.

...
Права детей нарушаются во многих областях. Система обучения строится на атеистической основе ...

В последнее время усилилось навязывание русского языка в высших, средних школах и даже в детских садах. ...

В литовских средних школах отдельные дисциплины изучаются поверхностно. В учебниках история Литвы фальсифицируется, количество уроков, предназначенных для литовского языка, все время сокращается ...

Два месяца назад 50 литовцев, латышей и эстонцев вместе с группой москвичей... обратились к правительству СССР с просьбой открыто осудить позорный ... сговор Сталина-Гитлера. ... Но на это правительство СССР пока ... не дало никакого ответа. Вместо удовлетворения законных требований начали преследовать лиц, поставивших свою подпись под этим обращением.

...
Поэтому мы ... просим не жалеть усилий для того, чтобы еще в этом году ... осуществить главное, основное условие для развития народов и тем самым их детей — предоставления полной независимости Литве, Латвии и Эстонии.

Под документом подписались четыре человека: Она Лукаускайте-Пошкене, Бронюс Лауринавичюс, Альгирдас Статкявичюс и Мечисловас Юрявичюс.

Комитет общественной самозащиты (Польша), 21 подпись (СССР).
Обращение (31 июля 1979 г.)

...

Мы призываем поднять голос в защиту чешских и словацких правозащитников, подписавших Хартию-77 и незаконно арестованных чехословацкими властями ...

...

А. Сахаров. *Открытое обращение* (24 октября 1979 г.)

Автор призывает руководителей Чехословакии пересмотреть приговоры чешским правозащитникам (см. "Правду" от 25 октября). Он также пишет:

...

Я призываю к открытости общества, к международному доверию и безопасности. Я призываю к пересмотру несправедливых приговоров в Чехословакии, СССР, Китае и всюду в мире. Я призываю к амнистии узников совести во всем мире.

...

Редакция свободного московского журнала "Поиски". *Открытое письмо в редакцию китайского независимого журнала "Искания"* (16 октября 1979 г.)

Все редакторы и сотрудники неофициального московского журнала "Поиски" сегодня потрясены невероятным приговором пекинского суда нашему главному редактору достойному Вэй Циньшэну: 15 лет тюрьмы.

...

Выступая в защиту демократии против однопартийной системы, Вэй Циньшэн указал на коренное зло политической системы, одинаковое у Китая с СССР. ...

Как сообщалось, Вэй осужден за огласку числа жертв вьетнамско-китайского конфликта...

А. Сахаров. *Премьеру Государственного совета КНР Хуа Гофэну* (17 октября 1979 г.)

... Я прошу Вас использовать Ваше влияние для пересмотра приговора Вэй Циньшэну ...

А. Сахаров. *Председателю ПВС СССР Л.И. Брежневу* (13 ноября 1979 г.)

...

Сейчас, когда каждый день промедления означает смерть от голода и болезней тысяч людей, я призываю Вас использовать Ваш личный авторитет и авторитет СССР, чтобы повлиять на позицию правительства Кампучии и правительства СРВ, обеспечить

условия для эффективной международной помощи голодающим. Спасение голодающих должно иметь абсолютный приоритет над всеми политическими и военными проблемами.

А. Сахаров. *Сахаровским слушаниям 1979 г.* (5 сентября 1979 г.)

...

Одно из основных противоречий эпохи — между тенденцией развития общества в направлении плюрализма (экономического, культурного, идеологического) и развития в противоположном направлении тоталитаризма, диктатуры, жестокости. Экспансия тоталитаризма — это одна из основных опасностей современности. ... Два принципа представляются мне особенно важными: равные критерии для всех регионов земного шара, всех стран, для людей всех рас, национальностей, убеждений и верований — политическая и идеологическая беспристрастность; принципиальное ограничение ненасильственными методами — гласностью как главным оружием защиты прав человека.

Автор кратко обозревает ряд вопросов, которые входят в программу Слушаний.

А. Сахаров. *Выступление на собрании Нью-Йоркской Академии наук.*

Текст подготовлен для зачитывания на собрании по поводу присуждения Нью-Йоркской Академией наук премии А.Д. Сахарову. Собрание должно состояться в декабре.

А. Сахаров. *О задачах, предлагавшихся на мехмате МГУ абитуриентам-евреям* (12 июня 1979 г.)

По поводу подборки "Избранные задачи для устного экзамена по математике. Мехмат МГУ, 1978 год" (Хр. 51) автор пишет:

... Давать такие задачи в качестве экзаменационных, по моему мнению, совершенно недопустимо.

...

Сравнение с задачами, предлагаемыми другим, не предназначенным на запланированный провал абитуриентам, подтверждает дискриминационный замысел экзаменаторов.

Следует в заключение добавить, что запланированная дискриминация применяется на экзаменах не только к абитуриентам-евреям, но и к другим категориям экзаменующихся, в частности, к детям диссидентов. ...

А. Сахаров. *Толстовский фонд. Нью-Йорк, США* (27 сентября 1979 г.)

Смерть Александры Львовны Толстой — тяжелая утрата для всех нас. Ее соотечественники во всех странах мира, множество других людей знают об ее гуманной и мудрой инициативе, о деятельной, неистощимой доброте, облегчившей судьбу столь многих. Александра Львовна не будет забыта людьми.

В. Некипелов. *Прокурору Владимирской области* (28 октября 1979 г.)

Автор просит возбудить уголовное дело по ч. 2 ст. 170 УК РСФСР ("Злоупотребление властью или служебным положением") против сотрудника Владимирского УКГБ П. Евсеева и работника Института им. Сербского А.А. Фокина.

В 1970 г. старший следователь Владимирского УКГБ майор Евсеев предложил арестованному М. Кукобаке в обмен на свободу подписать ложное показание, что он встречался со статс-секретарем посольства ФРГ. Кукобака отказался. "Ах, так! — воскликнул Евсеев. — Не согласен? Ну, так я тебе такое устрою — всю жизнь будешь помнить!" Евсеев послал Кукобаку на психиатрическую экспертизу в Институт им. Сербского. Там Кукобаке поставили диагноз "паранойяльная шизофрения" и признали его невменяемым. Психиатром-докладчиком на комиссии был А.А. Фокин.

В апреле 1979 г. экспертиза Института им. Сербского признала Кукобаку вменяемым.

Все это изложено в приложенных к заявлению Некипелова документах "Кто ответит за преступление?" и "Показаниях" Кукобаки.

Ю. Даниэль. *Распорядителям Фонда помощи политзаключенным* (12 ноября 1979 г.)

Автор отвечает на письмо, подписанное псевдонимом "Твердов", в котором содержатся обвинения в адрес распорядителей Фонда; одно из обвинений — Фонд не помог Ю. Даниэлю. Автор пишет, что он не нуждается в помощи общественных организаций.

...

Я не имел, не имею и не могу иметь претензий к Фонду.

...

Я не знаю, кто автор (или авторы) письма, подписанного Твердовым, но полагаю, что единственная цель подобных писем — поссорить всех со всеми.

...

Письмо "Твердова" было получено по почте многими диссидентами; Ю. Даниэль его не получал.

И. Жолковская. *Министру обороны СССР маршалу Устинову* (10 сентября 1979 г.)

В связи с грубым отказом командира военной части, в которой служит Сергей Шibaев (Хр. 53), отвечать И. Жолковской на ее запросы о состоянии здоровья Шibaева она просит указать командованию части на недопустимость такого поведения и заставить ответить, где сейчас находится Шibaев и в каком он состоянии.

А. Подрабинек, А. Хромова, Н. Островская, Л. Островский. *Г-же Маргарет Смит* (9 июня 1979 г.)

Западные корреспонденты посетили пос. Усть-Неру — районный центр Оймяконского р-на Якутской АССР. Через два месяца в местной газете "Северная зоря" появился перевод статьи Маргарет Смит "Все называют его полюсом холода".

Александр Подрабинек, отбывающий ссылку в Усть-Нере (Хр. 53), его жена Алла Хромова и хозяева дома, в котором они живут, супруги Наталья и Леонид Островские (см. также "Разные сообщения") разъясняют г-же Смит, что ее статья не отражает истинного положения в Усть-Нере и что представители власти намеренно ввели ее в заблуждение. Авторы сообщают, что, например, "на каждого работающего гражданина Усть-Неры в магазинах продается по карточкам 4 кг мяса и 400 г масла в месяц".

В. Романюк. *Национальному совету христианских церквей США*

Находящийся в ссылке священник Василий Романюк (Хр. 52) подтверждает свое заявление от 1 июля 1976 г. об отказе от советского гражданства и свою просьбу предоставить ему американское гражданство (Хр. 42). Он просит христиан США помочь ему приобрести американское гражданство.

М. Романюк-Антонюк. *Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей. Папе Римскому* (август 1979 г.)

Жена В. Романюка просит помочь освобождению ее больного мужа от ссылки.

В. Коновалихин. *Председателю ПВС СССР Л.И. Брежневу* (1 мая 1979 г.)

В связи с предмайскими "политическими освобождениями" (Хр. 53) ссылный Вадим Коновалихин (Хр. 52) призывает "освободить всех политзаключенных в Советском Союзе".

В. Коновалихин. *Председателю ПВС СССР Л.И. Брежневу* (5 сентября 1979 г.)

...

Сегодня ... , в День памяти жертв красного террора, шлю палачам свое гневное — будьте вы прокляты, "красные палачи" !

Я также заявляю о своем нежелании оставаться гражданином СССР, ибо звание "Гражданин СССР" обязывает быть соучастником злодеяний, которые проводит КПСС в отношении свободолобивых граждан своей страны.

* * *

Ответ на жалобу ссыльного Е. Пашнина:

Прокуратурой г. Воркуты проверены Ваши жалобы на неправильные действия работника милиции Лебедева, производившего проверку документов рано утром по месту жительства. Согласно положению, работники ГОВД имеют право проверять ссыльных с 6 утра до 22 часов вечера, т.е. нарушений в действиях Лебедева не усматривается. Вопрос о его нетактичном поведении обсужден руководством ГОВД, Лебедеву строго указано на недопустимость такого поведения.

Зам. прокурора г. Воркуты мл. советник юстиции

А.В. Моисеев

("Нетактичное поведение" — это обращение на "ты".)

* * *

Л. Гендин, И. Жив. *Совместное заявление для печати* (15 августа 1979 г.)

...

Нас неоднократно допрашивали в Лефортовской тюрьме КГБ СССР по делу Морозова (Хр. 51, 52 — Хр.), мы постоянно подвергались угрозам и шантажу со стороны следственной бригады, возглавляемой майором КГБ Беляевым Н.Н.; от нас требовали показаний, которые могли быть использованы для нашего же ареста. Кроме того, Льву Гендину было заявлено, что отказ от сотрудничества с органами КГБ "создает непреодолимые преграды в деле его выезда в Израиль для воссоединения с семьей". (Более 7 лет Л. Гендин разлучен с женой, проживающей в Израиле.)

Для оказания давления на нас применялись самые разнообразные методы внесудебного преследования. Была сфальсифицирована провалившаяся впоследствии попытка обвинить Игоря Жива в покушении на убийство, телефонные звонки сотрудников КГБ на работу создали невыносимую обстановку и привели к увольнению Жива. На протяжении длительного времени проводился психологический прессинг с помощью массовой открытой слежки не только за нами, но и за нашими родственниками и близкими, и многое другое.

Помимо этого майор КГБ Беляев открыто заявил Игорю Живу, что создана специальная следственная бригада по возбуждению против него сфабрикованного уголовного дела.

И, наконец, в августе 1979 г. была произведена попытка нашего ареста в пос. Неболчи Новгородской области (около 550 км от Москвы). Характерно, что с целью отвлечь внимание от нашей судьбы органами КГБ в Москве, одновременно с попыткой нашего ареста, был пущен слух о предоставлении Льву Гендину визы на выезд в Израиль.

Нам удалось ценой огромных усилий избежать ареста в Новгородской области и добраться до Москвы. Голодные и измученные, под проливным дождем, мы преодолели около 100 км заболоченного, почти непроходимого леса с одной только целью — сделать предметом гласности и достоянием мировой общественности совершенные против нас акты беззакония и произвола со стороны органов КГБ и милиции.

...

О. Мешко. *Председателю КГБ УССР В.В. Федорчуку* (31 августа 1979 г.)

30 августа Оксана Яковлевна Мешко принесла повестку на допрос в Киевское УКГБ. В своем заявлении она пишет, что отказывается (перевод с украинского)

принимать участие в предварительных следствиях КГБ и закрытых негласных судах над людьми за их взгляды, убеждения, веру и над членами Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений ...

В. Сысоев. *В Рабочую группу по наблюдению за использованием психиатрии в политических целях* (август 1979 г.)

Художник Вячеслав Сысоев (Хр. 53) пишет:

...

... властям не нравится, что я рисую. Я пытаюсь при помощи карикатур и сатирических рисунков (социального, но не антисоветского, как я считаю, содержания) доказать людям, что нельзя жить в мире с ложью и подлостью.

...

... я отказываюсь являться на допросы... насильно увезли на допрос Бодэ Е.С., не забывают "навещать" и мою 70-летнюю мать.

... в июне месяце с.г. власти направили какие-то рисунки на экспертизу, насколько мне известно, в Художественный всесоюзный научно-реставрационный центр им. Грабаря ... после экспертизы искусствоведческой следствие решило подключить к "делу Сысоева" психиатров из больницы им. Ганнушкина. ...

Я считаю, что новый поворот следствия... грозит мне заключением в психиатрическую больницу...

Но может ли творчески мыслящий человек прекратить свою деятельность или заменить ее только потому, что это нужно тем, кто хотел бы, чтобы все "сидели тихо и говорили тихо"?

В. Фефелов, О. Зайцева. *В редакции газет "Русская мысль" и "Новое русское слово"* (сентябрь 1979 г.)

Член Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР Валерий Фефелов и его жена Ольга Зайцева описывают нищенское и бесправное положение инвалидов в СССР.

Документы Католического комитета защиты прав верующих

№ 19 (15 августа 1979 г.). Об избиении Д. Кяльмелене и о задержании А. Раманаускайте (см. "События в Литве"). О положении католиков Молдавии (Хр. 47, 48, 53).

№ 20 (15 августа 1979 г.). Обращение по поводу приближающегося 800-летия крещения Литвы и 500-летия со дня смерти святого Казимира.

№ 21 (12 сентября 1979 г.). О вмешательстве властей в выборы церковных комитетов (см. "События в Литве").

№ 22 (12 сентября 1979 г.). О судьбе пятидесятника Виктора Васильева (см. "Право на выезд").

№ 23 (23 сентября 1979 г.). О праве верующих на религиозное воспитание детей. О суде над А. Раманаускайте (см. "События в Литве").

№ 24 (13 ноября 1979 г.). Об издании катехизисов.

Документы Московской группы "Хельсинки"

№ 99 (25 августа 1979 г.). О преследованиях евангельских христиан-баптистов в Рязанской области (см. "Преследования верующих").

№ 100 (30 августа 1979 г.). *Репрессии по идеологическим мотивам (август 78 — август 79)*. Подзаголовки: Украина, Армения, Прибалтийские республики, Московская группа "Хельсинки", Межпрофессиональное объединение трудящихся, Неподцензурный журнал "Поиски" (Москва), Молодежная группа социал-коммунистического направления, журнал "Перспективы" (Ленинград), Христианский семинар, Христиане-баптисты, Пятидесятники, Адвентисты, Эмиграция немцев, Эмиграция (независимо от мотивов), Крымские татары, возвращение на родину (см. Хр. 50-53 и наст. вып.). Приложение № 1 — список 113 репрессированных с краткими характеристиками их "дел". Имеется еще 6 приложений.

№ 101 (17 сентября 1979 г.). *Угрозы Московской группе "Хельсинки"* (см. "Аресты, обыски, допросы" и "Разные сообщения").

№ 102 (7 октября 1979 г.). *К событиям на Украине. Уголовный террор против правозащитного движения* (см. Хр. 53 и наст. вып.).

№ 103 (7 октября 1979 г.) *Арест Эдуарда Арутюняна* (см. Хр. 53).

№ 104 (13 октября 1979 г.). *Новые попытки подавления гласности и милосердия* (об обысках 11 октября у Т. Вепикановой и Т. Осиповой — см. "Аресты, обыски, допросы").

№ 105 (29 октября 1979 г.). Сообщается, что Иван Ковалев (сын Сергея Ковалева) стал членом Московской группы "Хельсинки".

№ 106 (30 октября 1979 г.). *Обамнистии политзаключенных.*

№ 107 (30 октября 1979 г.). *О суде над шестью чехословацкими правозащитниками.*

№ 108 (30 октября 1979 г.). *Чистопольская тюрьма* (см. Хр. 53 и наст. вып.).

№ 109 (30 октября 1979 г.). *О содержании в заключении "двадцатипятилетников", инвалидов, стариков и женщин.*

№ 110 (30 октября 1979 г.). *Амнистия для женщин, объявленная в связи с Международным годом ребенка, не распространяется на узниц совести.*

№ 111 (3 ноября 1979 г.). *Резкое усиление преследований правозащитного движения в СССР* (об аресте Т. Великановой, Г. Якунина и А. Терляцкаса — см. наст. вып.).

НОВОСТИ САМИЗДАТА

С. Солдатов. *10 лет демократического движения (1969-1979)*, (1979 г., 33 стр.)

На титуле — подзаголовок "Юбилейный сборник" и посвящение "Демократам и этикам посвящается". В "Предисловии составителя" указано, что все 7 работ, содержащихся в сборнике, написаны С. Солдатовым в заключении.

Содержание: "К социально-нравственному возрождению!", "12 принципов русского дела (письмо к русским патриотам)" (март 1978 г.), "6 тезисов за свободно-национальную Россию (открытое письмо русскому экономисту)", "Русская мысль" (Париж)", "В защиту очага и семьи (против социальной агрессии власти), иск советскому правительству", "Академику А.Д. Сахарову, в Комитет прав человека ООН" (1979 г.), "Правительству СССР" (30 сентября 1979 г.), "Основы политики будущего (перспективно-политический план)".

Из письма "Правительству СССР":

...

... Как один из ведущих деятелей демократического движения и член его координационного совета, ... я предлагаю Советскому правительству:

1. Легализовать деятельность демократического движения и его республиканских филиалов. ...

2. Разрешить издание подцензурного органа информации демократического движения. ...

Я готов вступить в переговоры по этим вопросам с представителями правительства СССР. ...

В. Некипелов, К. Великанова. *Мыт и мытарники (советская таможня на страже завоеваний Октября)* (октябрь 1979 г., 11 стр.)

Авторы рассматривают различные аспекты деятельности советской таможенной системы. Высокий таможенный сбор за вещи, присылаемые советским гражданам заграничными знакомыми и родственниками, не соразмерен ни со стоимостью этих предметов (как за границей, так и в СССР), ни с зарплатой адресата; к тому же величина пошлины постоянно меняется — в зависимости от числа одноименных предметов в посылке, от места отправки (чем дальше, тем выше), а иногда и совершенно произвольно. Из-за таможенных поборов благая цель отправителя — порадовать, оказать материальную помощь своему ближнему в СССР — извращается до противоположности.

Новые правила денежных переводов из-за рубежа, введенные в 1976 г., сделали переводы тоже настолько убыточными для отправителей, что большинство из них отказывается от этого вида почтовой "услуги". Посылки (если они отправлены не через Внешпосылторг) подвергаются варварскому досмотру, при котором многие вещи оказываются испорченными. Очень часто пропадают из посылок книги — тем легче, что нечетко сформулированная инструкция допускает произвол таможенных чинов в отношении книг.

Еще менее щепетильна таможня при досмотре и отправке имущества граждан, покидающих Советский Союз. Постоянно меняющиеся, неясно очерченные, алогичные правила провоза багажа, процедура его таможенного досмотра и личного обыска превращают отъезд в цепь унижений. А после досмотра, при отправке, вещи намеренно варварски портятся — и никто не несет за это никакой ответственности перед владельцами.

Положения статьи подкреплены цифровыми данными, ссылками на конкретные случаи. Вывод авторов: правовой регламент, как и практика советской таможенной системы нацелены против законных имущественных интересов и прав граждан, причиняют им материальный и моральный ущерб. ("Мыт" — старинное название таможенного сбора.)

В. Некипелов, Ф. Серебров. *Факультет демократии (о зарубежных радиопередачах на русском языке: советы и пожелания)* (ноябрь 1979 г., 7 стр.)

Н. Толмачев. *Чем юношей питают?* (сентябрь 1979 г., 8 стр.)

Памфлет о советской школе написан учителем Николаем Толмачевым (1949 г.р.). В Самиздате распространялись его повести "Живи и надейся" и "Купите наши души" (1978 г.).

С. Черемухин. *"По техническим причинам"* (январь 1979 г., 2 стр.); *Любовь с отгулами* (январь 1979 г., 2 стр.); *Надежды на Олимпиаду*

(сентябрь 1979 г., 2 стр.); *Картошка-кормилица* (октябрь 1979 г., 4 стр.)

Первый очерк — о массовых задержках и опозданиях поездов в январе 1979 г., о том, как даже в таком пустячном деле бояться сказать правду. Второй — о системе отгулов (за выступление на собрании, за участие во встрече иностранного гостя и т.п.). Из третьего очерка: "Но самые большие надежды обыкновенных советских граждан на Олимпиаду связаны, конечно, с вопросами продовольствия". Четвертый очерк комментирует цифру из "Литературной газеты": мелкие усадебные участки занимают 1% всей посевной площади, занятой под картофель, но дают 60% его урожая.

А. Каменский. *Второго пришествия не будет* (инвенция памяти Сталина) (1979 г., 12 стр.)

Эпиграф: "Недоброй памяти Иосифа Виссарионовича Сталина посвящается". Последние фразы:

Сталин лежит у кремлевской стены, еще ожидая дня своего второго пришествия, но идея прав человека надежней заклинивший охраняет нас от слепого чудовища. Второго пришествия не будет! Покоритесь этому, товарищ Сталин, — Вам уже не проснуться.

Л. Ларина. *Сельское хозяйство в СССР* (1979 г., 30 стр.); *Дети в СССР* (1979 г., 25 стр.)

Обе работы имеют подзаголовок "Факты из официальной советской печати" и представляют собой сборники цитат из газет и журналов с очень небольшим авторским комментарием.

Первый сборник содержит разделы: Земледелие, Животноводство и птицеводство, Корма, Дары леса, Удобрения, Наука, Сельскохозяйственное машиностроение, Потери, Личное хозяйство, Строительство.

Разделы второго сборника: Ясли и детсады, Игрушки и игры, Школа, Школа жизни, Здоровье.

Юридическая справка для граждан СССР, эмигрирующих в государство Израиль (январь 1979 г., 30 стр.)

Редактор — И. Цитовский.

Выезд в Израиль — право и практика № 2 (март 1979 г., 54 стр.)

Составители — М. Рябкина, И. Цитовский.

Выезд в Израиль — право и практика № 3 (июнь 1979 г., 57 стр.)

Составитель — М. Беренфельд.

В выпуске — дело Амнера Завурова (Хр. 44), положение с регистрацией преподавателей языка иврит.

В защиту экономических свобод, вып. 8 (1979 г., 119 стр.)

Составитель — В. Грин.

В выпуске — статья Б. Бруцкуса "Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе", статьи В. Грина "Как выжить в условиях экономической несвободы" и "Юридические основы экономического насилия в СССР" (очерк второй), статья В. Кувакина "О праве на труд в СССР", письмо К. Любарского о жизни на Западе.

Литовский Самиздат

"Хроника Литовской Католической Церкви", вып. 40 (19 октября 1979 г.)

"Аушра" № 17 (57) (август 1979 г.)

Большую часть журнала занимает документ, озаглавленный "Моральный ультиматум правительству СССР", подписанный Лигой свободы Литвы (Хр. 51). Лига свободы Литвы (ЛСЛ) от имени народов Прибалтики требует освободить Литву, опубликовать все тайные материалы переговоров с гитлеровской Германией и принести публичные извинения за 40-летнюю оккупацию. После этого, заявляет ЛСЛ, можно будет начать советско-литовские переговоры, опираясь на мирный договор между РСФСР и Литвой от 12 июля 1920 г. В документе содержится также призыв к роспуску советской "империи". ЛСЛ призывает все государства и народы мира к бойкоту СССР, если советское правительство не выполнит ее требований. В приложении публикуются материалы соглашений между Гитлером и Сталиным.

Следующий материал — обращение "Народного совета ЛСЛ" ко всем русским, проживающим на территории Литвы. ЛСЛ требует, чтобы они покинули страну "во избежание лишнего кровопролития".

В номере также напечатаны статья о деле Р. Рагайшиса (см. "События в Литве") и очерк, посвященный судьбе семьи художницы Юрате Масюлене-Бичюнайте (ее отец, деятель литовской культуры В. Бичюнас, и почти вся его семья погибли в 40-х годах в лагерях и ссылках).

"Аушра" № 18 (58) (октябрь 1979 г.)

Обращение ЛСЛ к Организации Объединенных Наций с просьбой помочь Специальному комитету ООН по деколонизации добиться "освобождения прибалтийских народов от колониальной зависимости".

Коллективное письмо, посвященное сорокалетию советско-германского договора (см. "Письма и заявления"), и обращение Марта Никлуса на ту же тему.

Кроме того, в номере — материалы о затруднениях, которые испытывают бывшие политзаключенные при прописке в Литве, заметки о политической, культурной и общественной жизни в республике. Здесь же заметка под названием "Чесюнас в Вильнюсе". По версии "Аушры", советский спортсмен, олимпийский чемпион по гребле Чесюнас, который попросил политического убежища в ФРГ, а потом неожиданно оказался в СССР, был вывезен из Западной Германии насильственно, с помощью

агентов КГБ. Он якобы сильно покалечен, содержится в больнице МВД в Вильнюсе под охраной. Официальная советская версия судьбы Чесюнаса кардинально отличается от этой.

"Аушра" № 19 (59) (ноябрь 1979 г.)

В выпуске:

- Обращение к К. Вальдхайму, государствам, подписавшим Заключительный Акт в Хельсинки, "Международной Амнистии", Хельсинкским группам Европы и Америки – в защиту Антанаса Терляцкаса;
- статьи, памфлеты, очерки. В частности, очерк "Вождь Калнокас" – об одном из лидеров партизанского движения в Литве в 1944-1958 гг.;
- подборка материалов на антиалкогольную тему.

"Рупинтоелис" № 10 (сентябрь 1979 г., 66 стр.)

"Перспективос" № 17 (1979 г., 25 стр.)

В номере – статья М. Баскаса "Торжество мира" (в редакционном примечании сказано, что статья получена от "Союза литовских коммунистов за выход Литвы из СССР") и приложение к ней под названием "Реальность все еще не в чести".

Эстонский Самиздат

"Дополнительные материалы о свободном распространении в Эстонии идей и информации", вып. 3 и 5 (на эстонском языке)

Выпуски 1 и 2 аннотировались (с неудачным переводом названия) в Хр. 52.

В вып. 3 – сообщение о том, что 25 февраля 1979 г. на здании школы в Кырквеюла был вывешен национальный флаг независимой Эстонии; выселение 80 тыс. эстонцев в Сибирь в 1949 г. в порядке "раскулачивания"; биографические сведения о бывшем политзаключенном Тайво Праксе (Хр. 51); перевод с чешского "Хартти -77"; письма о нарушении тайны переписки и русификации в Эстонии.

Вып. 5 имеет подзаголовок "Специальный выпуск: сегодня – 40 лет назад". На первой странице – фотографии Сталина, Гитлера, Молотова, Риббентропа. В нем содержатся коллективное письмо, посвященное сорокалетию советско-германского договора (см. "Письма и заявления"); сообщение о допросах и преследованиях некоторых эстонцев, подписавших это письмо; письмо протеста против ареста Великойкановой, Якунина, Терляцкаса (см. "Первое ноября"); документы – секретные протоколы к договорам между СССР и Германией в 1939-41 гг.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

В.А. Орехов был арестован 30 октября 1978 г. (Хр. 53, "Суд над Морозовым").

* * *

А. Имнадзе был приговорен в декабре 1978 г. за "антисоветскую агитацию и пропаганду" к 5 годам лагерей строгого режима и 4 годам ссылки (Хр. 53).

* * *

В. Сичко был исключен из университета не в 1973 г. (Хр. 53), а в 1977 г. Исключили его за то, что его отец П. Сичко отказался сотрудничать с КГБ (так пишет мать Василия С. Петраш). Выступили отец и сын Сичко на могиле Ивасюка не 12 июня (Хр. 53), а 10 июня.

* * *

В первых числах июня капитан Рак (35 Пермский лагерь) вырвал у К. Исмагилова черновик его заявления. В результате инцидента Исмагилову было объявлено постановление о водворении его в ШИЗО на 10 суток, однако осуществлено это было лишь 15 июня, в день начала голодовки С. Ковалева (Хр. 53). 28 июня, снимая голодовку, Исмагилов уведомил администрацию о своем намерении объявить с 10 июля забастовку, если до тех пор требования Ковалева не будут удовлетворены. С 2 июля трехсуточную голодовку в поддержку Ковалева держал А. Юскевич. Трехсуточная голодовка Н. Григоряна (Хр. 53) была объявлена им 4 июля — также в поддержку Ковалева.

* * *

Пресвитера Рязанской общины баптистов А.В. Никиткова и Н.Ф. Попова осудили только по ст. 190-1 УК РСФСР (Хр. 53). Обвинение по ст. 142 УК РСФСР было снято с них во время предварительного следствия.

Дело Лубмана

"Хроника" получила возможность дополнить и уточнить сообщение о деле Лубмана (Хр. 51).

Леонид Яковлевич Лубман окончил радиотехнический факультет Ленинградского политехнического института. Некоторое время работал в режимном учреждении. Намереваясь уехать из СССР, ушел с этой работы. Последние 5 лет Лубман работал начальником отдела НОТ электро-монтажного треста. За два месяца до ареста, собираясь подать заявление в ОВИР и не желая подводить руководство треста, Лубман перешел работать инженером отдела труда и зарплаты на завод электротехниче-

ских изделий. Лубман — автор ряда статей по организации производства, опубликованных в советской научной печати. По этой же тематике он написал диссертацию, но защитить ее не успел.

Лубмана арестовали 29 августа 1977 г. В тот же день в его квартире, где он жил со своей бывшей женой (незадолго до ареста они развелись), и в квартире его родителей произвели обыск. На обыске у Лубмана было обнаружено его готовое заявление на выезд в Израиль.

До января 1978 г. Лубмана обвиняли по ст. 70 УК РСФСР. В январе 1978 г. в Ленинград приезжал зам. прокурора РСФСР. С этого времени Лубману переквалифицировали обвинение на ст. 64 УК РСФСР. Следствие по делу Лубмана вели зам. начальника следственного отдела Ленинградского УКГБ Ребчук ("Все евреи одинаковы, всех вас следует расстрелять", — заявил он однажды Лубману) и А.П. Цыганков.

Ленинградский городской суд под председательством Карлова рассматривал дело Лубмана с 15 до 18 марта 1978 г. Защищал Лубмана адвокат С.А. Хейфец.

В первый день суда комендант не допустил родителей Лубмана в зал суда: "Вам не разрешили — суд закрытый". На оглашение приговора их пустили.

В приговоре сказано, что Лубман в 1976-77 гг. направил в ЦРУ США документы, в которых сообщил сведения, составляющие государственную тайну, высказывал рекомендации по подрывной работе в СССР в форме террора, шпионажа, диверсий и радиопропаганды, а также передал материалы о советском строе, написанные с антисоветских позиций. 26 июля 1977 г. Лубман для согласования времени прибытия из-за границы связника обратился к гр-ке Лоре Буш, проживающей в Копенгагене (Лубман действительно звонил в Копенгаген своей знакомой — бывшей советской гражданке, вышедшей замуж за датчанина — Хр.). В августе 1977 г. он попытался переправить за рубеж рукописные и машинописные документы враждебного содержания на 248 листах. Лубман дал отрицательные характеристики примерно на 30 партийно-государственных деятелей и руководителей режимного института (адвокат Хейфец представил суду статью в "Ленинградской правде", где критикуется работа того же института и тоже приводятся фамилии отдельных лиц), указал номер автомашины одного из руководителей партии и государства и писал о мерах по обеспечению его безопасности (речь идет об известном каждому ленинградцу автомобильном кортеже первого секретаря Ленинградского обкома Романова), сообщил в ЦРУ составляющие военную тайну сведения об изделии "Аргумент", выпускаемом одним режимным предприятием (адвокат указал на суде, что в рукописи Лубмана ничего кроме названия "Аргумент" не было), и данные о работе другого режимного предприятия, не подлежащие опубликованию. Вина Лубмана подтверждается его частичным признанием, что он писал эти документы, и актом об изъятии 10 августа 1977 г. у итальянской гражданки Николетты Габриэлли при таможенном досмотре статьи Лубмана об управлении производством, которую она должна была передать Буш. С итальянским филологом Н. Габриэлли, проходившей в СССР

десятидневную практику, Лубман дважды встретился на своей квартире (на суде Лубман отрицал, что встречался с Габриэлли; Габриэлли при таможенном досмотре показала, что рукопись ей передал на Невском незнакомый мужчина; на суде Габриэлли не было). В приговоре сказано также, что, поскольку Лубман — член партии, окончил университет марксизма-ленинизма и имеет благодарности и положительные характеристики, его действия являются преднамеренными. Суд приговорил Лубмана к 13 годам лагерей строгого режима.

10 апреля 1978 г. ТАСС передало для заграницы сообщение об осуждении Лубмана за "измену Родине".

12 апреля 1978 г. исполнительное бюро НТС сделало заявление "Сочиняют очередную измену Родине":

...

КГБ выдумывает шпионское "дело", чтобы прикрыть свою преступную деятельность против всякого инакомыслия ... Лубман — автор неизданной в СССР книги об экономических проблемах Советского Союза. ... Лубман поручил друзьям, выезжающим на Запад, выяснить возможность издания его книги. НТС обратился к итальянской славистке Габриэлли с просьбой посетить автора и предложить вывезти его труд для издания за границей. Лубман передал Габриэлли рукопись и свои пожелания к ее публикации. Однако при выезде Габриэлли из СССР рукопись толщиной в несколько сот страниц, подписанная автором, была обнаружена на таможенной проверке и конфискована.

Госпожа Габриэлли не была задержана, хотя, согласно сообщению ТАСС, она вывозила "ряд документов", в которых Л. Лубман якобы сообщал сведения секретного характера ... Очевидно, решение КГБ раздуть очередное шпионское "дело" было принято значительно позднее. НТС обращает внимание на то, что власть снова обращается к методам, излюбленным ею в сталинские годы...

В № 6 журнала "Звезда" за 1979 г. напечатана статья В. Володина "История падений и предательства" — об НТС и Лубмане.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аблаев Р.	88	Баумволь Р.	134	Бузинников Е.	66
Абрамкин В.	18,28,53	Бахмин В.	5,16,68,130	Буковский В.	7
Абрамович	91	Бабко В.	32,69-70	Булгаков М.	6
Авторханов А.	7,26	Бабко Ф.	69	Бунаков	10
Агапова Л.	33,110	Бегин М.	135	Бунковский Е.	105
Адамович В.	74	Белановский С.	24-25	Бураускыйте Б.	90
Адоратский	20	Белинков А.	134	Бурцев В.	29
Аксенов В.	126-127	Белов Н.	64	Бурцев Ю.	24,25,28
Алексеева Л.	22	Белов С.	111-112	Бухарин Н.И.	135
Алексей, патриарх	14	Белов Ю.	126,136	Буш Л.	150
Алишаускас	95	Белорусец М.	41-42	Валитова-Орлова И.	63-64
Алтуян Г.	35	Беляев Н.Н.	141	Вальдхайм К.	148
Аметосмановы	86	Бенетис	89	Ванагайте З.	90
Амирова З.М.	85	Бердник А.	134	Васильте	49
Андреев	8	Бердяев Н.	7	Васильев В.С.	27
Андропов Ю.	107,111	Беренфельд М.	146	Васильев В.	122-123, 143
Андрющенко	108	Береза	36	Васильев Ю.В.	74
Антонюк З.	75	Берничук А.	64	Великанова К.	145
Апдайк Дж.	127	Билык В.С.	122	Великанова Т.	5-6,8, 12,13,15-23,25, 136,143,144,148
Арутюнян Э.	128,143	Бирман	133	Веревкин	109
Асанов И.	86	Битов А.	126	Верченко Ю.	126
Ахмадулина Б.	126	Бичонас В.	147	Вивчар З.	75
Ахматова А.	7,9	Блехер Л.	28	Викторович	89
		Бобров	91	Вильчинская Г.	105
Бабицкий К.	16	Богораз Л.	18-19	Винничук П.	79
Бабиченко Е. и С.	125	Богоявленский В.	47, 48	Виноградов	108
Бабухина Т.	27	Бодэ Е.С.	142	Винс Г.	122
Бабушкин	109	Бойцова Л.	128	Виткаускас	89
Бадзе Ю.	41	Болысов В.	55	Вишневский В.	43
Баев А.А.	134	Бондарь П.	104	Владимов Г.	6
Баева Т.	30-31	Боннэр Е.	13,16,136	Власов А.	103
Бакученис Ю.	94	Борисов Вл.	32-33	Войнович В.	134
Балахонов В.	55	Боровик Н.	49	Войно-Ясенецкий	7
Балацкий	108	Браиловский В.	30	Волгина	122
Балтрушите С.	94-95	Брежнев Л.	40,62,101, 111,112,124,137,140	Володин В.	151
Балтушка П.	93	Бродская А.	116	Волохонский Л.	50,69
Барладяну Вал.	34	Бруцкус Б.	147		
Барладяну Вас.	34,65	Будулак-Шарыгин Н.	125		
Барышников М.	135				
Баскас М.	148				
Батурин Н.	106				

Волошанович А.	33	Горченко С.	102	Евсеев П.	139
Воннегут К.	127	Готовцев А. см. Рос- сийский		Егерев В.	29
Воробьев	25,26	Гофман Л.	109	Ежопков	8
Восюлис Й.	95	Граждан	35	Елисеев	92
Восюлите В.	95	Григоренко В.	133	Елистратов В.	114-115
Вэй Циньшэн	137	Григоренко П.	22	Епишев Н.	28
Габович Е.	38	Григорович	43	Ермолаев С.	46-48
Габриэлли Н.	150-151	Григорьев В.	74	Ермолаева М.	46
Гайнов, о.Н.	15	Григорян Н.	60,149	Ерофеев В.	126-127
Галецкий (Ушаков)		Гридин Н.В.	31	Ерышев С.	32
Ю. 43,50		Гримм Ю.	5,133	Ефимов И.	134
Галич А.	134	Грин В.	146-147	Жвикайте В.	95
Галлямов С.	84-85	Гроберман Я.	113	Жив И.	141
Ганжа М.В.	132	Губерман И.	30-31	Жолковская И.	136,
Ганкевич Д.	105	Гулык С.	38		139
Гароди Р.	135	Гуля А.А.	102	Жуйков	52
Гарынин	106,107	Данилюк И.	106	Журавков	63
Гастев Ю.	16	Даниэль Ю.	139	Заболотный	11
Гель И.	56	Дашкевич Л.	42	Завуров А.	146
Гель М.	56	Дашкевич Я.	42	Загирняк А.	61
Гельфельд Е.	116	Демьянов Н.	80	Загитдулин	47
Гендин Л.	141	Дерябин В.	31	Зайцев В.	8,81
Герасимов	131	Джемилев М.	76-77,	Зайцева О.	142
Германишкас	92		87,88	Заматкина Т.	28
Гершуни В.	27	Джемилев Н.	88	Заочная Т.	33
Гимбутас Ю.	112-113	Джемилев Р.	87-88	Захаров	109
Гинзбург А.	10,22,	Джемилева З.	87	Здановская Л.	9,11,12
	112,130	Дидык Г.	86	Здоровый А.	74
Гитлер А.	147,148	Димов Д.Д.	102,103	Зиновьев А.	26,30
Гладилин А.	134	Димова С.	103	Зинец М.	103
Глебова М.И.	125	Дмитриев	123	Зинченко	58
Гнатенко В.	35,38	Дмитриев	132	Зисельс Иосиф	66-69
Годяк В.А.	118	Довганич З.	59	Зисельс Ирина	68
Голумбиевская А.	34-	Долготер Я.	103	Зотов	7
	35	Долл Б.	73	Зубахин Б.	31-32
Гольдберг Т.	30	Дружинин А.	50	Зубахина О.	32
Гольдштейн Г.	114	Дубаускас Ю.	74	Зубчик Е.	101
Гончаров	70,72	Дудко, о.Д.	9,21,30	Иванаускас	89
Гончаров	109	Дыбенко Н.К.	123	Иванов А.	101
Гончаров В.	34	Дядькин И.	77	Иванов Вяч.	8
Горбаль Н.	39-40	Евдокимов Б.	35,125	Иванова Л.	9,10,12
Горбаневская Н.	6	Евдокимов Р.	125	Ивасюк В.	149
Горгас Р.	93	Евсеев Е.	135	Игнатъев	116
Гордиенко Ф.	106				
Горетой Н.	121-122				

Игрунов В.	34	Кислик В.	116	Кузнецов Ф.	127
Имнадзе А.	149	Кистяковский А.	19	Кукобака М.	6,49, 70-72,73-74,139
Исакова В.	35	Кнох В.	114	Кулагин П.	29
Искандер Ф.	126-127	Ковалев И.	13,16,26, 62,136,144	Кулак О.	61
Исмагилов К.	60,149	Ковалев С.	12,22, 60-63,144,149	Кулишев	108
Исмаилов	85	Коваленко В.	43	Кульветите Л.	95
Исмаилов	120	Ковнер М.	33	Куроедов В.А.	101
Казачков М.	55	Коков	114	Кушнир М.	105
Казачкова Д.	55	Кокорин	64	Кушниренко И.	117
Калакаускас	96	Колбанцев	109	Кьямелене Д.	92,143
Калинаускас Л.	93	Колотилин А.	32	Лабанаускас Й.	93
Калинец И.	61,75	Колотилина Т.	32	Лавут А.	16,22,77,136
Калиниченко В.	85	Комаров	24	Лазуткин В.	28,29
Каллистратова С.	13, 16,22,136	Кондратьев	35	Ланда М.	13,136
Калмыков	132	Коновалихин В.	78, 140	Лапенис В.	58
Кальк	89,90	Конопацкая И.	81	Ларина Л.	146
Калюжный В.	81	Константинов Г.	32	Лауринавичюс А.	93
Калюжный Д.	38	Копелев Л.	19,134	Лауринавичюс Б.	20, 97,136
Каляшин А.	72	Копецкий В.	134	Лебелев	141
Каменский А.	146	Копчук Л.	103	Лебедева Т.	29
Капаев В.Н.	5,6	Коржавин Н.	7	Левенков Н.	84
Капитанчук В.	9,10, 12,15,98	Корнилов В.	134	Лем С.	24
Каплун И.	32,130	Коробань А.	78	Лемешко	35
Капоян В.	58	Коссе А.	86	Ленин В.	20,81
Караванский С.	74,85	Костава М.	63,64	Лепетунов	29
Карагезьян	76	Костенюк В.	105	Лесниченко Н.	69
Каратаев Б.Б.	5,130	Косыгин А.	101	Липатов А.	88
Каратаев Л.Б.	5,25	Косяк	70,72	Липинская В.	80
Карейша И.	83-84	Котельникова А.	125	Липкин С.	126
Карлов	150	Коц Н.	79	Лисянская И.	126
Кармацкий	29	Кравчук М.Ф.	102	Лисовой В.	76
Каролене	90	Кражаускас П.	93	Лисовская Н.	6,7,12
Каролины Ю. и Е.	115	Краснов-Левитин А.		Литвин Ю.	6,36-37,40
Карпенко М.	57,58		11	Литовченко Л.	41
Карпов	65	Крахмаляникова З.	21	Лиятов (Яковлев) М.	24,27,34
Картер Дж.	40	Кренстон М.	9	Лось Т.	126
Каталиков В.В.	5,6,8, 10,11	Кружилин Ю.	77	Лубман Л.	57,61, 149-151
Кейдан В. и Ю.	5,6	Крутилов	123,124	Лукаускайте-Пошкене	О. 20,97,135,136
Керлер И.	134	Крымская	5	Лукшас	91
Кийренд М.	63,64	Кувакин Вс.	20,32,33, 49,52,82,133,147	Лупачев И.	110
Киндурис	93	Кузнецов А.	134		
Кириченко С.	40,41	Кузнецов С.	64		

Лупинос А.	82	Миллер А.	127	Никитин Н.	32,49-52,
Луцик М.	37	Мильнер А.	113		69,82
Лысенко	111	Мисин Ю.	106-107	Никитина А.	50
Любарский К.	22,25,	Михайленко А.	34	Никитина Г.	30
	85,147	Михайлов Г.	42-46,54	Никитков А.	107,149
Лявулис Ф.	93	Михайлов М.Я.	121	Никлус М.	20,129,147
		Михайловский	109	Николаев Е.	20,33
Магдеев	64	Михайлюков	101	Николай П.	99
Макаренко	108	Михалков С.	126	Никомаров	61
Максимов В.	10,126,	Мишунова Ф.	30	Новик	70,71
	134	Мищенко Д.	38	Новиков	8
Малафеев	55	Моисеев А.	141	Новиков А.	94
Малинкович В.	41	Молибога Г.А.	82	Новиков М.	110
Малинкович Г.	41	Молотов	148	Новодворская В.	20,
Мальшко И.	102	Монаков	35-36		33,49
Малыревский С.	82	Монбланов	40	Ной Я.	119-120
Мамут М.	87	Морозов А.	19	Нудель И.	25
Мандельштам Н.	29	Морозов М.	49,53,		
Мандельштам О.	7		141,149	Обрубков Н.	23
Маринович М.	60	Москаленко	72	Овсиенко В.	40
Марич М.	104	Мурженко А.	56	Овчаренко Н.	102,103
Маркс К.	81	Мурженко Л.	36,56	Огородников А.	28,
Маркявичюс	96	Мустаев Ф.	87		29,48,66
Маркявичюс Й.	95	Мустафаев И.	86	Олби Э.	127
Марсал А.	119	Мухаметшин Б.	64	Олейник Е.	115,116
Мартынов А.	69	Мухина О.	32	Олейник И.	115
Марченко А.	40	Мынбаев	104	Олицкая Е.	38
Марченко В.	40			Ончуленко Л.	105
Масюлене-Бичюнайте		Назарук В.	108	Орехов В.	149
Ю.	147	Назарян Р.	57,58	Орлов Ю.	5,22,63-64,
Матвеюк В.	123-124	Найденович А.	48		130
Матвеюк С.	123-124	Намонюк П.	122	Орлова Н.	46
Матулис Р.	89	Нарица П.	75	Орлова Р.	134
Матулявичюс	95	Насташук И.	105	Осин Н.	59
Матусевич Н.	59,111	Наумова Н.	116	Осипов В.	57,58
Матусевич О.	41,111	Нашиц М.	79,113	Осипова А.А.	47
Матусевич Т.	59	Негров	35	Осипова Т.	13,16,25-
Маяковский В.	27	Некипелов В.	13,17,		26,136,143
Медведев Р.	24		23-24,73,128,132,	Османов Р.	86
Медведчук В.	36		136,139,145	Островская Н.	131-132,
Мейман Н.	13,16,130	Некрасов В.	134		140
Меленко Н.	102	Некрич А.	134	Островский Л.	140
Мельников	62	Немеринская Н.	69	Остроущенко С.	34
Мельников Л.И.	81	Нетикша	108	Охапкин О.	28
Мельничук	40	Нийтсоо В.	20		
Мешко О.	35,37,42,	Нижалова О.	106	Павленков В.	125
	75,76,142	Никитин	7	Павленкова С.	125

Павлюк А.	37	Прапестис Ю.	95	Российский (Готов-	
Папсон Т.	128	Прокоп Д.	104	цев) А.	6,52-54
Парэк Л.	20	Прокопчук Г.	101	Ротштейн В.	116
Пастернак Б.	27	Прокопчук М.	101	Ротштейн С.	116
Патацкас А.	95	Прутяну М.	106	Рощенко	108
Пашал	86	Пурлис Б.	74	Рубцова	114
Пашкаускаене А.	96	Пушный	67	Рудая Н.	102
Пашковский М.	106	Пшегонов	124	Руденко Н.	57,58,134
Пашнин Е.	79,141	Пшеницын	108	Рудницкий В.	102
Петкявичюс	96	Пярт А.	113	Рудяк	75,76
Петраш С.	37,149	Пярт Н.	113	Руснак М.	78
Петров	49	Пяткус В.	91,97	Рыжков Н.	47
Петров	116			Рыжов А.	28
Петрюга	102	Рагайшис Р.	89-91, 96,147	Рылова	50
Пидгородецкий В.	65	Раджабов А.	57	Рыскаль А.	103
Пимен, патриарх	15	Райлян	103	Рытиков В.	105
Пишкин	71	Райнис	95	Рытиков П.	105,107
Пищенко В.	124	Райтбурд Ц.	30	Рябкина М.	146
Плахоткина М.	80	Рак	61,149	Саблин	131
Плахотнюк Н.	6,82	Ракицкас В.	93	Савельев	108
Плющ Л.	126	Раманаускайте А.	91-92,143	Савушкин	106-107
Побежимов А.	62	Ратас Э.	20	Савчин А.	74
Повилонис Л.	93	Раудис	95	Савчук А.	102
Поваров	85	Ребчук	150	Садунайте Н.	78
Подкалюк М.	102	Ревуцкий	66,67	Сажнев	108
Подрабинек А.	131-132, 140	Регельсон Л.	10,11, 29,98	Сазонов	27
Подрабинек П.	67	Редин А.	107-108	Салимов С.	88
Полищук А.	104	Редин С.А.	107-108	Самойленко М.	56
Полудняков В.	128	Резникова Е.	61-63	Самотесов	109
Полуэктова Л.	6,9,10, 11,12	Реймер Г.	119	Сартаков П.	77-78
Полюх Ю.	103	Рейнарт В.	20	Саснаускас Ю.	96
Поляков А.М.	46	Репников В.	110,133	Сахаров А.	16,29,48, 112,129,136-138,144
Поляков И.	46-48	Репп Н.	119-121	Сваринскас А.	94
Померанц Г.	34	Репп Э.	119,120	Сверстюк Е.	38-39,75
Пономарев	25	Риббентроп	148	Светличная Л.	41
Попадюк З.	57,58	Рогаткин А.	46-48	Светличный И.	41,75
Попков В.	29	Родионова Л.	43	Светов Ф.	8,21
Попов	10	Рожков	61	Селивончик Г.	74
Попов Е.	126-127	Розенман А.	116	Селин	127
Попов Н.	106,107,149	Розумный П.	38-39,75	Сеник И.	42
Попов С.	106-107	Романов	150	Серая В.	35
Поповы Н. и О.	133	Романюк-Антонюк М.	140	Сергеев Л.	49
Поповский М.	7,134			Сергиенко А.	75-76
Пореш В.	28-29	Романюк В.	140	Серебров Ф.	145
Пракс Т.	148			Серейкис С.	93

Серый Л.	35	Стус В.	40,79	Фекса	129
Сиденко Ф.	124	Суровцев Н.П.	133	Фельдман А.	113
Силла П.	20	Суровцева Н.В.	38	Фефелов В.	132,142
Симич М.	65	Сухолуцкий А.	116	Филарет, митрополит	
Синявский А.	134	Сысоев В.	54,142		40
Сиско Л.	116	Сюргучев	64	Финкельштейн Э.	97
Ситников Н.	101			Флорескул А.А.	102
Сифоров	111	Талмантас	93	Фокин А.А.	139
Сичко В.	37,149	Тамкявичюс С.	92,94	Фонченков, о.В.	15,98
Сичко П.	37,149	Тамонис М.	95		
Сквирский В.	49	Тарто Э.	20, 32	Халко	91
Скипетрова	49,52	Тарулис Й.	93	Харин	108
Скобов А.	82	Телесин Э.Л.	134	Хасин Г.	115
Скорняков Я.	104	Тереля И.	81	Хейфец С.А.	150
Скрипка	11	Терляцкас А.	12,13, 19,20,96-98,144,148	Хмурович	77
Смирнов	128	Терновский Л.	16,17, 136	Ходорович С.	19
Смирнов В.В.	108		63	Ходорович Т.	12
Смит М.	140	Тилгалис М.	63	Хорьков	64
Смогитель В.	40	Тильман Г.	119	Хохлов	35
Смолич Ю.	38	Ткаченко	38	Хохлушкин И.	22
Сокирко В.	6-7,12,18	Ткаченко Л.	7	Хохорин В.Н.	23
Соколов	6	Тобак А.И.	82	Хромова А.	140
Соколов	123,124	Толмачев Н.	145	Хромушин	65
Соколов В.	29	Толстая А.Л.	138	Хуа Гофэ	137
Соколов С.	130	Тополян Р.Г.	29,49	Хундучко	101
Солдатов	77	Трофимов А.В.	7	Хуторской Я.А.	84
Солдатов С.	57,58,144	Трянова	34	Цветаева М.	20
Солженицын А.	9,26, 29,134	Турик А.	57,61	Цитленок Б.	79,113, 126
Соловьев В.	8	Тымчук Л.	34		
Соловьев О.	129-130	Тягун	108	Цитовская Е.	46,48
Соловьев С.М.	8			Цитовский И.	146
Сорокин В.	18,27	Убожко Л.	80	Циценко	46
Спалинь А.	103	Удам Э.	20	Цурков А.	63,64,127
Стайрон У.	127	Удовенко Г.	103	Цуркова (Лопатухина)	
Сталин И.	50,146-148	Уколов	64	И.	127-128
Станкявичюс	95	Улитин В.	102	Цыганков	29
Статкявичюс А.	20,96, 97,136	Урсул П.В.	105	Цыганков А.П.	150
		Устинов	139	Цыганок Н.М.	27
Степаненко	36	Ушаков Г.	58		
Степанов В.	9,11			Чалидзе В.	22
Стокотельный П.	40, 41	Файнберг В.	130	Чеберака	101
		Федоренко В.	56	Черемухин С.	145
Стрельцов В.	42	Федоренко С.Г.	102	Черкесов В.	29
Строкатова Н.	42,74, 85	Федоров	62	Черней	67,68
		Федорчук В.В.	142	Чернов	132
Строценъ	60	Федяшов	106-107	Черновол В.	76

Чернокнижная	120	Шишикины Т. и Н.	124	Юскевич А.	60,61,149
Чернявская И.	116	Шпенст Г.	119	Юшкевичюс А.	93,94
Чернявский С.	116	Штеффен И.П.	72-73		
Черняк Л.	116	Шуляев	66	Яковлев	67,68
Чесюнас	147-148	Шуткин А.	128-129	Яковлев М.см.Лиятов	
Чириков	85			Яковлев Ю.С.	5,8,10,11,29
Чистяков	47	Щаранский А.	55-56	Якорева А.	32-33
Чус А.П.	28	Щеглов В.	9,10,12,15	Якуйчис	89
		Щелоков Н.	43,75,112,119	Якунин, о.Г.	5,8-15,19-21,23,29-30,98,144,148
Шайн Б.	117-118	Щербицкий	116	Якунина И.	8,9
Шакалис В.	96	Щипкова Т.	29,99	Якунина М.	9
Шакиров Б.	58	Энэхиељи А.	128	Янкелевич Е.	22
Шальман Е.	46,48	Эткинд Е.	134	Янкович А.	82
Шароглазов	77	Эшлиман Н.	13	Янкявичене А.	90
Шатравка А.	86			Яньков Г.	82
Шепелев В.	110	Юров Г.П.	23	Ярым-Агаев Ю.	6,13,16
Шершевский В.	53	Юровский Б.	24-25	Яшенко Ф.Г.	102
Шибает С.	139	Юрвичюс М.	20,97,136		
Шик О.	135				
Шимкунене	89				
Шипилов С.Е.	5,25				
Ширяева В.Г.	9				

\$ 5.00